

ЖИВОЕ СЛОВО

ПОСОБІЕ ДЛЯ НАГЛЯДНАГО ОБУЧЕНІЯ

ВЪ СЕМЬѢ И ШКОЛѢ.

491.71(084)
#-67) ред

ЖИВОЕ СЛОВО

ПОСОБИЕ ДЛЯ НАГЛЯДНАГО ОБУЧЕНИЯ

ВЪ СЕМЬѢ И ШКОЛѢ.

ИЗД. А. Ф. ДЕВРИЕНА.

С. П. Б.

ДѢТСКОЙ. 1. Колыбель.—2. Кукла.—3. Ванна на стулѣ и термометръ.—4. Гремущка.—5. Дѣтская колясочка.—6. Труба.—7. Дѣтскій стулъ.—8. Термометръ.—9. Мячикъ.—10. Ведро.—11. Деревянная лошадка.—12. Дѣтскія туфельки.—13. Дѣтскіе полусапожки.—14. Кукольная колясочка.—15. Газовая лампочка на подносѣ; на ней кастрюля, подлѣ тарелка съ ложкой.—16. Корзина съ плодами.—17. Дѣтскій столикъ со скамьей; на немъ кружечка и спящая кошка.

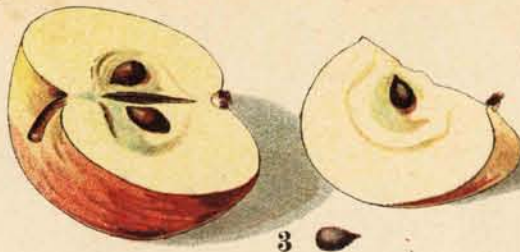
Въ спальнѣ. 1. Мягкій стулъ.—2. Подсвѣчникъ со свѣчкою.—3. Коробка спичекъ и одна спичка.—4. Бритва и кисточка.—5. Гребенка и головная щетка.—6. Умывальная чашка и кувшинъ.—7. Карманные часы съ цѣпочкою.—8. Папашины туфли.—9. Кровать со спальнымъ ковриккомъ.—10. Ключъ.—11. Мыльница съ мыломъ.—12. Служка.—13. Ручное зеркало.—14. Высокіе сапоги.—15. Губка.—16. Стѣнное зеркало.—17. Спичечница.—18. Ночной столикъ.—19. Пуховая кисть для пудры.—20. Зубная щетка.—21. Умывальный столикъ съ умывальнымъ приборомъ.—22. Грълка.—23. Зеркальный шкафъ.

ВЪ КОМНАТАХЪ. А. 1. Корзичка съ цвѣтами. — 2. Висячая лампа. — 3. Лейка. — 4. Попугай. — 5. Мягко кресло. — 6. Сигары. — 7. Катуска нитокъ. — 8. Шахматна доска. — 9. Пуговица. — 10. Ножницы. — 11. Столъ съ салеткою. — 12. Пылна щетка. — 13. Рабочий столикъ. — 14. Метла. — 15. Муха. — 16. Ножъ. — 17. Клетка съ канарейкою. — 18. Булка. — 19. Бѣлый хлѣбъ. — 20. Скамейка. — 21. Диванъ. — 22. Савокъ для со...

1

3

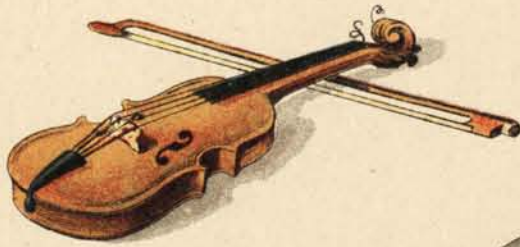
5

2

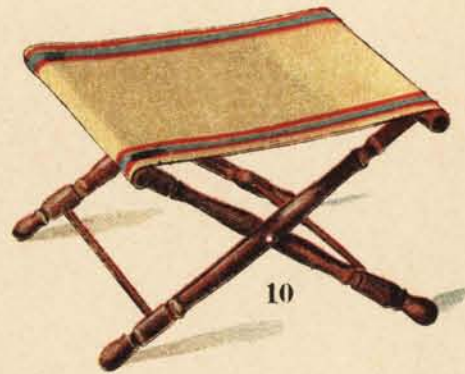
4

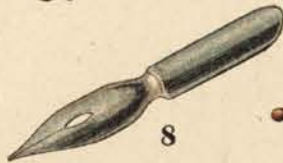
7

6

10

8

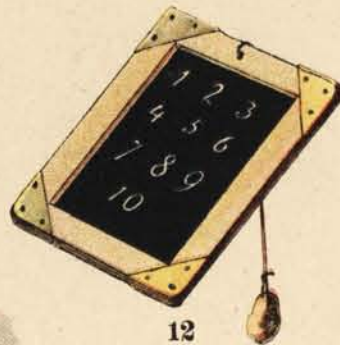
9

11

15

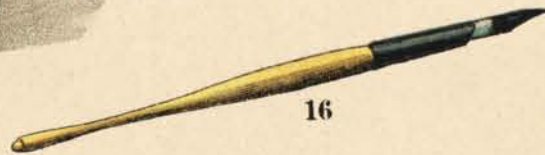
12

13

14

16

17

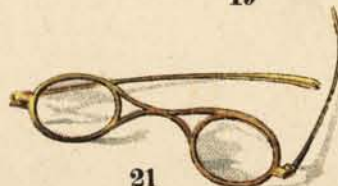
18

19

20

21

22

23

Въ комнатахъ Б. 1. Швейная машина.—2. Домино.—3. Разрѣзанное яблоко и зерна.—4. Кошка, играющая мячемъ.—5. Стѣнные часы.—6. Перочинный ножикъ.—7. Скрипка со смычкомъ.—8. Стальное перо.—9. Волчекъ съ плеткою.—10. Складная скамейка.—11. Колокольчикъ.—12. Асидная доска съ губкою.—13. Барабанъ съ палками.—14. Карандашъ.—15. Комодъ.—16. Ручка со стальнымъ перомъ.—17. Письменный приборъ: чернильница и песочница.—18. Складной метръ.—19. Собака кингъ-чарльзъ.—20. Корзина съ плодами.—21. Очки.—22. Длинная трубка.—23. Печка.

Въ прихожей. 1. Зонтъ и палка. — 2. Вѣшалка съ пальто, шляпами, муфтою и мѣховымъ воротникомъ. — 3. Винтъ. — 4. Клещи. — 5. Молотокъ. — 6. Шляпанная щетка. — 7. Письмо. — 8. Ключъ. — 9. Жестянка для ботанизования. — 10. Ручной чемоданъ. — 11. Гвоздь. — 12. Лошадка-качалка. — 13. Половая щетка. — 14. Звонокъ. — 15. Лукъ. — 16. Скобель. — 17. Буравъ. — 18. Флейта. — 19. Корзина для провизии. — 20. Шляпа цилиндръ. — 21. Кегли и шаръ.

Въ кухнѣ. А. 1. Утюгъ. — 2. Лопатка для угля и кочерга. — 3. Стручекъ бобовый и бобы. — 4. Лимонъ. — 5. Сявокъ для сору. — 6. Чашка съ блюдцемъ и чайная ложка. — 7. Мѣхъ. — 8. Рѣдиска. — 9. Миска. — 10. Уполовникъ. — 11. Тарелка съ колбасой. — 12. Пивная кружка. — 13. Столовая ложка. — 14. Спичка. — 15. Кольца. — 16. Вѣсы. — 17. Кувшинъ съ крышкой. — 18. Пробочникъ. — 19. Огонь. — 20. Черный тараканъ. — 21. Плита.

ВЪ КУХНѢ. Б. 1. Кастрюля.—2. Терка.—3. Сѣчка.—4. Огурецъ.—5. Доска для зелени.—6. Лукъ.—7. Солонка.—8. Воронка.—9. Мышь.—10. Мышеловка.—11. Мутовка.—12. Скалка.—13. Ступка съ пестикомъ.—14. Кофейная мельница.—15. Ложка мѣшалка.—16. Кофейные бобы.—17. Голова сахару.—18. Шумовка.—19. Морковь.—20. Станокъ для рубки мяса и косарь.—21. Кофейникъ.—22. Чашка.—23. Ведро для воды.—24. Картофель.—25. Лопаточка.—26. Топоръ.

Въ погребѣ. 1. Шайка. — 2. Свекла. — 3. Чанъ съ ручкою. — 4. Паукъ. — 5. Подсвѣчникъ. — 6. Молотокъ. — 7. Кувшинъ. — 8. Сифонъ (насосъ). — 9. Кранъ. — 10. Бутылка и рюмка. — 11. Селлерей. — 12. Кочанъ капусты. — 13. Пробка. — 14. Бочка. — 15. Мѣдный кранъ. — 16. Колотушка. — 17. Мокрица. — 18. Чанъ съ ремнями. — 19. Сито для процеживанія. — 20. Лоханъ.

На дворѣ. 1. Козлы для пилки.— 2. Колода и топорь.— 3. Точильный камень.— 4. Мячь.— 5. Голубь — 6. Корзина.— 7. Лѣстница.— 8. Лопата и метла.— 9. Собака и конура ея.— 10. Обручь (игрушка).— 11. Салазки.— 12. Пила.— 13. Тачка.— 14. Водокачалка.

Въ саду. А. 1. Олеандръ.—2. Лопаточка.—3. Фонтанъ.—4. Пальма.—5. Груши.—6. Цвѣточные горшки.—7. Грабли.—8. Серпъ.—9. Бесѣдка.—10. Яблоки.—11. Фуксія.—12. Игла для пересадки (буравъ).—13. Лейка.—14. Тачка.—15. Садовый рубакъ.—16. Роза.—17. Лопата.

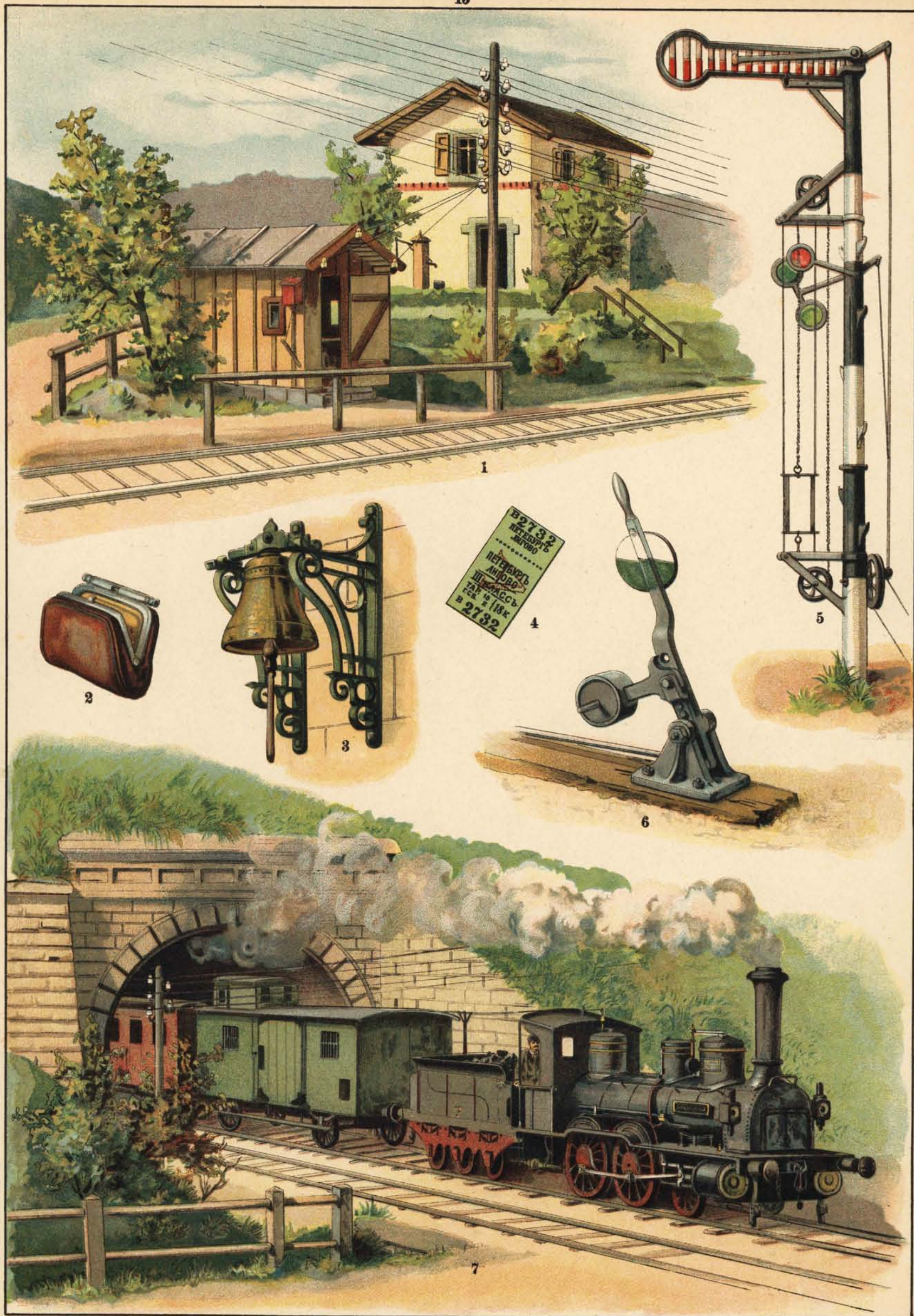
Въ саду. Б. 1. Вишневая вѣтвь.—2. Персиковая косточка.—3. Персикъ.—4. Ручная пила.—5. Вѣтка крыжовника.—6. Незабудки.—7. Садовая земляника (Викторія).—8. Пчелиные ульи.—9. Иванъ-да-Марья.—10. Пчела.—11. Божья коровка.—12. Смородина.—13. Качели.—14. Ящикъ для пересадки.—15. Скворешница со скворцомъ.—16. Вилы.

На дорогѣ. А. 1. Точильщикъ. — 2. Прудъ съ лебедями. — 3. Водопроводъ. — 4. Вилла. — 5. Фонарь. — 6. Конножелѣзный вагонъ съ лошадью и пассажирами.

На дорогѣ. В. 1. Статуя. — 2. Кіоскъ для объявленій. — 3. Телеграфная проволока съ изоляторомъ. — 4. Велісопедистъ. — 5. Мальчикъ на ходуляхъ. — 6. Храмъ.

По желѣзной дорогѣ. А. 1. Сторожка. — 2. Портмонѣ. — 3. Сигнальный колоколь. — 4. Билетъ. — 5. Сигнальный столбъ. — 6. Стрѣлка. — 7. Поездъ, выходящій изъ туннеля.

По желѣзной дорогѣ. Б. 1. Шлагбаумъ. — 2. Верстовой столбъ. — 3. Сигнальный свистокъ. — 4. Аппаратъ со звонкомъ. — 5. Телефонъ. — 6. Доска съ правилами для прохожихъ. — 7. Почтовый ящикъ. — 8. Желѣзнодорожный мостъ.

На корабль. 1. Лодка на рѣкѣ. — 2. Бинобль. — 3. Подзорная труба. — 4. Якорь. — 5. Компасъ. — 6. Воздушный шаръ. — 7. Пароходъ. — 8. Маякъ.

ГОС. НАУЧНАЯ
ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ
БИБЛ. ОТЕКА
им. Н. Д. УШИНСКАГО
№

Въ деревнѣ. А. 1. Коза.—2. Гусь.—3. Корова.—4. Подкова.—5. Курица.—6. Шайка.—7. Скамеечка.—8. Лошадь въ упряжи.—9. Ясли.—10. Свинья.—11. Изба.

Въ деревнѣ. В. 1. Телѣга.—2. Ворона.—3. Майскій жукъ.—4. Овцы.—5. Плугъ.—6. Пугало.—7. Корзинка.—8. Борона.—9. Вѣтряна мельница.—
10. Кирка, заступъ.—11. Баба съ коромыслѣмъ и ведрами.

На полѣ. А. 1. Улитка. — 2. Шиповникъ. — 3. Бабочка (махаонъ). — 4. Цветущая вѣтвь орѣшника и верба съ барашками. — 5. Жаворонокъ. — 6. Василекъ. — 7. Коса. — 8. Раковина. — 9. Колось полбы. — 10. Полевой заяць. — 11. Полевая мышь. — 12. Глиняный кувшинъ и стаканъ. — 13. Ячменный колось. — 14. Раковина. — 15. Хомякъ. — 16. Куропатки. — 17. Кукуруза.

На полѣ. Б. 1. Аистъ.—2. Грабли.—3. Снопъ.—4. Одуванчикъ.—5. Вилы.—6. Колокольчикъ.—7. Сморчки.—8. Жукъ.—9. Грецкіе орѣхи.—10. Вѣтвь омелы.—11. Вероника.—12. Овсяный колосъ.—13. Кротъ.—14. Фиалка.

Въ лѣсу. А. 1. Дубовая вѣтка съ желудемъ.—2. Бѣлый грибъ.—3. Кольчатая змѣя.—4. Жукъ-олень.—5. Жестянка для ботанизованія.—6. Козуля.—7. Ящерица.—8. Сачекъ.—9. Земляника.—10. Лисица.—11. Барсукъ.—12. Бѣлка.—13. Куликъ.

ВЪ ЛѢСУ. Б. 1. Вѣтка мамуры. — 2. Саламандра. — 3. Вороній глазъ. — 4. Ружье и капканъ для оленя. — 5. Кукушка. — 6. Куница. — 7. Сосновая вѣтвь съ шишкой. — 8. Сова. — 9. Мухоморъ. — 10. Грузди. — 11. Буковые орѣшки со скорлупою. — 12. Полѣница дровъ. — 13. Олень.

ВЪ ЛѢСУ. В. 1. Траурная бабочка. — 2. Кормушка. — 3. Поганка (грибъ). — 4. Вѣтка малины. — 5. Молочайная гусеница. — 6. Пила. — 7 Кабанъ съ кабанятами. — 8. Ляйдышъ. — 9. Слизнякъ. — 10. Подберезовикъ. — 11. Щеголь. — 12. Бревно съ клиньями и деревяннымъ молотомъ. — 13. Топоръ.

Въ дѣтской.

Табл. 2.

Митѣ пошелъ третій годъ. Онъ только что пріѣхалъ съ дачи и вѣбжалъ въ дѣтскую. Тутъ все было по старому: у стѣны, подлѣ няниной кровати стояла колыбелька; но Митя теперь уже большой и его не качаютъ: вмѣсто колыбельки поставятъ ему завтра кроватку. На деревянномъ стулѣ стоитъ ванна, подлѣ, на полу, ведро съ водой, въ углу пріютилась колясочка; она ѣздила съ Митей на дачу такъ же, какъ и высокій стулъ. Низенькій деревянный диванчикъ и такой же низенькій столикъ оставались дома. Митя обрадовался имъ и сейчасъ же попробовалъ, ловко ли на нихъ сидѣть. На столикѣ разлегся котенокъ Прыска — онъ осматривалъ незнакомую городскую квартиру, такъ какъ пріѣхалъ съ дачи первый разъ въ своей жизни. На столикѣ стояла и оловянная кружечка, а на окнѣ, на подносѣ кипѣло въ кастрюлѣ на спиртовой лампочкѣ молоко для манной каши. Вошла няня съ тарелкой и ложкой въ рукахъ; она изготовила Митѣ колыбельку, взбила тѣячекъ и подушку и приметала къ одѣялу чистую простыньку.

— Дай-ка, Митенька, я тебѣ обую ножки въ туфельки, сказала она, усадила Митю на стулъ, разстегнула сапожки и вынула изъ ящика туфли съ бантиками и ремешками.

Митя едва усидѣлъ на мѣстѣ, ему казалось, что няня очень долго копаются.

— Пусти, няня, я хочу игрушки... крикнулъ онъ и съ полуобутою туфлею подбѣжалъ къ раскрытому шкафу.

— Ахъ, вотъ и Ванька! вотъ лошадка! вотъ труба! вотъ мячикъ! вотъ колясочка!

Всѣ старые пріатели снова пошли въ дѣло; только бѣдная гремушка осталась валяться въ углу: Митя на нее и не взглянулъ; онъ, вѣдь, уже большой.

— А это что, няня? спросилъ Митя и вытащилъ изъ другаго угла бутылку съ пробкой и соской.

— Ахъ, родимый! да ты уже никакъ и забылъ своего кормильца? Это твой рожокъ, онъ тебя цѣлый годъ молочкомъ поилъ, когда у тебя еще зубковъ не было; а теперь вонъ какіе ровные да бѣлые повзросли!..

Митя весело засмѣялся и пожелалъ попробовать, довольно ли крѣпки зубки, чтобы грызть румяное яблоко, выглядывавшее изъ няниной корзинки, но няня погрозила ему пальцемъ и поставила корзиночку повыше, на шкафъ.

Живое Слово. 2-ое изд.

— Полно, сударь, ты знаешь, что мамаша не велитъ тебѣ на ночь яблоками кормить. Покушай-ка кашки, да и спать ложись, яблоку и до завтра ничего не сдѣлается.

Митя немного пріунылъ, но няня живо его раздѣла и уложила спать. Во снѣ онъ видѣлъ дачу съ фруктовымъ садомъ и много, много яблоковъ. * *

Колыбельная пѣсня.

Табл. 2.

Баю, баюшки, баю!	Ужъ и я тебѣ, коту,
Баю дѣточку мою!	За работу заплачу,
Приди, котикъ, ночевать,	Дамъ кусокъ пирога
Мою дѣточку качать.	И кувшинъ молока.
Кота сѣренькій,	Кота сѣренькій,
Хвостикъ бѣленькій.	Хвостикъ бѣленькій.

(Народное).

Колыбельная пѣсня.

Табл. 2.

Спи, дитя мое, усни,	Вѣтра спрашиваетъ мать:
Сладкій сонъ къ себѣ мани.	„Гдѣ изволилъ пропадать?”
Въ няньки я тебѣ взяла	„Али звѣзды воевалъ?”
Вѣтеръ, солнце и орла.	„Али волны все гонялъ?”
Улетѣлъ орелъ домой,	„Не гонялъ я волнъ морскихъ,
Солнце скрылось подъ горой,	„Звѣздъ не трогалъ золотыхъ;
Вѣтеръ послѣ трехъ ночей	„Я дитя оберегалъ,
Мчится къ матери своей.	„Колыбелечку качалъ.“

(Народное).

Лошадка.

Табл. 2.

Гопъ, гопъ, гопъ!	Трухъ, трухъ, трухъ!
Ну, скачи въ галопъ!	Рысю, милый другъ... .
Ты лети, конь, скоро, скоро,	Вѣдь сдержатъ то станетъ силы,
Черезъ рѣки, черезъ горы,	Рысю, рысю конь мой милый,
Всетаки въ галопъ	Трухъ, трухъ, трухъ!
Гопъ, гопъ!	Не спотыпись, мой другъ!

Ушинскій.

Котикъ.

Табл. 2.

Котикъ - котокъ,	Идетъ котъ изъ кухни,
Сѣрый лобокъ!	Глазыньки опухли:
Что, котя, не весель?	Поваръ пѣночку слизалъ,
Головку повѣсилъ?	Да на котеньку сказалъ;
	Хотятъ кота бить,
	Ушки теревить.

(Народное).

Трубачъ.

Табл. 2.

Тра-ра, тра-ра, тра-ра!
 Въ походъ пора, пора!
 Ужъ трубы затрубили
 И въ барабаны били!
 Тра-ра, тра-ра, тра-ра,
 Въ походъ идемъ, ура!

Въ спальнѣ.

Табл. 3.

На другое утро Митя проснулся раньше обыкновеннаго и первымъ дѣломъ побѣжалъ въ спальню. Папы уже не было, онъ ушелъ въ должность, а мама только что одѣлась и собиралась идти въ столовую. Митѣ всѣ предметы, стоявшіе въ комнатѣ, показались новыми: у стѣны вправо стояли двѣ совсѣмъ одинаковыя кровати съ точеными ножками и спинками. Подъ голубыми атласными одѣялами были подстегнуты простыни; на атласныхъ же голубыхъ подушкахъ красовались нарядныя бѣлыя наволочки съ прошивками; передъ каждою кроватью лежалъ пестрый коврикъ. У стѣны влѣво стоялъ большой шкафъ съ зеркальною дверцею; тамъ лежало мамино и папино бѣлье. Митя поцѣловалъ маму и посмотрѣлся въ зеркало. Онъ побѣжалъ къ маминому ночному столику, потрогалъ стоявшіе на немъ подсвѣчникъ со свѣчею и спичечницу со спичками, потомъ посмотрѣлъ, что лежитъ на папиномъ столикѣ: тамъ лежала бритва и кисточка съ мыломъ, значитъ, папа обрился и придетъ домой безъ бороды и бабенбардовъ.

— Мама, мама, посмотри, папа забылъ часы! закричалъ Митя, показывая мамѣ на лежавшіе подлѣ бритвы часы.

— Нѣтъ, дружечекъ, папа нарочно ихъ оставилъ, чтобы я могла провѣрить всѣ наши *городскіе* часы, отвѣчала мама: пойдемъ же въ столовую, развѣ ты не хочешь сегодня молока? прибавила она съ улыбкою.

— Хочу, мама, только дай посмотрѣть, тутъ такъ хорошо!

И Митя побѣжалъ къ умывальнику, гдѣ стояла умывальная чашка съ кувшиномъ, мыльница съ мыломъ, графинъ со стаканомъ, зубной порошокъ и зубная щетка.

— А ты, мама, ужъ чесалась? спросилъ Митя, увидѣвъ гребенку и головную щетку.

— Чесалась, а вотъ ты, такъ, кажется, еще не причесался, прибавила мама, взяла гребенку, сѣла на мягкій стулъ, стоявшій у окна и стала расчесывать Митины кудри.

Митя взялъ ручное зеркальце и смотрѣлъ, какъ мама приглаживала его растрепанные волосы.

— А теперь, мама, надо меня попудрить, сказалъ онъ, увидавъ на окнѣ коробочку съ пудрой и пуховую кисточку.

— Нѣтъ, дружечекъ, пудрить твои свѣженькія щечки не-зачѣмъ, отвѣчала мама, а вотъ ручки мы вымоемъ съ мыломъ и съ губкой.

Пока мама мыла Митѣ руки, онъ поднялся на цыпочки и заглянулъ въ четырехъугольное зеркало, висѣвшее надъ умывальникомъ.

— Мама, я большой, я могу смотрѣться въ зеркало! сказалъ онъ.

Весной Митя еще не видѣлъ себя, хотя и становился на цыпочки, теперь же онъ увидѣлъ, правда, только макушку, но и это привело его въ восторгъ.

— Я большой, большой! весело кричалъ онъ: теперь мнѣ и папины туфли впору!

Но туфли оказались еще очень велики, а сапоги и того больше. Митя немного смутился, тѣмъ болѣе, что мама засмѣялась и высоко подняла его къ самому зеркалу:

— Вотъ какой ты большой! сказала она, больше меня.

— А вотъ и грѣлка! сказалъ Митя. Отчего, мама, она не ѣздила съ нами на дачу?

— На дачѣ Митюша, и безъ грѣлки жарко, а вотъ здѣсь такъ она намъ послужить.

— А развѣ будетъ опять холодно зимой, мама?

— Зимой всегда холодно, дитя.

Митя примолкъ и пожалѣлъ, что кончилось лѣто, и опять придется сидѣть въ душныхъ комнатахъ цѣлую скучную зиму.

Спальня и дѣтская.

Табл. 3.

И въ спальнѣ, и въ дѣтской много разной мебели; въ дѣтской еще кромѣ того много и игрушекъ.

Кровать, колыбель, столъ, стулья, диванъ, шкафъ, умывальникъ, зеркало — это мебель; кукла, гремушка, лошадка, мячъ, труба — игрушки. На кровати и въ колыбели спать, на стульяхъ и диванахъ сидятъ, на столъ ставятъ посуду, въ шкафѣ кладутъ бѣлье, если онъ съ полками, и вѣшаютъ платье, если въ немъ находятся вѣшалки. На умывальный столъ ставятъ приборъ для умыванія, въ зеркало смотрятся, когда причесываютъ волосы и одѣваются. Игрушками дѣти играютъ, укладываютъ куклу спать въ игрушечную колясочку, садятся на лошадку и трубятъ въ трубу, подбрасываютъ и ловятъ мячикъ; только самыхъ маленькихъ няня забавляетъ гремушкою. Въ обѣихъ комнатахъ много и другихъ вещей. Туфли и сапоги — обувь; кувшинъ съ чашкой, графинъ, стаканъ, кружка, кастрюлька, тарелка, ведро, рожокъ — посуда; бритва, кисточка, зубная щетка, головная щетка, гребенка, служка — орудія. Бритвою брѣются, намыливъ сперва лицо кисточкою; зубною щеткою чистятъ зубы, гребенкою и головною щеткою расчесываютъ и приглаживаютъ волосы; при помощи служки снимаютъ сапоги.

Вечеромъ, когда стемнѣетъ, зажигаютъ свѣчи, для этого служатъ спички; онѣ намазаны горючимъ веществомъ, которое

отъ легкаго тренія загорается и передаетъ огонь самой спичкѣ. Ключемъ запирають дверь, чтобы никто посторонній не могъ войти въ комнату.

Столъ и стуль.

Табл. 3.

Столъ сдѣланъ столяромъ изъ дерева. У стола есть верхняя доска, ящикъ и ножки. Доски у столовъ бывають круглыя и четырехугольныя. Стулья дѣлаются тоже столяромъ изъ дерева. У стула есть спинка, сидѣнье и ножки. Сидѣнье бываетъ простое деревянное, плетеное изъ камыша, или мягкое, обитое какою нибудь матерією.

ЗАГАДКИ.

1. Четыре брата подъ одной шляпой стоятъ, однимъ кушакомъ подпоясаны.
2. Съ ногами, безъ рукъ; съ боками, безъ реберъ; съ сидѣньемъ, безъ живота; со спиной, безъ головы.
3. Четыре ноги, да не звѣрь; есть перья, да не птица.
4. Свѣтленько, чистенько, посмотрѣть любенько.

Въ другихъ комнатахъ.

Гостиная.

Табл. 4 и 5.

Самая парадная комната въ домѣ — гостиная. Въ гостиной стоитъ красивая мягкая мебель, обитая дорогою матерією, съ точеными ножками, вышитыми спинками и тяжелой бахромой. Столъ передъ диваномъ тоже полированный, точеный, фигурный. Онъ покрытъ пестрою ковровою салфеткою, и мама зорко слѣдитъ, чтобы прислуга не ставила на него ничего горячаго, такъ какъ отъ этого полировка покроеется пятнами. Надъ столомъ виситъ бронзовая лампа на красивыхъ цѣпяхъ; на лампѣ матовый стеклянный колпакъ; ее зажигаютъ только, когда принимаютъ гостей. Въ гостиной много цвѣтовъ; передъ окнами и въ углахъ стоятъ корзинки съ растеніями. Эти корзинки сплетены изъ камыша или изъ ивовыхъ прутьевъ и лакированы. Надъ цвѣтами на окнахъ висятъ клѣтки съ канарейками, а въ углу, на особомъ столикѣ стоитъ клѣтка съ попугаемъ. За цвѣтами и за птицами ходитъ горничная Маша: она поливаетъ цвѣты изъ лейки, обрываетъ сухіе листья, обрѣзаетъ высохшія вѣтки большими ножницами и сметаетъ пыль съ зелени мягкою щеточкою; иногда она надѣваетъ на лейку ситечко, выноситъ цвѣты на дворъ и дѣлаетъ имъ дождь, то есть поливаетъ ихъ черезъ ситечко. Листья тогда становятся яркими, зелеными, точно послѣ настоящаго дождя.

Съ гостиной Машѣ много хлопотъ: мебель надо чистить и метелочкой, и щеткой, а иногда и выколачивать на дворѣ камышевою; со всѣхъ вещей приходится раза два въ день стирать пыль, а мести и того чаще; поэтому Маша на любитъ, когда Митя забѣгаетъ въ гостиную.

— Идите, баринъ, въ дѣтскую къ нянѣ, говоритъ она ему, мнѣ некогда за вами подметать.

У Маши есть савочекъ для сору, половая щетка и щетка для мебели; все это она держитъ въ прихожей, въ особомъ

ящикѣ; только метелочку изъ прутьевъ она беретъ съ собою въ кухню. Подлѣ гостиной мамина комната. У мамы тоже мягкая мебель въ турецкомъ вкусѣ, обитая пестрою ковровою матерією; ни у дивана, ни у стульевъ не видно ни ножекъ, ни ручекъ; вмѣсто ручекъ мягкіе вальки, а ножки скрыты подъ красивою обивкою, обшитою бахромою; Митя любитъ сидѣть здѣсь на деревянной скамеечкѣ, у маминыхъ ногъ и играть съ маминымъ кинигъ-чарльзомъ Амишкой. У Амишки такая длинная, волнистая шерсть, такія мягкія шелковистыя уши, такіе умные глаза; онъ очень ласковъ и лижетъ Митины руки, а иногда цѣлуетъ его и въ губы, но Митя это не слишкомъ то любитъ. Подъ окномъ стоятъ мамина швейная машинка и маминъ рабочій столикъ; въ ящикѣ рабочаго столика у мамы много катушекъ, пуговиць, иголокъ, тесемокъ. На швейной машинкѣ шить гораздо скорѣе, чѣмъ руками: колеса ея быстро вертятся и движутъ иглою такъ проворно, что не успѣваешь слѣдить за стежками ровной, красивой строчки. Мама часто смазываетъ машинку масломъ, чтобы колеса легче вертѣлись, а иногда чиститъ ее бензиномъ, потому что въ всѣ ея винтики, колеса и рычаги набивается пыль.

Къ мамѣ въ комнату часто приходитъ посидѣть и папа со своею сигарою; иногда они съ мамою играютъ въ шахматы: разставляютъ на черныхъ и бѣлыхъ квадратикахъ фигуры коней, башенки, пѣшки, короля, королеву и передвигаютъ ихъ взадъ и впередъ, точно Митя, когда играетъ въ солдатки. Митя очень любитъ слѣдить за игрой, хотя и не понимаетъ, въ чемъ дѣло. Онъ очень сердится, когда выигрываетъ мама, а не папа; ему хотѣлось бы, чтобы папа всегда и во всемъ былъ первымъ; маму онъ очень любитъ, но папѣ онъ еще и удивляется, папа для него лучше и выше всѣхъ.

Изъ маминой комнаты маленькій корридоръ ведетъ въ столовую. Тамъ стоитъ обѣденный столъ и соломенные стулья съ высокими спинками. На стѣнѣ висятъ часы въ деревянномъ чахлѣ; у нихъ длинный маятникъ и круглый циферблатъ съ двумя стрѣлками. Вечеромъ въ столовую собирается вся семья; подаютъ плоды въ металлической корзиночкѣ: вкусные яблоки, груши, виноградъ. Папа закуриваетъ трубку и садится читать газету; старшій братъ, Сережа, беретъ за скрипку и играетъ мамины любимыя пѣсни, а Митя приноситъ волчекъ или барабанъ и ждетъ, когда Сережа кончитъ, чтобы начать свою музыку. Иногда Митя играетъ съ Прыской въ мячъ, или раскладываетъ на столѣ домино. Старая бабушка тоже приходитъ въ столовую, надѣваетъ большіе очки и читаетъ книгу, Амишка засыпаетъ у нея на колѣняхъ и ворчитъ, когда его трогаютъ. Зимой, въ холодные дни топятъ желѣзную печку съ рѣшетчатыми дверцами и тогда въ столовой дѣлается еще уютнѣе.

Изъ столовой можно пройти въ папинъ кабинетъ. Тамъ у папы стоитъ письменный столъ и на немъ письменныя принадлежности: чернильница съ песочницей, палочки со стальными перьями, карандаши, перочинный ножикъ, бумага, грифельная доска. На доскѣ Митина сестра, Катя, учится у папы писать цифры. Иногда и Митѣ даютъ порисовать грифелемъ на доскѣ, стальными же перьями еще и Катѣ на позволяютъ писать, она пишетъ только карандашемъ. На письменномъ столѣ стоитъ еще колокольчикъ; когда папѣ нужно позвать прислугу, онъ звонитъ, и тогда приходитъ Маша или лакей Иванъ. Митя любитъ звонить

колокольчикомъ, но ему этого не позволяютъ, потому что это не игрушка. За кабинетомъ папина уборная, тамъ стоитъ комодъ, вѣшалка съ платьемъ, столикъ и складной стулъ. Изъ уборной другая дверь ведетъ въ спальню. Кромѣ этихъ комнатъ есть еще двѣ комнаты наверху, въ мезонинѣ, гдѣ живутъ старшія дѣти, но туда Митю рѣдко пускаютъ, потому что лѣстница довольно крутая.

Какъ только Митя встаетъ, онъ бѣжитъ въ столовую пить молоко со вкусными булочками и домашнимъ бѣлымъ хлѣбомъ. Потомъ онъ идетъ здороваться съ папою въ его кабинетъ. Цѣлый день Митя бѣгаетъ по комнатамъ, играетъ, шумитъ, воюетъ съ Прыскою и Амичкою и даже не замѣчаетъ, что сидитъ взаперти въ нѣсколькихъ комнатахъ городской квартиры. Только въ хорошіе дни Митя ходитъ гулять съ нянею, но осенью такихъ дней выдается мало, и Митя ждетъ не дождется солнышка.

* *

Комната.

Табл. 4 и 5.

Комната Ильи Ильича съ перваго взгляда казалась пре-красно-убранною. Тамъ стояло бюро крашнаго дерева, два дивана, обитые шелковою матеріею, красивыя ширмы съ вышитыми, небывальными въ природѣ птицами и плодами. Были тамъ шелковые занавѣсы, ковры, нѣсколько картинъ, бронза, фарфоръ и множество красивыхъ мелочей.

Гончаровъ.

Нашъ домъ.

Табл. 4 и 5.

Домъ нашъ деревянный, одноэтажный, крыша желѣзная, фундаментъ каменный. На улицу выходитъ подъѣздъ съ двумя ступеньками и съ навѣсомъ. Со двора есть другой входъ, прямо въ кухню. Съ подъѣзда вы входите въ маленькую прихожую — направо дверь въ гостиную, налево въ столовую. Въ гостиной все такъ красиво и уютно убрано: мягкая мебель, зеркала, цвѣты, коверъ передъ диваномъ, лампа; туда мы, дѣти, ходимъ рѣдко, тамъ принимаютъ гостей. За гостиной папинъ кабинетъ, гдѣ онъ работаетъ, когда приходитъ домой. Кабинетъ совсѣмъ всторонѣ отъ другихъ комнатъ, потому что папа любитъ тишину и не любитъ, когда ему мѣшаютъ. Изъ столовой одна дверь ведетъ въ спальню и въ мамину комнату, другая — въ корридорчикъ, а изъ корридорчика можно попасть и въ кухню, и въ дѣтскую. Изъ маминей комнаты тоже можно пройти къ намъ, въ дѣтскую, и мы часто бѣгаемъ къ мамѣ то за тѣмъ, то за другимъ. За кухней — кладовая; мама ходитъ туда выдавать провизию, а подлѣ кладовой — людская, гдѣ живетъ кухарка и горничная. На дворѣ у насъ мало пристроекъ, только сарай для дровъ и ледникъ; дворикъ небольшой, но чистенькій: дворникъ Иванъ каждый день мететъ его по утрамъ. Я люблю бѣгать по комнатамъ, играть въ столовой, или у мамы въ комнатѣ, ходить съ мамой въ кладовую, гдѣ лежатъ цѣлыя корзины яблоковъ, стоятъ большія банки съ вареньемъ и съ желе. Въ хорошую погоду я могу бѣгать по двору и играть со старымъ Барбосомъ, когда его спускаютъ съ цѣпи. Вечеромъ всѣ мы собираемся въ столовую, и папа что-нибудь намъ читаетъ, а мама работаетъ.

* *

Домикъ бѣдняка.

Табл. 4 и 5.

Домъ старъ и на бокъ покосился; карнизъ подгнилъ и опустился. Стѣна крива, заборъ досчатый. Дворъ тѣсный, смотреть пустыремъ. Растетъ трава вокругъ крылечка. На крышѣ старыя заплаты. Теперь мы въ горенку войдемъ. Она чиста. Икона, печка, съ посудой шкафъ, сосновый полъ, кровать подъ пологомъ да столъ. Скамейка, лавка, стулъ безъ спинки. Комодъ пугатый подъ замкомъ — все старина! . . .

Школьн. ступеньки.

Какъ строить дома.

Табл. 4 и 5.

Деревянные дома строятъ плотники изъ бревенъ. Каменные дома кладутъ каменщики изъ кирпичей и изъ тесаного камня. Прежде всего кладутъ фундаментъ. На фундаментъ выводятъ стѣны. Въ стѣнахъ оставляютъ отверстія для дверей и оконъ. Когда стѣны выведены, то кладутъ на нихъ балки; въ балки укрѣпляютъ стропила; на стропилахъ стелютъ крышу. Крыши бывають покатыя, чтобъ дождь на нихъ не задерживался. Крыши дѣлаются изъ желѣза или изъ теса.

Снаружи домъ готовъ; по внутри его еще работы много. Надобно настлать полы и потолки, поставить печи, вывести трубы, навѣсить двери, вставить окна. Стѣны обивають обоями. Когда домъ готовъ, вносятъ въ него иконы, мебель, посуду; зовутъ священника, служатъ молебенъ, и тогда начинаютъ въ домѣ жить да поживать, да добра наживать.

Водовозова.

И з б а.

Табл. 4 и 5.

Въ низенькой свѣтелкѣ
Съ створчатымъ окномъ
Свѣтится лампада
Въ сумракѣ ночью:
Слабый огонечекъ
То совсѣмъ замретъ,
То дрожащимъ свѣтомъ
Стѣны обольетъ.

Новая свѣтелка
Чисто прибрана:
Въ темнотѣ бѣлѣтъ
Занавѣсъ окна;
Полъ отструганъ гладко,
Ровень потолокъ,
Печка развальная
Стала въ уголокъ.

По стѣнамъ уклады
Съ дѣдовскимъ добромъ;
Узкая скамейка,
Крытая ковромъ;
Крашенныя пальцы
Съ стуломъ раздвижнымъ
И кровать рѣзная
Съ пологомъ цвѣтнымъ.

ЗАГАДКИ.

1. Стоить бычище, проклеваны бочища.
2. Два стоять, два лежать, пятый ходить, шестой водить, седьмой пѣсенки поеть.
3. Зимой жреть, лѣтомъ спить, тѣло теплое, крови нѣтъ.
4. Два братца видятся, да не сходятся, не обоймутся.
5. Много сосѣдей рядомъ вѣкъ живутъ, а никогда не видятся.
6. Поля стеклянны, межи деревянны.

Какіе предметы мы видимъ въ комнатахъ, и для чего они служатъ?

Табл. 4 и 5.

Въ дѣтской есть колыбель, въ спальнѣ стоятъ кровати, умывальники, шкафы, комоды; въ гостиной много мягкихъ стульевъ, кресель, есть диванъ, въ папиномъ кабинетѣ письменный столъ, этажерка, во всѣхъ комнатахъ есть столы, стулья, висятъ зеркала, стоятъ трюмо. Все это мебель и каждый предметъ имѣетъ свое особое назначеніе. На кроватяхъ спятъ взрослые, въ колыбели кладутъ спать маленькихъ дѣтей; умывальникъ служитъ для мытья, дѣтей же часто купаютъ въ ваннѣ. Въ шкафы и комоды прячутъ платье и бѣлье; иногда въ шкафахъ сдѣланы полки для бѣлья, иногда вѣшалки, чтобы вѣшать платье. Въ столовой стоитъ шкафъ для посуды — буфетъ; въ немъ много полокъ, и есть два выдвижныхъ ящика. Въ комнатахъ есть выдвижные ящики; въ нихъ держатъ только бѣлье и мелкія вещи, платье класть въ комодъ было бы неудобно — почему? На стульяхъ, на креслахъ и на диванахъ сидятъ; въ дѣтской стулья либо очень высокіе, съ перекладинкою для ногъ, либо очень низенькіе — зачѣмъ? Въ столовой стулья плетеные, въ гостиной мягкіе, а скамеечка деревянная — на чемъ сидѣть удобнѣе? Столы служатъ для того, чтобы ставить на нихъ разныя вещи; есть столы обѣденные, на нихъ ставятъ обѣденный сервизъ, чайный сервизъ, за ними пьютъ чай, завтракаютъ, обѣдаютъ; есть письменные столы, на нихъ пишутъ; есть столы круглые, четырехугольные, овальные, на одной ножкѣ, на четырехъ, на трехъ ножкахъ, на шкафикахъ, съ ящиками и безъ ящиковъ. Къ чему служатъ зеркала?

Кромѣ мебели есть въ комнатахъ цвѣты, птицы въ клѣткахъ, ковры, занавѣси, портьеры, статуи, вазы. Всѣ эти предметы служатъ для украшенія, безъ нихъ можно обойтись, а безъ мебели обойтись трудно.

* *

Въ комнатѣ.

Табл. 4 и 5.

Хорошо вамъ, дѣтки,	Пламя отъ камина
Зимнимъ вечеркомъ;	Освѣщаетъ васъ...
Въ комнаткѣ уютной	Слушаете жадно
Сѣли вы рядкомъ,	Мамы вы разсказъ.

Радость, любопытство
На лицѣ у всѣхъ;
Часто прерываетъ
Маму звонкій смѣхъ.
Пусть гудитъ сердито
Вьюга подъ окномъ,
Хорошо вамъ, дѣтки,
Въ гнѣздышкѣ своемъ!

Но не всѣмъ такое
Счастье Богъ даетъ.
Есть на свѣтѣ много
Бѣдныхъ и сиротъ.
У однихъ могила
Рано мать взяла;
У другихъ нѣтъ въ зиму
Теплаго угла.

Если приведется
Встрѣтить вамъ такихъ,
Вы, какъ братьевъ, дѣтки,
Приглубите ихъ.

«Старикъ-Годовикъ».

Въ прихожей.

Табл. 6.

Изъ всѣхъ комнатъ въ домѣ въ прихожей за день всего больше перебиваетъ народу: кто бы ни вошелъ въ квартиру съ параднаго крыльца, ему не миновать прихожей. Массивная, тяжелая дверь съ затѣйливымъ замкомъ много, много разъ плавно повернется на своихъ прочныхъ петляхъ и выпуститъ то того, то другаго. Входная дверь должна запирается крѣпко на крѣпко, чтобы никто чужой съ улицы не проникъ въ квартиру. Кто хочетъ, чтобы дверь открыли, долженъ позвонить въ колокольчикъ. Ручка колокольчика укрѣплена снаружи, у стѣны, а проволока проходитъ въ отверстіе въ стѣнѣ и привязана къ колокольчику, который повѣшенъ въ прихожей, у двери, у самого потолка. Въ прихожей есть вѣшалки съ желѣзными крючками, на которые вѣшаютъ верхнюю одежду: пальто, тальмы, шубы, шляпы, шапки, муфты и боа. Вѣшалки привинчены къ стѣнѣ винтами. Слесарь Иванъ пробуровилъ буровомъ отверстіе въ стѣнѣ и въ вѣшалкѣ, потомъ отверткой ввинтилъ крѣпкіе винты, и теперь вѣшалка держится такъ плотно, будто приросла къ стѣнѣ. Кромѣ того въ стѣну вбито нѣсколько большихъ гвоздей съ широкими шляпками — на нихъ тоже висятъ легкіе предметы: зонтики, тросточки, ящикъ для ботанизованія.

Въ прихожей стоитъ мамина корзина для провизіи: когда мама ходитъ въ рынокъ, она беретъ ее съ собою; въ углу пріютился ящикъ съ кеглями; его нарочно поставили поближе къ выходу, чтобы старшимъ дѣтямъ не далеко было выносить его на дворъ, когда имъ вздумается играть. Дѣтскій самострѣлъ и флейта помѣстились тутъ же: это игрушки не комнатныя, ими играютъ только на дворѣ. Въ прихожей стоитъ и чемоданъ дяди Коли, пріѣхавшаго погостить къ папѣ; чемоданъ вещь дорожная, и ему въ комнатахъ не мѣсто. На столикѣ, подъ зеркаломъ лежатъ на широкомъ деревянномъ блюдѣ письма; ихъ принесъ почтальонъ вмѣстѣ съ газетою, и они ожидаютъ папинаго прихода изъ должности. Подлѣ блюда лежитъ платяная щетка, всякій, кто одѣваетъ верхнее платье, беретъ сперва за щетку и счищаетъ съ него пыль. Подлѣ окна стоитъ Митина большая лошадь-качалка; въ хорошіе дни ее выносятъ на дворъ, Митя, съ помощью няни взбирается на нее, вдѣваетъ ноги въ стремяна и мчится во весь духъ — ни съ мѣста. У двери столляръ забылъ скобель, молотокъ и клещи: онъ приходилъ почи-

пить дверь, чтобы она плотнѣе запиралась; подстрогаль ее, выгнали нѣсколько гвоздей изъ клеенчатой обивки и замѣнили новыми, теперь дверь стала запирается совѣмъ легко.

Машѣ приходится очень часто мести прихожую, такъ какъ входящія вносятъ на сапогахъ много грязи и пыли съ улицы. Для прихожей у нея есть особая щетка съ твердою густою щетиною, и эту щетку она прячетъ тутъ же за дверь, въ углу, чтобы она была у нея при рукахъ. Изъ прихожей выходъ ведетъ въ сѣни, на парадную лѣстницу, а оттуда на подъездъ и на дворъ. На дворѣ дѣти въ хорошую погоду играютъ въ кегли, стрѣляютъ изъ лука или свиснутъ на флейтъ; зимою играютъ въ снѣжки и лѣнять снѣговыхъ бабъ.

Въ кухнѣ.

Табл. 7 и 8.

Въ кухнѣ на плитѣ стоитъ мѣдная кастрюля съ супомъ; въ другой кастрюлѣ съ крышкой готовится къ обѣду мясо, а въ длинной плоской мѣдной рыбницѣ съ крышкой и двумя ручками готовится отварная рыба. Кухарка Авдотья зачерпнула жестянымъ ковшемъ холодной воды изъ большого желѣзнаго ведра и долила котель, въ которомъ кипитъ вода; поставила на канфорку въ маленькой кастрюлѣ на ножкахъ манную кашу — это для Мити къ завтраку, и раздула мѣхами огонь подъ плитою, чтобы сильнѣе горѣлъ. Она только что посадила въ духовую печь пирогъ съ мясною начинкою: на кухонномъ столѣ стоятъ еще коробокъ съ мукою, глиняная кубышка съ масломъ, и лежатъ деревянная скалка и сѣчка о двухъ ручкахъ. Авдотья сняла шумовкою пѣну съ супа; помѣшала ложкою кашу, а уполовникомъ отбавила бульону на завтракъ Митѣ. Потомъ стала протирать клюкву на друшлякѣ и слила въ бутылку черезъ воронку клюквенный сокъ, изъ котораго она сваритъ кисель; для киселя же она истолкла въ ступкѣ сахаръ и прибавила его къ соку. На особомъ столѣ у Авдотьи лежатъ зелень и овощи: бобы, рѣдиска, морковь, огурцы, лукъ, картофель. Рѣдису подадутъ къ завтраку, бобы нашенкуютъ ножомъ и отварятъ къ обѣду, морковь и картофель положить въ супъ, а огурцы подадутъ къ жаркому. У Авдотьи въ печкѣ жарится кофе: она часто поглядываетъ на него и помѣшиваетъ его деревянною мѣшалкою, что-бы не пережарить; когда всѣ кофейныя зерна зарумянятся достаточно, она ихъ остудитъ и смететъ на ручной мельницѣ.

На гладильной доскѣ у окна стоитъ подставка съ утюгомъ; Маша собирается послѣ завтрака гладить: она откроетъ въ утюгѣ крышку, наложитъ туда савочкомъ горячихъ угольевъ изъ подъ плиты, закроетъ крышку, и утюгъ живо нагрѣется. Надъ столомъ на стѣнѣ полка съ мѣдною и жестяною посудою. На столѣ стоятъ вѣсы на подставкѣ съ циферблатомъ, на нихъ вѣшаютъ муку, крупу, сахаръ, мясо. Авдотья цѣлый день хлопочетъ около горячей плиты, и только вечеромъ, когда перемочетъ всю посуду, она отдыхаетъ за кружкою пива или за чашкою чая или кофе.

* *

Въ столовой.

Табл. 7.

Пока кухарка стряпаетъ въ кухнѣ, горничная Маша накрываетъ въ столовой на столъ: она вынула изъ буфета фарфоровыя тарелки и миску для супа, серебряныя ложки, разливательную ложку, ножи и вилки и разставила все это на столѣ. Передъ панинымъ приборомъ она поставила кружку, бутылку съ пивомъ и положила штопоръ. Потомъ на отдѣльномъ столѣ устала на подносѣ чашки и кофейникъ, принесла изъ кухни молоко въ большомъ глиняномъ кувшинѣ, зажгла висячую лампу и пошла въ кухню за супомъ.

Какая обѣденная и какая чайная посуда? Что сдѣлано изъ фарфора, изъ хрустала, изъ стали, изъ стекла, изъ серебра? Что изъ посуды ломко? Для чего служить каждая изъ названныхъ вещей?

* *

Мышка.

Мышка, ты воруетъ ловко;
Но въ тотъ уголь не ходи:
Въ уголку тамъ мышеловка,
Доживешь ты до бѣды!..

«Книжка-Малютка».

Посуда.

Табл. 7 и 8.

Какой только посуды не придумалъ человѣкъ! И изъ желѣза, и изъ мѣди, и изъ жести, и изъ чугуна, и изъ дерева, и изъ глины, и изъ стекла. Изъ металла дѣлаютъ обыкновенно ту посуду, которая ставится на огонь: кастрюли, чугуны, котлы; ихъ изготовляютъ мѣдники и жестянники. Кастрюли лудятъ внутри оловомъ. Посуда изъ металла стоитъ гораздо дороже деревянной, но зато она и прочнѣе. Изъ дерева бочары дѣлаютъ бочки, ушаты и ведра; они выпиливаютъ доски, скрѣпляютъ ихъ желѣзными или деревянными обручами и вставляютъ дно. Рѣзчики вырѣзаютъ изъ дерева мелкую посуду: чашки, ложки разной величины, тарелки и рюмки. Простую глиняную посуду: горшки, чашки, миски, кувшины, плоския лѣнять горшечники въ деревняхъ; эта посуда дешевле фарфоровой, которую лѣняютъ изъ лучшей глины на фарфоровыхъ заводахъ. Глиняную и фарфоровую посуду обжигаютъ и наводятъ на нее глазурь, чтобы посуда не протекала. Фарфоровую посуду изготовляютъ цѣлыми сервизами: чайный сервизъ состоитъ изъ чайныхъ чашекъ съ блюдцами, чайника, сливочника, сахарницы и полоскательной чашки; въ столовомъ сервизѣ глубокия и плоския тарелки, миска, судокъ, салатникъ, молочникъ, блюда. На всей посудѣ сервиза наводится одинъ и тотъ же рисунокъ, чашкамъ и тарелкамъ придается одна и та же форма. Стеклянная посуда самая дорогая — ее выдѣлываютъ на стеклянныхъ заводахъ. Изъ стекла или изъ хрустала дѣлаютъ бутылки, графины, рюмки, стаканы, бокалы, тарелочки, вазы. Богатые люди покупаютъ золотую или серебряную посуду, пьютъ изъ золотыхъ бокаловъ, ѣдятъ на золотыхъ блюдахъ, — обыкновенно же изъ серебра дѣлаютъ только столовыя и чайныя ложки, но и онѣ стоятъ очень дорого.

* *

Котель и горшокъ.

Табл. 7 и 8.

Мыла баба на рѣкѣ горшокъ и котель. Вымыла да и позабыла. Вотъ, пустились плыть котель и горшокъ вмѣстѣ по рѣкѣ; но недолго плавали: горшокъ стукнулся объ котель — и разбился.

Держачевъ.

Дурень и ножъ.

Табл. 7 и 8.

Былъ у дурака хорошій ножъ. Сталь дуракъ этимъ ножомъ гвоздь рѣзать. Ножъ гвоздя не рѣзалъ. „Дурень мой ножъ!“ сказалъ дуракъ.

Сталь дуракъ рѣзать ножомъ жидкій кисель. Гдѣ пройдетъ по киселю ножомъ — кисель опять сойдется. „Дурень мой ножъ, — и кисели не рѣжетъ!“ сказалъ дуракъ и бросилъ хорошій ножъ.

Голстой.

ЗАГАДКИ.

1. Самъ дубовый, полеъ визовый.
2. Никто не таковъ, какъ Иванъ Пятаковъ — съѣлъ да поѣхалъ прямо въ огонь.
3. Родился на кружалѣ, росъ — вертѣлся, живучи парился, живучи жарился; старъ сталъ, пеленаться сталъ; померъ — выкинули въ поле: тамъ меня звѣрь не ѣстъ и птица не клюетъ.
4. У туши уши, а головы нѣту.
5. Два братца пошли въ воду купаться.
6. Утка въ морѣ, хвостъ на горѣ.
7. Тѣло безъ головы, въ носу рѣшето, ногъ нѣтъ, одна рука, да и та на спинѣ.
8. Въ небо дыра, въ землю дыра, посерединѣ огонь да вода.

Кухня.

Табл. 7 и 8.

Кухня большая, свѣтлая, въ первомъ этажѣ. Въ углу большая плита съ желѣзнымъ колпакомъ и четырьмя канфорками; въ нее вмазанъ большой котель для щелоку и другой, поменьше, для горячей воды; дверца отворена, и изъ нея такъ и пышетъ жаромъ, а подъ нею, на желѣзномъ листѣ, прибитомъ къ полу, стоитъ большой мѣдный самоваръ, и пыхтитъ, и сонитъ, собирается закипеть.

Между двумя окнами стоитъ кухонный столъ; надъ нимъ двѣ полки съ разною мѣдною посудю.

Одна половина кухни отдѣлена ширмою; за ширмою стоятъ кухаркина кровать и табуретъ. Въ стѣну вбиты гвозди и на нихъ повѣшены кухаркины платья.

**

Наша столовая.

Табл. 7 и 8.

Столовая наша большая, квадратная комната съ двумя окнами на корридоръ. Попасть въ нее можно изъ прихожей, и изъ залы, и изъ другого корридора, который ведетъ въ жилыя комнаты. Посерединѣ стоитъ большой четырехугольный обѣденный столъ на раздвижныхъ ножкахъ, а кругомъ разставлены дубовые стулья съ плетеными соломенными сидѣньями и высокими спинками.

Надъ столомъ виситъ на цѣпи большая лампа съ круглымъ колпакомъ — ее зажигаютъ къ обѣду; къ стѣнѣ придѣлана другая лампа на бронзовой ручкѣ и съ матовымъ круглымъ колпакомъ — она зажигается не всегда, а только тогда, когда бываютъ къ обѣду или къ чаю гости. У одной стѣны большой дубовый буфетъ съ точеными волчьими головами на дверцахъ и съ рѣзными украшениями. Въ буфетѣ стоитъ на полкахъ столовая и чайная посуда, а въ ящикахъ лежатъ серебряныя ложки, ножи, вилки, салфетки и скатерти. Въ буфетѣ ставятъ и булки, и пирожное, и печенье; туда же запираютъ и бутылки съ виномъ, которое подаютъ къ обѣду. Въ буфетѣ лежитъ и сахаръ, и чай, и кофе, и соль, и разныя приносы. Саша очень любитъ заглядывать иногда въ буфетъ, особенно, когда тамъ есть вкусное пирожное или печенье, или когда туда поставили десертъ къ обѣду. У другой стѣны стоитъ зеркало съ подзеркальникомъ, а въ углу есть еще круглый столъ. На стѣнѣ у окошка висятъ чаши, а у стѣнъ разставлены стулья. Въ столовую собираются только пить чай, завтракать и обѣдать; въ другое время дня въ ней никого не бываетъ.

* * *

Деревенская кухня.

Табл. 7 и 8.

Отъ двери налѣво ставится печь — кормилица, которая утверждается на особыхъ столбахъ, чтобы тяжесть печи не вредила полу и не осаживала дома. Отъ угла печи до передней стѣны дѣлается перегородка изъ тесу, отдѣляющая кухню отъ горницы. Въ кухнѣ ставятся горшки, ухваты, кочерги, сковороды, противни; тутъ же сбоку стоитъ и лохань съ рукомои-никомъ надъ нею.

Водовозова.

Въ погребѣ.

Табл. 9.

Митя сидѣлъ у открытаго окна дѣтской и не зналъ, чѣмъ бы заняться.

— Авдотьюшка, куда вы идете? окликнулъ онъ кухарку.

— Въ погребъ, голубчикъ, отвѣчала та, побрякивая большими тяжелыми ключами.

— Можно и мнѣ съ вами?

— Иди, батюшка, если няня тебя пуститъ.

Няня Митю пустила, только одѣла ему пальто и балоши.

— Зачѣмъ, няня, вѣдь сегодня сухо? спросилъ Митя.

— Въ погребѣ, Митенька, сыро и холодно, отвѣчала няня, сводя Митю за руку съ лѣстницы.

Въ погребѣ, дѣйствительно, было и сыро, и холодно, и темно. Авдотья зажгла свѣчу въ простомъ, желѣзномъ подвѣчникѣ, и по стѣнамъ забѣгали въ испугѣ мокрицы.

— Ай, няня, какіе странные жуки! я никогда такихъ не видалъ, удивился Митя.

— Это мокрицы, Митенька, видишь, какъ онѣ свѣту испугались; онѣ заводятся въ темнотѣ да въ сырости, на свѣтъ Божій выползати не любятъ.

— А вонъ и паукъ, да какой огромный!

— Ужъ мнѣ, батюшка, эти пауки да мокрицы вотъ какъ надоѣли, замѣтила Авдотья: житья отъ нихъ нѣтъ, я ужъ и то зелень да овощи рогожей прикрываю, чтобы не испортили.

Митя съ любопытствомъ осматривалъ незнакомые предметы: посреди погреба, на подставкахъ стояли бочки съ пивомъ и съ виномъ; въ однихъ были деревянныя пробки-втулки и деревянные краны; къ другимъ были привинчены мѣдные краны. Для того, чтобы налить вина въ бутылку, Авдотья вставляла въ кранъ длинную трубку-сифонъ. Въ сторонѣ стояли лохани, сита и плоскіе чаны на ремняхъ—это была утварь для винодѣлія: въ плоскихъ чанахъ приносятъ виноградъ, сквозь сита пропускаютъ выжатый въ лоханяхъ сокъ, а въ бочкахъ его окисляютъ. Тутъ же лежала и колотушка, которою давятъ ягоды въ лоханяхъ. У Митинаго папы есть на югѣ имѣніе, откуда ему каждый годъ посылаютъ небольшое количество винограду, и онъ дѣлаетъ изъ него вино для домашняго обихода; въ имѣніи же существуетъ цѣлый заводъ, гдѣ выдѣлываютъ вино на продажу; тамъ уже заняты сотни рукъ и много разныхъ машинъ.

Авдотья налила вина въ бутылку и пива въ небольшой чанъ съ ручкою, потомъ забила втулки крѣпко на крѣпко деревяннымъ молоткомъ и принялась отбирать овощи, сложенные въ деревянныхъ ящикахъ. Митя заглянулъ въ каждый ящикъ и удивился, какъ много было тамъ кочней капусты, сельерея, свеклы, моркови, петрушки.

— Нянечка, неужели мы все это съѣдимъ? спросилъ онъ.

— Да, Митенька, еще и не хватитъ до свѣжей зелени — придется мамѣ прикупить, отвѣчала няня.

Авдотья, между тѣмъ, выставила все отобранное на дворъ, очень старательно смахнула паутину, закрыла ящики рогожею, еще разъ осмотрѣла втулки и краны и заперла погребъ большимъ висячимъ замкомъ.

— Зачѣмъ вы, Авдотьюшка, такъ крѣпко затыкаете бочки? Вѣдь потомъ ихъ трудно отерывать? спросилъ Митя.

— Затѣмъ, батюшка, чтобы вино не выдохлось; какъ выдохнется, его надо будетъ бросить, отвѣчала Авдотья.

* * *

Двѣ бочки.

Табл. 9.

Двѣ бочки ѣхали: одна съ виномъ

Другая

Пустая.

Вотъ первая себѣ безъ шуму и шажкомъ

Плетется:

Другая вскачь несется.

Отъ ней по мостовой и стукотня, и громъ,

И пыль столбомъ;

Прохожій къ сторонѣ скорѣй отъ страху жметя,

Ее завидѣвши издалека.

Но какъ та бочка ни громка,

А польза въ ней не такъ, какъ въ первой, велика.

Крыловъ.

Огородныя овощи.

Табл. 9.

Чего, чего-то нѣтъ въ огородѣ на грядкахъ! Тамъ стоятъ въ перемежку зеленые и красные кочни капусты; тутъ ползутъ и прячутся подъ разлапистыми листьями огурцы; дальше горохъ и бобы выются вокругъ тычинокъ, а стручья ихъ висятъ, какъ кисти. Тамъ поднимаются ярко-зеленыя стрѣлки лука, а тутъ рѣдиска, сельерей и кольраби раскинулись по грядкамъ своею косматою зеленью. А вотъ и морковь съ кудрявыми листьями на длинныхъ стебляхъ.

Изъ свѣжей капусты кухарка сваритъ вкусныя щи, изъ стручьевъ и бобовъ сдѣлаетъ соусъ къ котлетамъ, изъ красной капусты или изъ свѣжихъ огурцовъ приготовить салатъ, кольраби отварить подъ соусомъ, а рѣдиски подастъ къ завтраку. Лукъ пойдетъ на приправу къ кушанью, морковь и сельерей сварятъ въ супѣ.

* * *

Огородъ.

Табл. 9.

Мы вошли въ огородъ. Между старыми яблонями и разросшимися кустами крыжовника пестрѣютъ круглыя блѣдно-зеленые кочны капусты. Хмѣль винтами обвиваетъ высокія тычинки. Тѣсно торчатъ на грядкахъ бурые прутья, перепутанные горохъ. Большія плоскія тыквы словно валяются по землѣ. Огурцы желтѣютъ изъ-подъ запыленныхъ желтоватыхъ листьевъ. Вдоль плетня качалась высокая крапива. Возлѣ небольшой сажалки, наполненной красноватой слизистой водой, виднѣлся колодець, окруженный лужицами. Утки хлопотливо плескались и ковыляли въ этихъ лужицахъ; собака, дрожа всѣмъ тѣломъ и жмурясь, грызла кость на полянѣ; пѣгая корова тутъ-же лѣниво щипала траву, изрѣдка закидывая хвостъ на худую спину. Дорожка повернула въ сторону; изъ за толстыхъ ракитъ и березъ выглянулъ старенькій сѣрый домикъ съ тесовой крышей и кривымъ крылечкомъ.

Тургеневъ.

На огородѣ.

Табл. 9.

У насъ на огородѣ растутъ и огурцы, и морковь, и рѣпа, и бобы. Огородъ обнесенъ плетнемъ. По плетню вьется хмѣль. Возлѣ плетня, на землѣ, лежатъ большія неуклюжія тыквы. Горохъ взбѣгаетъ по высокимъ тычинкамъ. Каждый день мы

срываеъ по десятку зеленыхъ огурцовъ и ѣдимъ ихъ съ солью. Вчера мы уже ѣли щи изъ свѣжей капусты. Скоро надо будетъ выдергивать морковь, копать картофель, снимать огурцы и капусту. Капусту будемъ шинковать, а огурцы солить на зиму.

* *

Виноградъ.

(по Берлину).

Табл. 9.

Виноградъ разводится людьми съ незапамятныхъ временъ. Еще изъ Библии мы знаемъ, что Ной послѣ потопа посадилъ виноградники и ухаживалъ за ними. Первоначальная его родина была Азія, а оттуда онъ распространился по всей южной Европѣ. Виноградъ бываетъ бѣлый, красный, синій, сладкій и кислый. Сладкій виноградъ сушатъ на солнцѣ и этотъ сушеный виноградъ извѣстенъ подъ именемъ изюма; коринка тоже виноградъ, только другого сорта. Виноградъ ѣдятъ и свѣжимъ, но всего больше употребляютъ для приготовления вина. Спѣлый виноградъ кладутъ въ большіе чаны, выжимаютъ сокъ, который называется *винограднымъ сусломъ*, сливаютъ это сусло въ другіе чаны и даютъ вину закиснуть, или перебродить. Сахаръ при этомъ отчасти превращается въ спиртъ, а отчасти остается и придаетъ вину пріятный сладковатый вкусъ. Сортавъ винъ очень много: есть вина сладкія, кислыя, крѣпкія, легкія, бѣлыя, красныя, желтыя, — это разнообразіе зависитъ и отъ самаго винограда и отъ способовъ приготовления. Изъ плохихъ сортовъ винограда готовятъ уксусъ. Въ бочкахъ съ виномъ оседаетъ кора особой соли, находящейся въ виноградѣ — виннаго камня; эту соль собираютъ и въ очищенномъ видѣ она употребляется какъ лекарство — кремортартаръ.

Исторія большого паука.

Табл. 9.

Въ одномъ домѣ жилъ большой, толстый паукъ. Онъ считалъ себя между тамошними животными важнымъ баринкомъ. У него былъ чрезъ всю спину бѣлый крестъ; онъ умѣлъ плести отличныя сѣти и искусно ловилъ и высасывалъ мухъ. — Жилъ онъ высоко на чердакѣ, а изъ яичка выдулся подъ самымъ кровельнымъ конькомъ. Захотѣлось пауку похвастать и предъ людьми своимъ великолѣпнымъ крестомъ и своимъ искусствомъ; забрался онъ въ комнаты. Тамъ, въ большомъ залѣ, какъ нарочно, сидѣло вокругъ стола многочисленное общество. Надъ столомъ висѣла лампа. Усѣлся на нее паукъ и думаетъ: „Здѣсь какъ-разъ мѣсто. Мой нарядъ лучше, чѣмъ у кого-либо изъ гостей. Мой драгоценный крестъ, длиной во все мое тѣло блеститъ, какъ алмазный. То-то удивятся гости, когда замѣтятъ меня“. — „Посмотрите, какое прекрасное животное“, скажутъ они, „и какъ оно къ намъ снисходительно“!

Большой паукъ спустился съ лампы и усѣлся на большой сладкій пирогъ, стоявшій посреди стола. Его замѣтили. — Какъ же исполнились всѣ гости, особенно дамы! „Какое отвратительное животное!“ воскликнули одни. — „Какое у него гадкое тѣло,

какія длинныя мохнатыя ноги!“ — кричали другіе. Одной чувствительной дамѣ даже сдѣлалось дурно отъ испуга и омерзѣнія. Тогда лакей приподнялъ паука на паутинѣ и выбросилъ его за окно. „Люди, какъ видно, ничего не смыслятъ въ природныхъ красотахъ“, подумалъ паукъ и прикрѣпился паутиной къ подоконнику. „Попытаю еще счастья немного пониже!“ И онъ поползъ въ слѣдующій этажъ, чрезъ отворенное окно, въ жилую комнату. Правда, въ ней было темно, потому что хозяева ушли наверхъ, въ гости, но паукъ видитъ въ темнотѣ не хуже кошки.

У окна стояла хозяйкина прляка: ее прежде всего замѣтилъ паукъ. „Что это за нити!“ подумалъ онъ, „и какія онѣ толстыя да неровныя! Изъ такихъ нитей и въ жизнь не сплести имъ тенеть и не поймать ни одной мухи! Я покажу имъ, какъ надо прять и ткать; вытаращатъ же они глаза отъ удивленія и досады!“ Съ этими словами началъ онъ протягивать на раскрытомъ окнѣ свои нити, подобно солнечнымъ лучамъ, изъ одной точки во всѣ стороны. Потомъ онъ сталъ ходить кругами и натягивать поперечныя нити, начавъ отъ средней точки и дѣлая каждый кругъ все больше. Наконецъ онъ сѣлъ въ самый центръ тенеть и рѣшилъ подождать наступленія дня и прихода людей. Вотъ отворилась дверь, и въ комнату вошла мать съ дѣтьми. Они сейчасъ же замѣтили паутина, а потомъ и паука. „Ахъ, какая славная паутина!“ воскликнули дѣти; „какія тонкія нити, какъ онѣ блестятъ на солнцѣ, точно радуга!“ — „Вотъ, это дѣло“, подумалъ паукъ: „дѣти говорятъ правду. Наконецъ-то поняли мои достоинства!“ — „Правда это очень красиво! — но пряжа паука не годится ни на рубашки, ни на салфетки. Смахните-ка ее прочъ“. — Кто-то изъ дѣтей схватилъ большую половую щетку и ткнулъ ею въ самую средину паутины. А паукъ еще раньше, едва увидѣлъ щетку, обратился въ бѣгство, и спустился еще этажемъ ниже. — „Зависть — прескверный порокъ“, думалъ онъ: „кто могъ ожидать этого отъ женщины, которая занимается пряжей!“

Внизу онъ попалъ въ дѣтскую спальню. „Здѣсь и поселюсь“, рѣшилъ паукъ: „дѣти только-что восхищались моею работою; то-то обрадуются они и будутъ хвалить меня, когда увидятъ, какъ искусно я умѣю ловить мухъ!“ А мухъ, не смотря на кисейныя занавѣски, было въ комнатѣ довольно много. Онѣ жужжали и не давали спать маленькимъ дѣтямъ. Иная муха выползетъ ребенку на руку; другая сядетъ ему на вздернутый носикъ.

Паукъ искусно раскинулъ свои тенета, и прежде чѣмъ мухи успѣли его замѣтить, одна изъ нихъ уже запуталась въ паутинѣ. Она зажужжала такъ жалобно, что одинъ ребенокъ проснулся. Открывъ глаза, онъ замѣтилъ около постели большого толстаго паука, державшаго муху. На дѣтскій крикъ пришелъ отецъ.

— „Искусный ловецъ мухъ!“ сказалъ онъ, успокаивая своего малютку: „а все-таки безобразное животное. У него восемь глазъ, и ни однимъ изъ нихъ не смотритъ онъ дружелюбно. Его большія челюсти содержатъ ядъ, смертельный, по крайней мѣрѣ, для мухъ и комаровъ; на длинныхъ ногахъ паука есть когти, точно у медвѣдя или тигра. Хотя вамъ, дѣти, и очень неприятно, когда васъ щекочутъ и кусаютъ мухи и комары, но я думаю, вамъ будетъ еще неприятнѣе, когда у васъ по лицу будетъ разгуживать паукъ. Въ углу, за шкапомъ или въ кладовой,

пускай паукъ раскидываетъ свои тенета и ловить мухъ, сколько ему угодно; а здѣсь ему не мѣсто! Отецъ снялъ паутину и выбросилъ животное на дворъ. Къ несчастью паука, предъ самымъ окномъ стоялъ домашній пѣтухъ; онъ увидѣлъ лакомый кусочекъ, и съ большимъ удовольствіемъ проглотилъ паука.

Ваннеръ.

Паукъ и пчела.

Табл. 9.

Купецъ на ярмарку привезъ полотна;
Они такой товаръ, что надобно для всѣхъ.
Купцу на торгъ пожаловаться грѣхъ:
Покунщиковъ отбою нѣтъ; у лавки
Доходитъ иногда до давки.
Увидя, что товаръ такъ ходко идетъ съ рукъ,
Завистливый Паукъ
На барыши купца прельстился;
Задумалъ на продажу ткать,
Купца затѣялъ подорвать,
И лавочку открыть въ окошкѣ самъ рѣшился.
Основу основалъ, проткалъ насквозь всю ночь,
Поставилъ свой товаръ на-диво,
Засѣлъ, надувшись, сиѣсиво,
Отъ лавки не отходить прочь,
И думаетъ: лишь только день настанетъ,
То всѣхъ покунщиковъ къ себѣ онъ переманитъ.
Вотъ день насталъ: но что жъ? Проказника метлой
Смели и съ лавочкой долой.
Паукъ мой бѣсится съ досады.
„Вотъ“, говорить: „жди праведной награды!
На весь я свѣтъ пошлюсь, чье тонѣ тканье:
Купцово, или мое“?
— „Твое: кто въ этомъ спорить смѣетъ“?
Пчела отвѣтствуетъ: „извѣстно то давно;
Да что въ немъ проку, коль оно
Не одѣваетъ и не грѣетъ“?

Крыловъ.

На дворѣ.

Табл. 10.

— Нянечка, побудемъ на дворѣ! просилъ Митя, когда вышелъ изъ погреба. Вотъ и Барбоска насъ къ себѣ зоветъ!

Барбосъ, дѣйствительно, тихонько визжалъ и помахивалъ хвостомъ, припавъ на переднія лапы.

— Видишь, няня, какъ онъ просить, чтобы мы его погладили! упрашивалъ мальчикъ и тянулъ няню за рукавъ къ собачьей конурѣ. Няня поворчала, что ей некогда, что мама не любитъ, когда Митя гуляетъ по двору, но потомъ согласилась, и они подошли къ Барбоскѣ.

— Ты меня узналъ, Барбосинька? спрашивалъ Митя, глядя жесткую, бурю шерсть Барбоса. Старый несъ прыгалъ на Митю такъ, что едва не свалилъ его съ ногъ, визжалъ, лаялъ и вслѣдствіе старался показать свою радость. Подлѣ будки стояла деревянная чашка для ѣды, а въ конурѣ лежала солома.

— Бѣдный, какъ тебѣ, должно быть, жестко! жалѣлъ Митя.

— Ему, Митенька, и некогда нѣжится на мягкой постелѣ, замѣтила няня, онъ долженъ стеречь домъ ночью, чтобы недобрый человѣкъ не забрался.

Митя еще разъ приласкалъ Барбоса и побѣжалъ къ водокачалкѣ посмотрѣть, какъ кучеръ Иванъ наливалъ воду для лошадей. Онъ накачивалъ воду насосомъ съ ручкою, и вода лилась изъ крана широкою струею въ подставленное ведро. На другомъ концѣ двора двое работниковъ пилили дрова. Они клали бревна на двое козелъ и распиливали ихъ сперва пополамъ, потомъ еще пополамъ, и еще, пока изъ нихъ дѣлались короткіе обрубки, а дворникъ тутъ же кололъ обрубки на колодѣ топоромъ, и изъ нихъ дѣлались полѣнья, совсѣмъ такія, какими няня топила дѣтскую. Когда топоръ затупился, дворникъ подошелъ къ точильному камню, налилъ на него немного воды изъ кружки съ краномъ, стоявшей на верху станка, на полочкѣ; потомъ сталъ точить лезвее топора, вертя за ручку каменное колесо и держа топоръ лезвеемъ на краю колеса. Изъ подъ колеса то и дѣло высекаивали искры, няня сказала Митѣ, что это накаливаются маленькіе кусочки топора, потому что камень очень трется объ желѣзо.

Няня хотѣла уже уйти, но Митя упросилъ ее еще побыть на дворѣ, посмотрѣть, какъ кучеръ будетъ чистить конюшню. Кучеръ взялъ лопату, сгребъ навозъ въ корзину, поставилъ ее на тачку и повезъ въ навозную яму. Потомъ вымелъ метлою остальную соръ, слазилъ по стремянкѣ на сѣноваль, принесъ соломы и постлалъ цѣлыхъ два снона на полъ конюшни. Дворникъ, между тѣмъ, справился съ дровами и тоже взялся за метлу и лопату, начисто подмелъ стружки и щепки, сбросилъ ихъ въ корзину и вывезъ на тачкѣ въ особый чуланъ, откуда ихъ будетъ брать Авдотья для растопокъ.

По двору бѣгали ручные голуби, и Митя пожалѣлъ, что не захватилъ съ собою хлѣба.

— Довольно, довольно съ тебя, торопила няня, скоро обѣдать позовутъ, а у тебя еще и руки не вымыты, вонъ какъ запачкался съ Барбоской, говорила няня, уводя мальчика.

— А скоро, няня, будетъ зима? спросилъ Митя, поспатривая на стояшіе въ углу салазки.

— Скоро, скоро, засмѣялась няня, оглянуться не успѣемъ, какъ опять будемъ на салазкахъ съ ледяной горы кататься, а пока попросись послѣ обѣда у мамани поиграть на дворѣ въ мячикъ, или въ обручъ, вотъ тогда и голубковъ покормимъ.

Двѣ собаки.

Табл. 10.

Дворовый, вѣрный несъ Барбосъ
Который барскую усердно службу несъ,
Увидѣлъ старую свою знакомку,
Жужу, кудрявую болонку,
На мягкой пуховой подушкѣ, на окнѣ.
Къ ней ластяся, какъ будто бы къ роднѣ,
Онъ съ умиленія чуть не плачетъ,
И подъ окномъ визжитъ, вертитъ хвостомъ и скачетъ.

„Ну, что, Жужутка, какъ живешь,
Съ тѣхъ поръ, какъ господа тебя въ хоромы взяли?
Вѣдь, помнишь, на дворѣ мы часто голодали.
Какую службу ты несешь?“

— „На счастье грѣхъ роптать“, Жужутка отвѣчаетъ:
„Мой господинъ во мнѣ души не часть!
Живу въ довольствѣ и въ добрѣ,
И ѣмъ, и пью на серебрѣ;
Рѣзвлюся съ бариномъ, а ежели устану,
Валяюсь по коврамъ и мягкому дивану.
Ты какъ живешь?“

— „Я?“ отвѣчалъ Барбосъ,
Хвостъ плетью опусти и свой повѣся носъ, —
„Живу попрежнему: терплю и холодъ,

И голодъ,
И, сберегаячи хозяйскій домъ,
Здѣсь подъ заборомъ силю и мокну подъ дождемъ;
А если невпопадъ залаю,
То и побои принимаю.
Да чѣмъ же ты, Жужу, въ случай пональ,
Безсиленъ бывши такъ и малъ,
Межъ тѣмъ какъ я изъ кожи рвусь напрасно?
Чѣмъ служишь ты?“ — „Чѣмъ служишь? вотъ прекрасно!“
Съ насмѣшкой отвѣчалъ Жужу:
„На заднихъ ланкахъ я хожу!“

Крыловъ.

Нищій и собака.

Табл. 10.

Большой боярскій дворъ собака стерегла.
Увидя старика, входящаго съ сумою,
Собака лаять начала.

„Умилосердись надо мною!“

Съ боязнию шепотомъ бѣднякъ ее молилъ:

„Я сутки ужъ не ѣлъ. . . Отъ глада умираю!“

— „Затѣмъ то я и лаю“,

Собака говоритъ: „чтобъ ты накормленъ былъ“.

Крыловъ.

Храбрая собака.

Табл. 10.

— „Собака, что лаешь?“ „Волковъ пугаю“. — „Собака,
что хвостъ поджала?“ „Волковъ боюсь“.

Даль.

Бишка.

Табл. 10.

— „А ну-ка, Бишка, прочти, что въ книжкѣ написано?“
Понюхала собака книжку, да и прочь пошла.

— „Не мое, говорить, дѣло книжки читать. Я домъ стегу,
по ночамъ не силю, лаю, воровъ да волковъ пугаю, будетъ
съ меня и этого“.

Ушинскій.

Лѣстница.

Табл. 10.

Стояла лѣстница однажды у стѣны.
Хотя ступени все между собой равны,
Но верхняя ступень предъ нижними гордилась.
Шель мимо человѣкъ, на лѣстницу взглянулъ,
Схватилъ ее, перевернулъ,
И верхняя ступень внизу ужъ очутилась.

Хемницеръ.

Катанье съ горъ.

Табл. 10.

Посрединѣ двора	Маша трусить, кричить,
Ледяная гора	А братишка сидить,
Возвышается.	Усмѣхается.
И народъ молодой	Говорить ей: „Сестра!“
На горѣ ледяной	Перестать бы пора
Потѣшается.	Быть трусихою. . .“
И летить, словно пухъ,	Вотъ и конченъ ихъ путь,
И у Машеньки духъ	Можно ей отдохнуть,
Занимается.	Да не хочется.
Все хохочуть, шумять,	Позабывши свой страхъ,
Маша съ братцемъ сидятъ	Прокатиться въ саняхъ
На салазочкахъ.	Снова просится.

Старикъ Годовикъ.

Деревенскій дворъ.

Табл. 10.

Наша хата окнами на улицу и на дворъ. Съ улицы подлѣ
нея стоятъ тесовыя ворота. Черезъ ворота въѣдешь на дворъ.
На дворѣ, подлѣ хаты, подъ навѣсомъ хлѣвъ для лошадки и
коровушки. Съ боку сарай, гдѣ у насъ спрятаны сани, телѣга и
всякая упряжь. На дворѣ у насъ есть и колодець, надъ кото-
рымъ высоко поднялся очень для черпанья воды. Кругомъ нашъ
дворъ обнесенъ плетнемъ. На немъ бѣгаютъ куры, роются по-
росята.

Водовозовъ.

Домашній голубь.

Табл. 10.

Домашній голубь ручная птица. У него короткій клювъ,
круглая, небольшая голова. Цвѣтъ перьевъ различный: есть
голуби сизые, бѣлые, коричневые, пестрые. На шеѣ перья съ
отливомъ, въ хвостѣ и крыльяхъ перья длинныя. — Голубь
хорошо летаетъ, описываетъ круги въ воздухѣ. Самка кладетъ
два яичка и высидиваетъ своихъ птенцовъ въ гнѣздѣ. Голубь
не поетъ, — онъ только воркуетъ. Питается голубь всякими
сѣменами, очень любитъ пшено и рожь. Голубей сотнями дер-
жать на голубятняхъ для удовольствія.

* *

Горлинка.

Табл. 10.

Горлинка одной породы съ голубемъ, но по величинѣ гораздо меньше его; перьями очень красива и рѣзко отличается отъ другихъ голубей. Что-же касается до миловидности и до нравственныхъ качествъ, то горлинка должно признать очевиднымъ ихъ выраженіемъ, потому что она смирна, не боится человека, не прячется отъ него и даетъ полную возможность къ наблюденію своихъ нравовъ даже и нелюбопытному человеку. Горлинка не только прилетаютъ въ сады и огороды, но нерѣдко на широкіе зеленые дворы деревенскихъ помѣщичьихъ усадебъ и ихъ простыя заборы.

Носикъ у горлицы съ пережабинкой, свѣтло-розоваго цвѣта; голова, шея и зобъ сизо-розовые; около темныхъ прекрасныхъ глазъ лежитъ ободочекъ, довольно широкой, изъ незаросшей перышками кожицы свѣтло-малиноваго цвѣта; на обѣихъ сторонахъ шеи, на палецъ отъ глазъ, есть продолговатое, очень красивое кофейное пятно, пересѣкаемое бѣлыми полосками; по крыльямъ отъ плечъ лежатъ темныя продолговатыя пятна, отороченныя коричневымъ ободочкомъ; длинныя перья въ крыльяхъ свѣтло-кофейныя; такого-же цвѣта и хвостъ довольно длинный; два верхнія хвостовыя пера безъ каемокъ, а все нижнія оканчиваются бѣлою полоскою въ палецъ шириной; по спинѣ видны большія, неясныя пестринки; хлупъ чисто бѣлая; ножки розовыя.

* *

Голубь.

Табл. 10.

Голуби-голубочки, мохноногіе воркуночки, на крышѣ сидючи, другъ на друга глядючи, цѣлуются, милуются, другъ-другомъ любятся, носики обчищаютъ, перышки выправляютъ. Вотъ по полю полетали, пшенички поклевали, зобки понабили, дѣткамъ кашу приготовили; а въ гнѣздышкѣ дѣтки, безперные голубятки, лежатъ-пищать, кушать хотятъ: носики раскрываютъ, мягкой кашки поджидаютъ.

Ушинскій.

Котъ и Барбось.

Табл. 10.

Котъ Васька умникъ: всталъ раненько и умывается чистенько. Вотъ у крылечка онъ сидитъ, хвостомъ тихонько шевелить, да бѣлой лапкою своею онъ обтираетъ глазки, шею и нѣжно гладитъ по щекамъ, по всей бородкѣ, по усамъ. Вотъ выгнувъ спину, поднявъ уши, припалъ тишкомъ — глядитъ, какъ мушки снуютъ кругомъ; одна, другая жужжитъ, летая у самыхъ лапъ, котъ Васька цапъ! словилъ играя, — и вдругъ прыжкомъ за воробьемъ... Но не до ловли Васькѣ; онъ лапки подогнулъ, усѣлся, жмуритъ глазки и нѣню затынулъ: мурлы, зурь-зурь....

Но вотъ, какъ онъ, играя, понѣжится прилѣгъ, на дворъ изъ кухни скокъ собачица большая, зубастый злой Барбось: онъ шерстью весь обросъ, мохнатымъ звѣремъ валитъ и страшно зубы скалитъ... Котъ Васька брысь! и въ мигъ присѣлъ къ стѣнѣ, притихъ. Пѣсъ на него — и громко лаетъ; а Васька пя-

тится назадъ и уши у него дрожатъ, онъ весь отъ страху замираетъ. Барбось орѣтъ: гамъ, гамъ! у—у! а Васька ни гугу. Барбоска лаетъ: гау! гау! а Васька такъ протажно: мяу! и вдругъ согнулся онъ горбомъ, щетинкой стала шерсть на нѣмъ, глаза горять, сіяютъ, какъ угольки въ потьмахъ, шинить онъ такъ, что страхъ — и когти выпускаетъ... Бѣдовый Васька! въ мигъ Барбосу на спину онъ прыгъ и ну царапать, какъ попало: то по глазамъ, то по ушамъ, — Барбосу жутко стало. Какъ ни тряхнѣтъ, ни повернѣтъ онъ головою, котъ за спиною; вотъ пастью хватъ! нельзя достать.

Пѣсъ видитъ: плохо — и смирился, на землю онъ присѣлъ, хвостомъ умильно завертѣлъ и говоритъ: „Ужъ полно, Васька! не помириться-ль намъ, дружокъ“? И котъ сказалъ: „Взялся ты за умокъ: вѣришь дѣло тамъ, гдѣ ласка“, и со спины Барбоса скокъ.

Побрѣлъ Барбось домой смиренно и безъ лая, трясетъ лишь головою и думаетъ: „Напасть какая! какъ я kota не зналъ до сей поры? А онъ, злодѣй, умѣнь — и когти у него остры“.

Паульсонъ.

Птичій дворъ у Анюты.

Табл. 10.

Анюта какъ только пообедала, такъ сейчасъ побѣжала на птичій дворъ.

— „Цыпъ, цыпъ, цыпъ, подите-ка сюда, я принесла вамъ много, много крошекъ!“

Изъ курятника, изъ подъ сарая, отовсюду выскочили пѣтухи, куры, цыплята. Они спѣшили, толкались, кудахтали и наконецъ все прибѣжали къ Анютѣ. Она высыпала имъ изъ фартука все, что принесла. „Что это гулька не летитъ, подумала Анюта, а я припрятала для него цѣлый кусокъ хлѣба. Гуль, гуль, гдѣ ты?“ Вдругъ съ крыши слетѣло нѣсколько голубей и одинъ сѣлъ Анютѣ на плечо. Это былъ хорошенькій голубь, бѣленькій, съ большимъ хохолкомъ и съ мохнатыми ножками. Анюта очень любила этого голубя, да какъ же ей было и не любить его? Разъ деревенскіе мальчики принесли Анютѣ голубя. У него зашиблено было крыло и ножка, и онъ не могъ летать. Анюта купила его, только не могла придумать, куда бы помѣстить больнаго голубя. Думала она, думала и наконецъ рѣшила. Въ саду у Анюты былъ маленькій домикъ. Въ этотъ-то домикъ помѣстила Анюта своего голубка. Она сдѣлала для него полку подъ самой крышей и положила его туда. Она клала подлѣ него хлѣба, пшена и ставила воды. Голубь не могъ сидѣть на жердочкѣ, потому что у него болѣла ножка. Черезъ нѣсколько дней голубь сталъ выздоравливать, онъ ужъ слеталъ съ полки и ходилъ по полу въ домикѣ.

Разъ утромъ приходитъ Анюта въ домикъ; смотритъ, голубя нигдѣ нѣтъ; Анютѣ стало очень жаль его. Она даже всплакнула немножко. „Чтожь дѣлать, пропалъ мой голубокъ,“ думаетъ она. Послѣ обѣда Анюта, какъ всегда, пошла кормить куръ. Вдругъ, откуда не возмись, летитъ къ ней голубь. Она очень обрадовалась. Сначала голубь не рѣшался подойти къ ней поближе, потомъ сдѣлался смѣлѣе и сталъ клевать ужъ изъ рукъ, а тамъ вдругъ взлетѣлъ къ ней на плечо. Очень обрадо-

валась Анюта и теперь каждый раз как она выйдет кормить курь, так и летить къ ней ея голубокъ; еще не одинъ, за нимъ всегда прилетаетъ нѣсколько другихъ, только тѣ еще не смѣлы, боятся близко подходить къ Анютѣ. * *

Въ саду.

Табл. 11 и 12.

По праздникамъ Митя ѣздитъ съ папой и съ мамой къ дядѣ Колю. Дядя Коля живетъ въ нѣсколькихъ десяткахъ верстъ отъ города, и у него прекрасный садъ съ цвѣтникомъ, съ плодовыми деревьями и ягодными кустами. Въ глубинѣ сада липовая рощица, и тамъ пасѣка со множествомъ ульевъ. Въ саду красивыя аллеи, фонтанъ, бесѣдка и клумбы съ цвѣтами. На балконѣ красуются пальмы и олеандры въ бочкахъ, и множество розъ, фуксій, лилій въ цвѣточныхъ горшкахъ. Въ плодовомъ саду растутъ яблони, груши, сливы, вишни, кусты крыжовника, смородины, клубники и земляники. Въ оранжереѣ зрѣютъ мхнатые персики съ твердыми, какъ орѣхъ, косточками внутри.

На клумбахъ много пестрыхъ цвѣтовъ, а по краямъ дорожекъ густо растутъ незабудки и Иванъ-да-Марья. Есть и качели на толстыхъ прочныхъ столбахъ; няня сажаетъ Митю на рѣшетчатую скамеечку и легонько раскачиваетъ за веревки, придерживая его рукою, чтобы не упалъ.

Садовнику много хлопотъ съ садомъ: цвѣты надо посѣять раннею весною въ ящики съ землею, а потомъ пересаживать ихъ въ клумбы. Клумбы съ осени надо хорошо вскопать, удобрить и прибавить новаго чернозема. А сколько поливки, сколько хлопотъ съ прививкою плодовыхъ деревьевъ, съ подравниваніемъ дерна, съ обрѣзаніемъ вѣтвей на деревьяхъ и кустахъ. Съ утра до вечера садовникъ роется въ саду, чиститъ, мететъ, скоблитъ и обрѣзаетъ, и все еще на каждый день хватаетъ новой работы. Посреди сада стоитъ высокая скворешница; скворушка тоже садовничаетъ, очищаетъ садъ отъ насѣкомыхъ, за то его садовникъ и любитъ. * *

Какъ устроили нашъ садъ.

Табл. 11 и 12.

Чуть забрезжилъ свѣтъ, крестьянинъ Максимъ съ своей семьей уже пришелъ на работу. Утро было очень холодное. Отецъ и двое сыновей, кто съ заступомъ, кто съ лопатою въ рукахъ, принялись прежде всего вырывать одинъ пенъ. Прежде тутъ было большое дерево съ глубокими корнями, которые теперь уже успѣли сгнить, но не смотря на это, пришлось очень глубоко окопать его кругомъ, чтобы вытащить изъ земли. Часто заступъ вдругъ останавливался и не шелъ дальше. Старшій мальчикъ бросалъ тогда свою лопату, ложился на землю, и уже руками вытаскивалъ оттуда камень, сучья или кирпичъ.

Такъ проработало семейство Максима цѣлый мѣсяцъ съ утра до поздняго вечера. Потомъ созвали другихъ крестьянъ, которые вспахали, забороновали и обнесли мѣстность красивою зубчатою оградой.

На другой день наняли опытнаго садовника и до десяти работниковъ. Садовникъ прежде всего велѣлъ приготовить много колебей, а самъ позвалъ работниковъ и заставилъ ихъ копать глубокия ямы, одну отъ другой на разстояніи семи, восьми аршинъ.

Черезъ недѣли двѣ ямы опять засыпали до верху землею, и землю бросали не одну черноземную: если посадить деревья только въ черноземъ, они станутъ слишкомъ быстро расти, древесина будетъ такая рыхлая и мягкая, что не выдержитъ зимнихъ морозовъ.

Послѣ этого садовникъ отправился съ работниками въ собственный садикъ, который былъ неподалеку, и началъ выкапывать оттуда деревья. Лишь только выкапывали дерево, его клали на землю, а корни обсыпали землею, чтобы они не засохли, пока ихъ будутъ перевозить. Однако, какъ осторожно ни выкапывали деревья, всетаки порвали большую часть тонкихъ корешковъ, вотъ садовникъ и сталъ обрѣзать ножомъ эти корни и вѣтки, такъ какъ оставшіеся корни не могли питать всѣхъ вѣтвей. Всѣ обрѣзы тотчасъ замазывали замазкой.

Эти деревья перевезли въ нашъ садъ и стали садить въ приготовленныя ямы, засыпали землею (та земля, которая была набросана въ яму, теперь осѣла) и утаптывали ногами, чтобы корни вездѣ плотно прилегли къ землѣ. Послѣ этого около каждаго дерева втыкали коль и мочалою привязывали къ нему молодое деревцо. Если этого не сдѣлать, то при сильномъ вѣтрѣ дерево можетъ погнуться на бокъ и расти криво.

Водовозова.

Садъ.

Табл. 11 и 12.

Неподвижно лежалъ передо мною небольшой садъ, весь озаренный и какъ бы успокоенный серебрянными лучами луны, весь благовонный и влажный, разбитый постаринному, онъ состоялъ изъ одной продолговатой поляны. Прямыя дорожки ея сходились на самой ея срединѣ въ круглую клумбу, густо заросшую астрами: высокія липы окружали ее ровной каймой. Въ одномъ только мѣстѣ прерывалась эта кайма сажени на двѣ, а сквозь отверстіе виднѣлась часть низенькаго дома съ двумя освѣщенными окнами. Молодыя яблони кое-гдѣ возвышались надъ поляной; сквозь ихъ жидкія вѣтки кротко синѣло ночное небо, лился дремотный свѣтъ луны; передъ каждою яблоней лежала на бѣлѣющей травѣ ея слабая, пестрая тѣнь. Я нагнулся черезъ плетень; передо мной красный полевой макъ поднималъ изъ заглохшей травы свой прямой стебелекъ; большая, круглая капля ночной росы блестѣла темнымъ блескомъ на днѣ раскрытаго цвѣтка.

И. Тургеневъ.

Мой садикъ.

Табл. 11 и 12.

Какъ мой садикъ свѣжъ и зеленъ!
Распустилась въ немъ сирень;
Отъ черемухи душистой,
И отъ липъ кудрявыхъ тѣнь...

Правда, нѣтъ въ немъ блѣдныхъ лилій,
Горделивыхъ георгинъ;
И лишь пестрыя головки
Возвышаетъ макъ одинъ.

Да подсолнечникъ у входа,
Словно вѣрный часовой,
Сторожить себѣ дорожку,
Всю поросшую травой. . .
Но люблю я садикъ скромный:
Онъ душѣ моей милѣй
Городскихъ садовъ унылыхъ,
Съ сѣтью правильныхъ аллей.

И весь день въ травѣ высокой
Лежа, слушать бы я радъ,
Какъ заботливыя пчелы
Вкругъ черемухи жужжать.

Плещеевъ.

Старый садъ.

Табл. 11 и 12.

Въ старый садъ выхожу я. Росинки,
Какъ алмазы, на листьяхъ горятъ;
И цвѣты мнѣ головкой киваютъ,
Разливая кругомъ ароматъ.
Все влечетъ, веселитъ мои взоры:
Золотая пчела на цвѣтѣхъ,
Разноцвѣтныя бабочки крылья
И слѣды воробья на пескѣ.
За оградой садовой чернѣетъ
Полоса взбороненной земли,
И покрытыя соснами горы
Поднимаются къ небу вдали.
Какъ любовью и радостью дышетъ
Вся природа подъ вешнимъ лучомъ,
И душа благодарная чуетъ
Здѣсь присутствіе Бога во всемъ.

Плещеевъ.

Садъ.

Табл. 11 и 12.

Сады разводятся возлѣ домовъ и обносятся заборами или рѣшетками. Въ садахъ растутъ плодовые деревья, ягодные кусты и садовые цвѣты. Бываютъ въ садахъ и простыя красивыя деревья: хороши и тѣнисты липовыя аллеи и бесѣдки. Дорожки въ саду усыпаны пескомъ. За садомъ смотритъ или самъ хозяинъ, или садовникъ. Садамъ вредятъ птицы, гусеницы и домашній скотъ. Кроты взрываютъ дорожки и портятъ клумбы.

Ушинскій.

Пѣсенки цвѣтовъ.

Табл. 11 и 12.

Роза.

Зовутъ меня люди	Хоть кустъ мой зеленый
Царицей цвѣтовъ,	Васъ ранить готовъ. . .
За цвѣтъ и за запахъ	Но кто-жь не проститъ мнѣ
Моихъ лепестковъ.	Колючихъ шиповъ?

Лилія.

Въ моей бѣлой чашкѣ	И листикъ мой длиненъ,
Для всѣхъ ароматы,	Но я не сиѣсива:
И пыль золотая	И бабочкѣ пестрой,
Для пчелки мохнатой;	Жучку, муравью,
И стебель мой строенъ,	И всякой букашкѣ
Головка красива,	Пріютъ я даю.

Резеда.

Мой кустикъ не пышенъ,	За то вы найдете
И цвѣтъ не богатъ;	Вездѣ резеду:
Но издали слышенъ	И въ скромномъ букетѣ,
Мой всемъ ароматъ.	И въ царскомъ саду.

*

Плодовый садъ.

Табл. 11 и 12.

Подлѣ огромнаго, развѣсистаго вяза толпились вишни, аблони, груши. Между ними разрослись кусты крыжевника и смородины. Тутъ же росли рябина, черемуха. Далѣе видѣлись кучки лигъ. Вдоль изгороди тянулись перепутанные кусты малины. На грядахъ, между капустой и рѣпой, росли подсолнечникъ и макъ; около тычинокъ вились турецкіе бобы. Свѣтило солнышко и пахло цвѣтами.

Гоголь.

Садъ.

Табл. 11 и 12.

Зеленѣйся, зеленѣйся,
Мой зеленъй садъ;
Расцвѣтайте, расцвѣтайте
Мои алые цвѣточки!
Поспѣвайте, поспѣвайте
Вкусны ягоды скорѣй!
Ко мнѣ будутъ, ко мнѣ будутъ
Мои гости дорогіе,
Сударь батюшка родимый
Будетъ по саду ходити,
Спѣлы ягоды щипати,
Меня младу похваляти,
Что горазда садъ садити,
Что горазда поливати,
Отъ морозу укрывати.

Народное.

Въ саду.

Табл. 11 и 12.

Въ саду прохладно. Кусты поразрослись, поспутались, переплелись. Тутъ яблонь, тамъ бурьянъ, тропинка межъ травой густой. Вонъ стволъ березы серебрится, она пряма и высока. Въ травѣ кузнечики звенятъ, безъ устали, куютъ, Богъ вѣсть, жалѣзо гдѣ берутъ. Тутъ по цвѣтамъ у пчель работа; тамъ, смотришь, дятель прилетитъ, обѣ иву носомъ застучитъ.

*

Исторія одной яблоньки.

Табл. 11.

1.

Росла въ лѣсу дикая яблоня; осенью упало съ нея кислое яблоко. Птицы склевали яблоко, поклевали и зѣрнышки. Одно только зѣрнышко спряталось въ землю и осталось. Зиму пролежало зѣрнышко подъ снѣгомъ, а весной, когда солнышко пригрѣло мокрую землю, зерно стало проростать: пустило внизъ корешокъ, а кверху выгнало два первые листка. Изъ-промежъ листочковъ выбѣжалъ стебелѣкъ съ почкой, а изъ почки, наверху, вышли зелѣные листики. Почка за почкой, листикъ за листикомъ, вѣточка за вѣточкой — и лѣтъ черезъ пять хорошенькая яблонька стояла на томъ мѣстѣ, гдѣ упало зѣрнышко.

Пришелъ въ лѣсъ садовникъ съ заступомъ, увидаль яблоньку и говоритъ: „вотъ хорошее деревцо; оно мнѣ пригодится“. Задрожала яблонька, когда садовникъ сталъ ее выкапывать, и думаетъ: „пропала я совсѣмъ!“ Но садовникъ выкопалъ яблоньку осторожно, корешковъ не повредилъ, перенесъ её въ садъ и посадилъ въ хорошую землю.

2.

Загордилась яблонька въ саду: „должно быть, я рѣдкое дерево“, думаетъ она, „когда меня изъ лѣсу въ садъ перенесли“, и свысока посматриваетъ вокругъ на некрасивые пеньки, завязанные тряпочками; не знала она, что попала въ школу. На другой годъ пришелъ садовникъ съ кривымъ ножомъ и сталъ яблоньку рѣзать. Задрожала яблонька и думаетъ: „ну, теперь то я совсѣмъ пропала“. Срѣзалъ садовникъ всю зелѣную верхушку деревца, оставилъ одинъ пенѣкъ, да и тотъ еще расщепилъ сверху; въ трещину воткнулъ садовникъ молодой побѣгъ отъ хорошей яблони; закрылъ рану замазкой, обвязалъ тряпочкою, обставилъ новую прищепу колышками и ушелъ.

3.

Прихворнула яблонька; но была она молода и сильна, скоро поправилась и срослась съ чужой вѣточкой. Пьетъ вѣточка соки сильной яблоньки и растетъ быстро: выкидываетъ почку за почкой, листъ за листкомъ: выгоняетъ побѣгъ за побѣгомъ, вѣточку за вѣточкой, и года черезъ три зацвѣло деревцо бѣлорозовыми, душистыми цвѣтами. Опали бѣлорозовые лепестки, и на ихъ мѣстѣ появилась зелѣная завязь, а къ осени

изъ завязи сдѣлались яблоки: да ужъ не дикія кислицы, а большія, румяныя, сладкія, разсыпчатыя! И такая-то хорошенькая удалась яблонька, что изъ другихъ садовъ приходили брать отъ нея побѣги для прищепъ.

Ушинскій.

Малина.

Табл. 12.

Во саду садочкѣ
Выросла малинка.
Солнце её грѣетъ,
Дождичекъ лелѣетъ.
Въ свѣтломъ теремочкѣ
Выросла Танюша,
Тятя ее любитъ,
Маменька голубитъ.

Народное.

Лисица и Виноградъ.

Табл. 10.

Голодная кума-Лиса залѣзла въ садъ;
Въ немъ винограду кисти рдѣлись.
У кумушки глаза и зубы разгорѣлись;
А кисти сочныя, какъ яхонты горятъ;
Лишь то бѣда, висятъ онѣ высоко:
Отколь и какъ она къ нимъ ни зайдетъ,
Хоть видить око,
Да зубъ нейметъ.
Пробившись по-пусту часъ цѣлой,
Пошла и говоритъ съ досадою: „Ну что-жь!
На взгляды-то онѣ хороши,
Да зеленъ — ягодки нѣтъ зрѣлой:
Тотчасъ оскомину набьешь.“

Крыловъ.

Птички.

Табл. 10.

Въ саду росло много деревьевъ, ягодъ, цвѣтовъ. Ихъ портили червяки, жучки, мухи. Замѣтилъ ихъ хозяинъ, но истребить не могъ: такъ ихъ было много. Прилетѣли птицы и стали пѣть въ саду. Птицы свили себѣ на деревьяхъ гнѣзда, положили въ нихъ яйца и вывели птенцовъ. Отцы и матери носили имъ пищу: червячковъ, мухъ, оводовъ, комаровъ, бабочекъ и жучковъ, которыхъ много было въ саду.

Хозяинъ увидѣлъ, что съ тѣхъ поръ, какъ въ саду поселились птицы, яблоки стали меньше гнить и цвѣты не портились. Полюбилъ онъ птицъ за то, что очистили его садъ отъ насѣкомыхъ.

Паумсонъ.

Скворецъ.

Около избышки лѣсничаго, на высокой полкѣ, привѣшана скворешница, т. е. попросту выдолбленный отрубокъ бревна съ прибитыми сверху и снизу дощечками и вмѣсто двери съ круглымъ отверстіемъ въ боку. Въ этомъ незатѣйливомъ домикѣ изъ году въ годъ съ самой ранней весны и до поздней осени живетъ господинъ скворушка со своею супругою. Черныя перышки ихъ отливаютъ зеленовато-краснымъ блескомъ, а къ осени на спинкѣ, на шеѣ и на затылкѣ появляются бѣлыя крапинки, потому что у каждаго перышка побѣлѣетъ кончикъ. Клювъ у скворушки черный, прямой, широкой конусъ, сейчасъ видно, что онъ ѣсть насѣкомыхъ, ноги коричневыя, высокія, крѣпкія, походка важная, съ развальцемъ, а крылья длинныя, сильныя — при полетѣ скворушка шибко шумитъ крыльями и быстро, мѣрно ударяетъ ими по воздуху. Скворушка закадычный другъ лѣсника: еще не стаялъ снѣгъ, а ужъ онъ тутъ какъ тутъ со своею подругою: натащить въ скворешницу куриныхъ перьевъ, соломы, сѣна, шерсти, набрасаетъ все это на скорую руку и принимается за свои веселыя пѣсни. Заберется на самую вершину сосны или березы, холодный вѣтеръ такъ и тормозитъ его пестрыя перышки, а ему и горя мало: то закудахтаетъ и заклохчетъ курицею, то вдругъ скрипнетъ ржавымъ флюгеромъ, или затрепещетъ мельницею, и вдругъ въ перемежку залетѣетъ жаворонкомъ, защебечетъ ласточкою, засвищетъ посоловьиному... Скворушка не стѣсняется, что у него нѣтъ своей пѣсни, ему весело перенимать у другихъ пѣвцовъ, онъ внимательно слушаетъ ихъ пѣніе, беретъ все, что понравится и составляетъ по своему, какъ вздумается... Если ему подрѣзать языкъ, то онъ выучится говорить слова. Онъ легко дружится съ человѣкомъ, любитъ своего хозяина и дѣлается совѣмъ ручнымъ. Если нѣтъ по близости скворешницы, то скворушка недолго думая устраиваетъ свое незатѣйливое гнѣздо въ какомъ нибудь дуплѣ; самка положитъ туда штукъ пять большихъ, блестящихъ свѣтлосинихъ продолговатыхъ яицъ, высидитъ дѣтей и живо научитъ ихъ летать. Со своими товарищами скворушка живетъ очень дружно, цѣлыми стаями перелетаютъ они съ мѣста на мѣсто, особенно любятъ забраться вечеромъ въ тростники: каждый скворушка выбираетъ себѣ тростниковую вѣтку и беззаботно спитъ на ней, не думая о своемъ гнѣздѣ. Случится что-нибудь: птица хищная налетитъ, звѣрь выскочитъ, выстрѣлъ прозвучитъ — и все общество съ шумомъ поднимается высоко-высоко и далеко кружится въ воздухѣ.

По Вагнеру.

Скворецъ.

Табл. 25.

У одного охотника былъ скворецъ, который научился говорить нѣсколько словъ. Когда его спрашивали: гдѣ ты? Онъ отвѣчалъ: „здѣсь!“ Какъ-то охотника не было дома, а соседній мальчикъ, Сеня, зашелъ къ нему зачѣмъ-то и вздумалъ украсть забавную птичку. Онъ подманилъ скворушку, поймалъ его и собирався уже унести домой, какъ вдругъ услышалъ въ сѣняхъ шаги охотника. Въ испугѣ мальчикъ сунулъ руку со скворцомъ въ карманъ — бѣдный скворушка задыхался у него въ рукѣ.

Вошелъ хозяинъ, поздоровался, оглядѣлъ комнату — нѣтъ скворушки!

— Скворушка, гдѣ ты? спросилъ онъ громко.

— „Здѣсь!“ жалобно пискнула скворушка въ карманѣ своего мучителя.

Можно себѣ представить, какъ стыдно было мальчику, когда охотникъ нашелъ скворушку у него въ карманѣ!..

*

Божья коровка-садовникъ.

Табл. 22.

Божья коровка прилетѣла изъ лѣсу въ комнату дитяти. А дитя это живетъ среди большого города. Отъ воротъ его дома до конца предмѣстій далеко, очень далеко; рѣдко случается дитяти побывать за городомъ, въ полѣ и лѣсу! И потому въ день рожденія ему подарили чудесный розовый кустъ. Онъ зеленъ круглый годъ, и каждый мѣсяцъ на немъ распускаются новыя почки. Но вотъ бѣда: растеніе начинаетъ вянуть, потому что множество маленькихъ черновато-зеленыхъ, полупрозрачныхъ животныхъ поселилось на его молодыхъ отросткахъ и высасываютъ изъ нихъ сокъ. Это травяныя вши. Число ихъ на сучьяхъ увеличивается ежедневно. Если это будетъ продолжаться, то розовый кустъ непременно погибнетъ. А вѣдь кустъ этотъ замѣняетъ для дитяти и цвѣтникъ, и лѣсъ, и поле, и луга. Прилетѣла къ дитяти въ комнату Божья коровка. Выпуклыя, жесткія крылышки ея такія чистенькія; платьице на ней темнокрасное съ семью черными точечками; головка и тоненькія нѣжныя ножки совѣмъ черныя, блестящія, будто лакированныя. Кромѣ того у нея подъ жесткими красными крылышками — еще другія крылышки, изъ чудной прозрачной ткани. Хотя они и очень тонкія, но такъ крѣпки и плотны, что могутъ натягиваться, какъ шелковая матерія на палочкахъ зонтика, не пропускаютъ воздуха и поддерживаютъ на немъ летающаго жучка.

Маленькій гость садится на увядающей розовый кустъ. Сегодня утромъ она пала съ куста еще одна нераспустившаяся почка: ей не достало соку для полного развитія. Что же станеть дѣлать на розовомъ кустѣ Божья коровка? Ужъ не хочетъ ли она по примѣру майскаго жука и его родни, оглодать и остальные листья, не успѣвшіе еще пожелтѣть и опастъ? Что дѣлать дитяти? Оставить ли жучка въ покоѣ или прогнать, пока онъ еще не успѣлъ надѣлать вреда? Дитя любитъ Божью коровку, хочетъ сберечь ее до завтра и оставляетъ на зеленой вѣткѣ. Оно ложится въ постель и засыпаетъ. На другое утро, на той вѣткѣ, на которой сидитъ Божья коровка, ужъ нѣтъ ни одной травяной вши: а еще наканунѣ эта вѣтка была сплошь покрыта ими. Жукъ истребилъ не листья, а ихъ враговъ.

„Такъ пусть же, — говоритъ дитя, — Божья коровка будетъ у меня садовникомъ“. И въ самомъ дѣлѣ, число травяныхъ вшей, которыя высасывали сокъ изъ розоваго куста, ежедневно уменьшалось, а вмѣстѣ съ тѣмъ и кустъ видимо поправлялся: сильнѣе росли вѣтки, и зеленый цвѣтъ листьевъ становился все темнѣе и темнѣе.

Когда Божья коровка состарѣлась, то положила кучку желтоватыхъ яичекъ на нижней сторонѣ листа, — всего штукъ

10 или 12. Изъ нихъ вылупились черезъ нѣсколько дней тоненькія, черныя животныя, длиной съ полноготка. Они очень похожи на маленькихъ ящерицъ; только ящерицы голыя, а эти червячки покрыты черными щетинками. Это личинки жучка, его дѣти, изъ которыхъ въ нѣсколько недѣль дѣлаются такія же божьи коровки, съ такими же точно жесткими надкрыльниками, — красными съ черными точками. Черныя личинки продолжаютъ на розовомъ кустѣ работу жучка божьей коровки. Онѣ ползаютъ по вѣтвямъ и листьямъ и поѣдаютъ всѣхъ меньшихъ животныхъ, вредныхъ для цвѣтка. Наконецъ онѣ вырастаютъ и окуклиются, подобно гусеницамъ бабочекъ. Черезъ 14 дней изъ каждой куколки вылѣзаетъ жучекъ. Хотя онъ еще молодъ, но ростомъ не меньше обыкновеннаго: божьи коровки растутъ, пока бываютъ личинками, — а потомъ ужъ не растутъ. Вотъ онѣ расправляютъ свои крылышки и летятъ спасать отъ враговъ другіе цвѣтки.

Ваиеръ.

Пчела и мухи.

Табл. 12.

Двѣ мухи собрались летѣть въ чужіе края
И стали подзывать съ собой туда Пчелу:
Имъ насказали попугай
О дальнихъ сторонахъ большую похвалу.
Притомъ же имъ самимъ казалось обидно,
Что ихъ, на родинѣ своей,
Вездѣ гоняютъ изъ гостей;
И даже до чего (какъ людямъ то не стыдно,
И что они за чудаки!):
Чтобъ поживиться имъ не дать сластями
За пышными столами,
Придумали отъ нихъ стеклянны колпаки;
А въ хижинахъ на нихъ злодѣи науки.
„Путь добрый вамъ,“ Пчела на это отвѣчала!
„А мнѣ
И на моей пріятно сторонѣ.
Отъ всѣхъ за соты я любовь себѣ снискала,
Отъ поселянъ и до вельможъ.
Но вы летите,
Куда хотите,
Вездѣ вамъ будетъ счастье тожъ:
Не будете, друзья, нигдѣ, не бывъ полезны,
Вы ни почтенны, ни любезны,
А рады науки лишь будутъ вамъ
И тамъ.“

Крыловъ.

Улей.

Табл. 12.

Улей все равно, что городъ: кругомъ деревянныя стѣнки улья — городская стѣна, внутри — точно улица за улицей, домикъ у домика — ячейка за ячейкой, всѣ шестигранныя и всѣ изъ чистаго воску. Только внутри ячеекъ не одно и то же:

Живое Слово. 2-ое изд.

въ срединѣ улья, гдѣ потеплѣе, — дѣтская съ колыбельками и дѣтвой, по сторонамъ же до самой крыши — магазины да кладовыя съ собраннымъ медомъ. А ужъ народу-то народу пчелинаго вездѣ столько толчется — и не проберешься! Въ нижнемъ еще недостроенномъ кварталѣ работаютъ пчелы-плотники. Наѣдся до-сыта меду и цвѣтня, пчелы-плотники влѣзутъ подъ потолокъ улья и, схватясь за ножки, висятъ цѣлыми гирляндами головой внизъ. Провисятъ сутки — вспотѣютъ, да не потомъ, а чистымъ, прозрачнымъ воскомъ, который тонкими листочками садится у нихъ на брюшкѣ.

Пропотѣетъ пчела хорошенько — и бѣжитъ скорѣй къ недостроенному соту, отцѣпнись лапкой съ живота восковой листочекъ, сунетъ въ ротъ, пережуетъ въ комочекъ и прилѣпнись куда нужно. За ней прибѣжитъ другая пчела-плотникъ, сдѣлаетъ тоже; прибѣжитъ третья, четвертая, пятая, десятая, сотая — и растеть ячейка за ячейкой, и всѣ на одинъ ладъ, одна какъ другая. Вотъ такъ мастерицы! И безъ архитектора выстроить себѣ домъ на славу. — Тѣмъ временемъ другія пчелы, сборщицы, побывали уже въ полѣ на цвѣтахъ, за провизіей и наполняютъ пустыя ячейки сладкимъ медомъ; а плотники тутъ же ихъ запечатываютъ воскомъ, чтобы дорогіе запасы не скисли. Царица-матка тоже не безъ дѣла: она уже вторую тысячу яицъ клала въ этотъ день. Куда ни оглянешься — работа такъ и кипитъ.

Авенаріусъ.

Пчелка.

Табл. 12.

Только что по проталинкамъ весеннимъ
Показались ранніе цвѣточки,
Какъ изъ царства восковаго,
Изъ душистой келейки медовой,
Вылетаетъ первая пчелка.
Полетѣла по раннимъ цвѣточкамъ
О красной веснѣ развѣдать:
Скоро ль будетъ гостя дорогая,
Скоро-ли дуга зазеленѣютъ,
Распустятся клейкіе листочки,
Зацвѣтетъ черемуха душистая?

Ушинскій.

Въ дорогѣ.

Табл. 13 и 14.

Въ первое же воскресенье послѣ дачи Митя поѣхалъ съ папой и съ мамой къ дядѣ Болѣ. Они сѣли въ вагонъ конно-железной дороги и покатали по широкимъ городскимъ улицамъ съ высокими домами, блестящими магазинами, красивыми фонарями, пестрыми кіосками на углахъ. Скоро они выѣхали за городъ и покатали по гладкому ровному шоссе. Вагонъ быстро и легко скользилъ по рельсамъ, и лошадекъ, запряженной въ него, повидимому, не составляло особеннаго труда везти его. Мимо Мити мелькали самые разнообразныя предметы: тутъ стояла у самаго шоссе прекрасная дача съ высокою башенкою, закан-

чивающемся остроконечнымъ шпилемъ, со множествомъ рѣзныхъ и лѣпныхъ украшеній, съ рѣшеточками, балкончиками, терасами. Прелестный садикъ съ клумбами и изумрудными лужайками, блестящія зеркальныя стекла оконъ, украшенныхъ изнутри занавѣсами, чистенькія дорожки, посыпанныя желтымъ пескомъ, все придавало дачѣ видъ красивой, затѣйливой игрушки. Не успѣлъ Митя насмотрѣться на дачу, какъ уже конка унесла его дальше и онъ засмотрѣлся на точильщика, стоявшаго у самой дороги со своимъ колесомъ. Какъ ловко вертѣлъ онъ это колесо, чуть замѣтно нажимая на подножку и въ то же время поворачивая на точильномъ камнѣ лезвіе ножа.

— Папа, неужели онъ таскаетъ на спинѣ такую тяжелую машину? спросилъ Митя.

— Что дѣлать, дружекъ, ремесло его не легкое и не особенно прибыльное, ему не на что завести себѣ лошадь, отвѣчалъ отецъ.

Дальше Митя засмотрѣлся на красивый водопроводный бассейнъ въ видѣ пирамиды; около бассейна стояли женщины съ ведрами и кувшинами и черпали воду.

Вода была проведена сюда изъ дальняго пруда, который Митя увидѣлъ, спустя полчаса, когда они подѣхали къ хорошенькой мызѣ съ маленькими деревянными домиками. Въ прудѣ плавали лебеди, изогнувъ свои красивыя шеи, и Митя не могъ налюбоваться на ихъ плавныя движенія, на бѣлоснѣжныя перья, на прелестныя крылья, которыми они по временамъ взмахивали.

Мимо конки промчался какой-то господинъ на велосипедѣ — ему ничего не стоило опередить вагонъ, колеса велосипеда катились такъ быстро, что нельзя было различить въ нихъ спиць: ловкій ѣздокъ поворачивалъ свой экипажъ то вправо, то влево и искусно объѣзжалъ попадавшіеся ему на пути коляски и кареты. Кое-гдѣ у шоссе были поставлены статуи на высокихъ пьедесталахъ, и ихъ бѣлыя стройныя фигуры рѣзко выдѣлялись на темной зелени.

У одной изъ дачекъ мальчикъ упражнялся въ ходьбѣ на ходуляхъ.

— Папа, а далеко можно уйти на ходуляхъ? спросилъ Митя.

— Есть такіе искусныя ходоки, что совершаютъ на ходуляхъ цѣлыя путешествія; на ходуляхъ можно дѣлать большіе шаги, но съ непривычки трудно удержаться въ равновѣсїи и не слетѣть.

Вдоль всей дороги тянулись телеграфныя столбы. Отъ одного къ другому были протянуты проволоки; на каждомъ столбѣ проволоки проходили черезъ фарфоровыя стаканчики — изоляторы.

Почти у самаго дядинаго имѣнія конка проѣхала мимо церкви со множествомъ куполовъ. Золотыя кресты ярко горѣли на солнцѣ, а надъ входомъ красовались три образа. Митины папа и мама набожно перекрестились, и Митя послѣдовалъ ихъ примѣру.

— Это новый храмъ, замѣтилъ папа, мы приѣдемъ сюда завтра, такъ какъ тутъ храмовой праздникъ.

Наконецъ показался вдали и дядинъ домъ. Митя очень обрадовался: почти два часа ѣзды въ конкѣ, остановки, быстро смѣняющіеся предметы, все это такъ утомило мальчика, что онъ даже немного поспѣнулъ. Дядя Коля встрѣтилъ ихъ въ экипажѣ, и черезъ пять минутъ они уже сидѣли за вкуснымъ завтра-

комъ. Увидѣвъ вкусное, свѣжее масло, домашній хлѣбъ и румяныя яблоки, Митя совсѣмъ забылъ свою усталость и весело принялся за парное молоко съ буттербродами. * *

Шоссе и проселокъ.

Табл. 13 и 14.

Прямая дорога, большая дорога,
Простору не мало взяла ты у Бога.
Ты вдалъ протянулась, пряма какъ стрѣла,
Широкою гладью, что скатерть, легла;
Ты камнемъ убита, жестка для копыта,
Ты мѣрена мѣрой, трудами добыта!
Въ тебѣ, что ни шагъ — то мужикъ работалъ,
Прорѣзывалъ горы, мосты настилалъ.
А съ каменной рядомъ, поодаль немножко,
Окольная вьется живая дорожка.
Дорожка, дорожка, куда ты ведешь?
Безъ званья ли ты, иль со званьемъ слынешь?
Идешь, колесишь ты, не зная разбору,
По рвамъ, по долинамъ, чрезъ рѣчку и гору.
Тебя не ровняли топоръ и лопата;
Мягка ты копыту и пылью богата.

Аксаковъ.

Почтовая и проселочная дорога.

Табл. 13 и 14.

Экипажъ тихо катился по мягкой, простой почтовой дорогѣ, и почтовый колокольчикъ звонко побрякивалъ въ чистомъ утреннемъ воздухѣ. По обѣимъ сторонамъ дороги, по волнистымъ холмамъ, подымались полосы разноцвѣтныхъ нивъ, то покрытыхъ зеленѣющими хлѣбами, то черныхъ, отдыхающихъ подъ паромъ. На горизонтѣ, гдѣ небо сходитъ съ землею, тянулась синяя, зубчатая полоса далекаго лѣса. Въ сторонѣ между двумя длинными холмами, видѣлись соломенныя крыши большого села, разбросаннаго на скатѣ. Позолоченный крестъ сельской церкви ярко горѣлъ на солнцѣ. Съ другой стороны дороги можно было замѣтить вдали небольшую деревню, въ которой не было церкви.

На четвертый день пути путники должны были перемѣнить почтовыхъ лошадей на долгихъ и свернуть съ большой, почтовой дороги на проселочную.

На проселочной дорогѣ картина нѣсколько измѣнилась, да и ѣхать было гораздо безпокойнѣе. Колеса широкаго тарантаса не попадали въ глубокія колеи, прорѣзанныя узкими крестьянскими телѣгами. Тарантасъ ѣхалъ какъ-то бокомъ и тряска увеличилась. Но дѣти не обращали на нее большого вниманія: такъ занимало ихъ все, что они видѣли. По обѣимъ сторонамъ дороги стояла высокая, густая рожь.

На дорогѣ почти никто не попался. Изрѣдка только проѣдетъ мужикъ съ тяжелой сохой, пройдетъ косарь съ блестящей косой или вдали покажется пастухъ и пестрое стадо. — Здѣсь деревни были ужъ настоящія деревни: глухія, безмолвныя, окруженныя полями, лугами и лѣсами.

Ушинскій.

Храмъ.

Табл. 14.

Въ Холмахъ, селѣ большомъ,
Есть церковь новая,
Воздвигла Божій домъ
Сума торговая;
И службы Божія
Богато справлены,
Иконъ подножія
Свѣчьми уставлены.
И старъ, и младъ войдетъ;
Сперва помолится,
Поклонъ земной кладетъ,
Кругомъ поклонится...
И стройно клирное
Несется пѣніе,
И дьяконъ мирное
Творить глашеніе:
О благодарственномъ
Трудѣ молящихся,
О градѣ царственномъ,
О всѣхъ трудящихся.

Аксаковъ.

Субботній вечеръ.

Табл. 14.

Колоколь къ вечернѣ	А въ селеніи церковъ
Христіанъ зоветъ.	Вся полна людей
Завтра воскресенье,	И блеститъ огнями
Отдыхъ отъ работъ.	Тысячи свѣчей.
И услыша въ полѣ	Свѣчи трудовыя
Колокола зовъ,	Ярче звѣздъ горять,
Селянинъ къ селеню	И молитву люди
Ужь погналъ воловъ.	Въ простотѣ творять.

Аксаковъ.

По желѣзной дорогѣ.

Табл. 15 и 16.

Тихо показалось челоуѣку ѣздить на долгихъ и на почтовыхъ, по простой дорогѣ и по шоссе; сталъ онъ думашку думать и выдумалъ желѣзную дорогу.

Прокопалъ онъ горы, сравнялъ долины, проложилъ мосты и сдѣлалъ прямую, какъ стрѣла, дорожку, словно *полотно* разостлалъ. На этомъ полотнѣ положилъ чугуныя колеи-рельсы, а на рельсы поставилъ желѣзную машину съ трубою, котломъ и печкою, точно самоваръ.

Въ печку дрова или уголь кладетъ, въ котлѣ воду кипятитъ, а на парахъ катитъ безъ лошадей, да такъ, что ни на какой лошади его не догонишь, — вереть по пятидесяти въ часъ, по тысячѣ въ сутки. Катитъ желѣзная машина по чугункѣ, пытитъ, свиститъ, устали не знаетъ, только дрова и воду по станціямъ забираетъ. Тащитъ она цѣлый рядъ вагоновъ; въ однихъ вагонахъ сотни людей сидятъ, въ окошечки смотрятъ; а въ другихъ, что товару наложено — страсть!

Ушинскій.

Сторожевой домикъ.

Табл. 15.

Кто ѣздилъ по желѣзнымъ дорогамъ, тотъ, разумѣется, замѣтилъ, что по обѣимъ сторонамъ дороги выстроены маленькіе красивые домики. Домики эти стоятъ отдѣльно одинъ отъ другаго: проѣдешь двѣ или три версты, смотришь, мимо оконъ вагона промелькнулъ такой домикъ, проѣдешь еще, опять такой же домикъ, опять, и такъ по всей дорогѣ, отъ одной станціи до другой. Домики эти стоятъ около самой дороги, поперегъ которой уложены крѣпкіе деревянные брусья, называемые шпалами, а по брусьямъ этимъ проложены во всю длину дороги узкія желѣзныя полосы, или, какъ ихъ называютъ, рельсы, по которымъ бѣгутъ колеса вагона. Бѣжитъ одинъ вагонъ, къ нему прицѣпленъ другой, третій, — бѣжитъ вагоновъ двадцать и больше, — бѣжитъ цѣлый поѣздъ. А впереди этого поѣзда, выпуская изъ трубы то дымъ, то паръ, бѣжитъ локомотивъ, то есть такая машина на колесахъ, которая тащитъ за собою весь поѣздъ... Бѣжитъ локомотивъ и свиститъ, громко свиститъ — на нѣсколько веретъ его слышно.

Засвистѣла машина, и люди — прохожіе и проѣзжіе, — услыша издали этотъ свистъ, слѣшаютъ уйти съ дороги. А чуть заѣваешься — налетитъ на тебя поѣздъ, мигомъ раздавитъ, исковеркаетъ всего, — косточекъ не соберешь. Вѣдь поѣздъ тяжелый, почти весь желѣзный, колеса у него острия, — такъ и разрѣжутъ на части...

Мчится поѣздъ по рельсамъ легко, какъ по полу, только гулъ идетъ отъ чугуныихъ колесъ. Не дай Богъ, если попадетъ подъ колеса большой камень или бревно! соскочитъ тогда съ рельса колесо, соскочитъ за нимъ другое, третье, — соскочитъ весь поѣздъ и разобьется въ дребезги. Бѣдные люди, которые ѣхали на немъ, кого убьетъ на смерть, кому переломаетъ руки и ноги, — уродомъ на всю жизнь сдѣлаетъ.

Вотъ, чтобы не случалось такихъ ужасныхъ несчастій и чтобы люди не боялись ѣздить по желѣзнымъ дорогамъ, для этого то и построены на нихъ сторожевые домики, а въ домикахъ живутъ сторожа, которые постоянно смотрятъ, чтобы рельсы были чисты, чтобы на нихъ ничего не попало. Передъ самымъ проходомъ поѣзда каждый сторожъ осматриваетъ весь путь отъ своего домика до сосѣдняго. Если все въ порядкѣ, онъ покоенъ, онъ смѣло становится у своего домика — днемъ съ зеленымъ флагомъ въ рукахъ, а ночью съ зеленымъ фонаремъ — и ожидаетъ поѣзда. Далеко видны эти флаги и фонари. Видитъ ихъ издали и тотъ, кто управляетъ поѣздомъ, то есть машинистъ; видитъ онъ эти флаги и фонари, или какъ ихъ называютъ сигналы, — и смѣло пускаетъ машину на всѣхъ парахъ... Шумитъ, свиститъ, летитъ она, только гулъ по сторонамъ разносится, да черный дымъ изъ трубы въ воздухъ стелется...

Если сторожъ замѣтитъ, что гдѣ нибудь сломался рельсъ, сгнила старая шпала, или размыло дорогу дождемъ, онъ тотчасъ же становится подлѣ этого мѣста съ краснымъ флагомъ, а ночью съ краснымъ фонаремъ, чтобы издали дать знать машинисту, что путь испорченъ. Видитъ машинистъ эти красные сигналы, указывающіе на опасности, и еще издали убавляетъ въ машинѣ ходу и останавливаетъ поѣздъ, чтобы не попасть въ

бѣду, чтобы не перебить людей, которыхъ онъ везетъ и которые довѣрили ему свою жизнь.

Не дай Богъ, если машинистъ или сторожъ зазѣваются и забудутъ свое дѣло: погибнуть тогда и поѣздъ, и люди. Нужно, значитъ, смотрѣть имъ во все глаза и днемъ, и ночью, нужно каждую минуту помнить, какое страшное несчастье можетъ случиться.

Трудно быть машинистомъ, трудно быть и сторожемъ.

Н. Вучетичъ.

Чугунка.

Табл. 15.

Полотно, а не дорожка,
Конь не конь, сороконожка
По дорожкѣ той ползѣтъ,
Весь обозъ одна везѣтъ.
Мчитъ стрѣлой, не то что тянетъ,
Не запиѣтся, не устанетъ;
Только съ присвистомъ пыхтитъ,
Въ часъ полесотни укатитъ.

Вельтманъ.

Паръ.

Табл. 15.

Какъ по шучьему велѣнью,
Паръ приводитъ все въ движенье:
Паръ молотитъ, паръ и ткеть,
Шерсть, бумагу, ленъ прядетъ,
И узоры вышиваетъ,
И монету выбиваетъ,
Лѣсъ пилитъ, гранитъ хрусталь,
Масло бьетъ, шлифуетъ сталь.

Вельтманъ.

Желѣзная дорога.

Табл. 15 и 16.

Хитро устроилъ человекъ желѣзную дорогу! Пыхтитъ впереди паровикъ локомотива съ клапанами, отдушинами, котлами, свистками и съ высокою массивною трубою. Много топлива пожираетъ эта чугунная лошадка, не даромъ на каждой станціи стоятъ высокія громадныя полѣнницы дровъ. За локомотивомъ тянется рядъ вагоновъ, товарныхъ съ большими дверцами и маленькими окошечками, почтовыхъ съ прибитымъ къ нимъ почтовымъ ящикомъ и пассажирскихъ, биткомъ набитыхъ народомъ. Всякій, кому надо далеко ѣхать, поспѣшитъ взять билетъ и воспользоваться самою быстрою лошадкою чугункою. Катитъ поѣздъ по рельсамъ, а по обѣ стороны пути мелькаютъ телеграфныя столбы со своими проволоками; не успѣлъ онъ еще выѣхать со станціи, а уже на слѣдующую даютъ депешу, чтобы все были на сторожѣ, чтобы закрывали во время шлагбаумы, чтобы ставили предостерегательныя стрѣлки на перемѣнныхъ путяхъ, чтобы вывѣшивали сигнальные знаки и чтобы все сторожа и желѣзнодорожныя служащіе были на своихъ мѣстахъ. Катитъ поѣздъ прямо къ горѣ, кажется, вотъ, вотъ, налетитъ на гору, — но не тутъ то было: въ горѣ прорытъ туннель, поѣздъ быстро скрывается въ немъ, стемнѣло въ

вагонахъ, одна, двѣ минуты — и вылетѣли на свѣтъ Божій, какъ ни въ чемъ не бывало. А дальше виситъ легкій желѣзный мостъ надъ пропастью, внизу разстилается долина, поѣздъ же катитъ себѣ по мосту, даже внизъ заглянуть страшно. Но желѣзные кованые прутья крѣпки и упруги — они сдержатъ и не такую тяжесть. Подкатилъ поѣздъ къ станціи — зазвенѣли звонки, дали свистокъ, мало по малу замедлил и остановилъ машинистъ ходъ, и поѣздъ сталъ, какъ вкопанный, только локомотивъ поныхиваетъ, точно сердится... * *

Какъ человекъ ѣздитъ по водѣ.

Табл. 17.

Плавать человекъ не очень гораздъ: какъ ни учится, а плаваетъ все хуже рака, не то, что рыбы. „Это дѣло не ладно!“ подумалъ человекъ: выдолбилъ изъ дерева лодку, вырѣзалъ весельце — и поѣхалъ.

Надоѣло человеку весломъ махать: машешь, машешь, пристанешь, — а все не далеко уѣхалъ. Какъ тутъ быть? И подумалъ человекъ: зачѣмъ это вѣтеръ даромъ по свѣту гуляетъ, по дорогѣ пыль подымаетъ, по морю волны, по небу облака гоняетъ? Дай-ка, я заставлю его себя возить! Взялъ человекъ полотно, напаялъ на мачту, сдѣлалъ парусъ — и потащилъ вѣтеръ маленькую лодку и огромный корабль.

Запретъ то человекъ вѣтеръ, запретъ; да нѣту кнута, чтобъ вѣтеръ погонять: нѣту узды, чтобъ сдержатъ; нѣтъ возжей, чтобъ управлять.

Ушинскій.

Корабль.

Табл. 17.

Вѣтеръ по морю гуляетъ
И корабликъ подгоняетъ.
Онъ бѣжитъ себѣ въ волнахъ,
На раздутыхъ парусахъ.

Пушкинъ.

Царица въ бочкѣ.

Табл. 17.

Въ синемъ небѣ звѣзды блещутъ,
Въ синемъ морѣ волны хлещутъ.
Тучка по небу идетъ,
Бочка по морю плыветъ.

Словно горькая вдовица,
Плачетъ, бьется въ ней царица,
И растетъ ребенокъ тамъ
Не по днямъ, а по часамъ.
День прошелъ, царица вопить,

А дитя волну торопить:

Ты волна моя, Волна!

Ты гүльлива и вольна.

Плещешь ты, куда захочешь,

Ты морскіе камни точишь,

Топишь берегъ ты земли,

Подымаешь корабли.

Не губи ты нашу душу,
Выплесни ты насъ на сушу!
И послушалась волна:
Тутъ же на берегъ она
Бочку вынесла легонько
И отхлынула тихонько.

Пушкинъ.

Р ѣ к а.

Табл. 17.

Ключъ бьетъ изъ разсѣлины берега. Около родника зеленѣетъ короткая, бархатная травка. Въ двадцати шагахъ отъ него ручей съ веселымъ и болтливымъ шумомъ впадаетъ въ рѣку. У рѣки одинъ берегъ горный, другой луговой. Она вьется и ползетъ змѣей, ни на полверсты не течетъ прямо. Зато въ иномъ мѣстѣ, съ высоты крутаго холма, она видна вереть на десять со своими плотинами, прудами, мельницами, огородами, окруженными ракишникомъ.

Р ы б к а.

Табл. 17.

Тепло на солнышкѣ. Весна
Беретъ свои права.
Въ рѣкѣ мѣстами глубь ясна;
На днѣ видна трава,
Чиста холодная струя.
Слѣжу за поплавкомъ...
Шалуныя рыбка, вижу я,
Играетъ съ червякомъ.
Голубоватая спина,
Сама — какъ серебро,
Глаза — бурмитскихъ два зерна *),
Багряное перо...
Идетъ, не дрогнетъ подь водой...
Пора! червякъ во рту, —
Увы! блестящей полосой
Юркнула въ темноту.
Но вотъ опять лукавый глазъ
Сверкнулъ невдалекѣ.
Постой, авось на этотъ разъ
Повиснешь на крючкѣ!

Р ы б к а.

Табл. 17.

Жарко... а въ рѣчкѣ, въ прибрежной тѣни, рѣзвыя рыбки стадами гуляютъ; въ свѣжихъ струяхъ такъ свободно онѣ ищутъ добычи, иль вольно играютъ. Вонъ, посмотрите, какъ рыбка одна бойко рѣзвится у самаго дна.

Рыбочка-рыбка, пожалуй, рѣзвись, только стального крючка берегись: съ удочкой мальчикъ подь ивой сидитъ и за лесомъ прилежно слѣдитъ.

*) Бурмитское зерно — крупная жемчужина.

Рыбкѣ не виденъ коварный крючекъ: лакомый вьется на немъ червячекъ... Быстро схватила насадку она, съ нею нырнула до самаго дна. Мальчикъ проворно бѣдняжку подсѣкъ, дѣрнуть... Ну, рыбка, твой кончился вѣкъ!

Утро на берегу озера.

Табл. 17.

Ясно утро. Тихо вѣетъ
Теплый вѣтерокъ;
Лугъ, какъ бархатъ, зеленѣетъ.
Въ заревѣ востокъ.
Окаймленное кустами
Молодыхъ ракишъ,
Разноцвѣтными огнями
Озеро блеститъ.
Тишинѣ и солнцу радо,
По равнинѣ водъ
Лебедей ручное стадо
Медленно плыветъ.
Вотъ одинъ взмахнулъ лѣниво
Крыльями — и вдругъ
Влага брызнула игриво
Жемчугомъ вокругъ.
Привязавъ къ ракишамъ лодку,
Мужики, вдвоемъ,
Близъ осоки, втихомолку
Тянуть сѣть съ трудомъ.
По травѣ въ рубашкахъ бѣлыхъ
Скачутъ босикомъ
Два мальчишка загорѣлыхъ
На прутахъ верхомъ.
Крупный потъ съ нихъ градомъ льется,
И лицо горитъ;
Звучно смѣхъ ихъ раздается,
Голосокъ звенить:
„Ну, катай на перегонки!“
А на шалуновъ,
Съ тайной завистью, дѣвчонка
Смотритъ изъ кустовъ.
„Тянуть, тянуть!“ закричали
Ребятишки вдругъ:
„Вдоволь, чай, теперь поймали
И линей и щукъ“.
Вотъ на берегѣ отлогомъ
Показалась сѣть.
— „Ну, вытряхивай-ка съ Богомъ,
Нечего глядѣть“!..
Такъ сказалъ старикъ высокій,
Весъ какъ лунъ сѣдой,
Съ грудью выпукло-широкой,
Съ длинной бородой.
Сѣть намокшую подняли
Дружно рыбаки,

На песокъ затрепетали
 Окуни, линьки.
 Дѣти весело шумѣли:
 „Будетъ на денекъ!“
 И на корточки присѣли
 Рыбу класть въ мѣшокъ.
 „Ты, подкидывъ, къ намъ откуда?
 Не зови — придетъ...
 Убирайся-ка отсюда!
 Не пойдешь, — такъ вотъ!“
 И подкидыва мальчишка
 Оттолкнулъ рукой.
 — „Ну, за что ее ты, Мишка?“
 Упрекнулъ другой.
 — „Экой малый уродился,
 Говорилъ старикъ:
 Все бы дрался, да бранился,
 Экой озорникъ!
 Ты бы внука-то маленько
 За вихоръ подралъ:
 Онъ взялъ волю-то раненько!“
 Свату свать сказалъ.
 „Эхъ!.. дѣвчонка надоѣла...
 Самъ я, знаешь, голь,
 Тутъ подкидыва безъ дѣла
 Одѣвать изволь!“
 — „Потерпи: чай, не забудетъ
 За добро Господь!
 Вѣдь она работать будетъ,
 Богъ дастъ, подростетъ“.
 „Такъ-то такъ... вѣстимо, надо
 Къ дѣлу приучить;
 Да теперь беретъ досада
 Безъ толку кормить.
 И дѣвчонка-то больная:
 Сохнетъ, какъ трава,
 Да все плачетъ... дрянъ такая!
 А на грѣхъ жива“.
 Мужички потолковали
 И въ село пошли;
 Вслѣдъ мальчишки побѣжали,
 Рыбу понесли.
 А дѣвчонка провожала
 Грустнымъ взглядомъ ихъ,
 И слеза у ней дрожала
 Въ глазкахъ голубыхъ.

М о р е.

Табл. 17.

Кто въ первый разъ увидитъ передъ собою безбрежное море, тотъ, безъ сомнѣнія, будетъ пораженъ этимъ величественнѣйшимъ явленіемъ земнаго шара. Хорошо оно, когда, отражая въ себѣ небо, солнце и облака, тянется къ горизонту гладкою,

блестящею, какъ зеркало, поверхностью, оно кажется тогда безпредѣльнымъ и сходится вдали съ небомъ, такъ-что глазъ не различаетъ, гдѣ оканчивается вода и начинается небо. Хорошо и тогда море, когда вѣтеръ колышетъ его поверхность: хорошо, хотя и страшно немного. Высокія волны съ пѣнистыми гребнями бѣгутъ одна за другою безконечными рядами, набѣгаютъ съ шумомъ на скалистый берегъ, какъ будто хотятъ вскочить на него, но, отпрянувъ назадъ отъ твердаго камня, съ жалобнымъ стономъ и плескомъ рушатся снова въ море, уступая свое мѣсто другимъ. Весело смотрѣть, когда разгравается, расходится море; весело слушать его грозный говоръ; но только весело тогда, когда стоишь на высокой твердой скалѣ и знаешь, что бушуй оно, сколько хочешь, до тебя не дохватитъ. Но должно очень свыкнуться съ моремъ, чтобы наслаждаться этою неумолкающею игрою волнъ, стоя на палубѣ корабля, когда его кидаетъ то вверхъ, то внизъ, словно легкую щепку.

М о р е.

Табл. 17.

Струится и блещетъ, свѣтло какъ хрусталь,
 Лазурное море, огнистая даль
 Сверкаетъ багрянцемъ, и вѣтеръ шумитъ
 Попутный: легко твой карабль побѣжитъ.
 Но, кормчій, пускайся весело въ путь,
 Смотри ты: надежна-ли мѣдная грудь,
 Крѣпки-ль паруса корабля твоего,
 Здоровы-ль дубовыя ребра его?
 Вѣдь море лукаво у насъ: неравно
 Смутится и вдругъ обуяетъ оно,
 И страшною силой съ далекаго дна
 Угрюмая встанетъ его глубина,
 Расходится — будетъ кипѣть, бушевать
 Сердито, свирѣпо — и дастъ себя знать.

М о р е.

Табл. 17.

Громъ и шумъ. Корабль качаетъ; море темное кипитъ; вѣтеръ парусъ обрываетъ и въ снастяхъ свиститъ. Помрачился сводъ небесный, и, ввѣряясь кораблю, я дремлю въ каютѣ тѣсной... закачало — сплю.

Вижу я во снѣ: качаетъ няня колыбель мою, и тихонько запѣваетъ: „баюшки баю!“ Свѣтъ лампы на подушкахъ; на гардинахъ свѣтъ луны... о какихъ-то все игрушкахъ золотые сны.

Просыпаюсь... Что случилось? Что такое? Новый шквалъ? „Плохо — стеньга обломилась, рулевой упалъ.“ Что же сдѣлать? что могу я? И, ввѣряясь кораблю, вновь я легъ и вновь дремлю я... закачало — сплю.

Вечеръ на берегу моря.

Табл. 17.

Зари догорающей пламя
 Разсыпало по небу искры;
 Сквозить лучезарное море.
 Затихъ по дорогѣ прибрежной
 Бубенчиковъ говоръ нестройный;
 Погонщиковъ звонкая пѣсня
 Въ дремучемъ лѣсу затерлась.
 Въ прозрачномъ туманѣ мелькнула
 И скрылась крикливая чайка;
 Качается бѣлая пѣна
 У сѣраго камня, какъ въ люлькѣ
 Заснувшій ребенокъ. Какъ перлы,
 Росы освѣжительной капли
 Повисли на листьяхъ каштана, —
 И въ каждой росинкѣ трепещеть
 Зари догорающей пламя.

Ночь на морѣ.

Табл. 17.

Темнѣетъ неба сводъ лазурный, на сонный міръ спустилась
 ночь, совсѣмъ стихаетъ вѣтеръ бурный, и тучи быстро мчатся
 прочь. На необъятномъ морѣ дикомъ, густея, встаетъ туманъ
 сѣдой; не умолкая, съ громкимъ крикомъ кружатся чайки надъ
 водой... Чей это голосъ раздается средь шума пѣнящихся волнъ?
 Рыбакъ подъ парусомъ несется, направивъ къ берегу свой челнъ.
 Но очеркъ берега неясный въ дали туманной потонулъ; чтобъ
 сократить свой путь опасный, рыбакъ нашъ пѣсню затянулъ.
 Онъ пѣлъ: „Мое родное море! тебя люблю всѣмъ сердцемъ я,
 въ твоемъ чарующемъ просторѣ отрадно дышитъ грудь моя. Я
 не желаю лучшей доли: здѣсь на свободѣ я живу, меня не
 давить гнетъ неволи, куда хочу, туда плыву“.

По водѣ на колесахъ.

Табл. 17.

Хорошо было бы на парусахъ ѣздить, если бы вѣтеръ насъ
 слушался; да въ томъ то и бѣда, что хочешь ты ѣхать на югъ,
 а онъ тебѣ дуетъ на сѣверъ; хочешь ты ѣхать сегодня, а онъ
 говоритъ тебѣ: „погоди до завтра! сегодня я спать хочу“;
 хочешь ѣхать потихоньку, а онъ корабль твой, какъ щепку,
 кидаетъ, къ верху дномъ переворачиваетъ.

„Нѣтъ, это не ладно!“ сказалъ человекъ: „парь хоть тише
 вѣтра возить, за то послушнѣе. Придѣлалъ человекъ къ
 кораблю колеса, заставилъ парь тѣ колеса вертѣть, и поѣхалъ
 по морю, словно по суху — на колесахъ. Топить себѣ на кораблѣ
 печку, воду въ котлѣ кипятить, дымъ въ трубу выпускаетъ, а
 на паряхъ ѣдетъ и противъ теченія, и противъ вѣтра, — куда
 хочеть.“

Путешествіе водяной капли.

Табл. 17.

Красное солнышко стало звать водяную каплю, дочь глубо-
 каго моря, погулять съ нимъ въ воздушной синевѣ. Хотѣлось
 бы капелькѣ изъ глубины своей выглянуть на Божій свѣтъ, да
 море родимое не пускаетъ. Вотъ и послало къ ней солнышко —
 одинъ изъ свѣтлыхъ лучей своихъ: онъ взялъ её, сдѣлалъ не-
 видимкой и понесъ все выше и выше, къ самому солнышку.

Гуляетъ солнышко по высокому поднебесью, далеко, далеко,
 надъ горами, надъ морями..... Вдругъ капелька утомилась, не
 можетъ идти дальше, силъ не хватаетъ. И не одна она — много
 гуленушекъ, сестрицъ ея убѣждало изъ родной пучины морской.
 Всѣ онѣ сидятъ въ сѣромъ облачкѣ и плачутъ о томъ, что не
 могутъ идти далѣе за краснымъ солнышкомъ.

Видя это, солнышко жалилось надъ ними, послало имъ
 свѣжій вѣтерокъ: погналъ онъ заблудшихъ малютокъ, какъ
 стадо, домой. Какъ сошлись онѣ вмѣстѣ, такъ и узнали другъ
 дружку, потому — что перестали быть невидимками, сдѣлались
 опять явными капельками. Обнялись онѣ дружно и упали на
 землю; а люди говорятъ: „дождь идетъ“.

Наша капелька упала на высокую гору, а съ нею и много
 сестрицъ подружекъ; гора эта была далеко, далеко отъ моря, —
 имъ нужно торопиться, чтобы поспѣть домой. Весело запрыгали
 онѣ по скаламъ, по камешкамъ, по кочкамъ и, понавъ въ ручеекъ,
 быстро покатали впередъ. Но тутъ не миновать имъ мельнич-
 ныхъ колесъ; трудно перебраться; поворчали наши капельки,
 понатужились и наконецъ всплыли.

Скользятъ онѣ теперь съ легкостью по гладкой поверхности
 широкой рѣки и думаютъ: вотъ-вотъ мы и дома! „Но не тутъ
 было: понеслись по нимъ челноки и лодки, давятъ ихъ тяжелыя
 барки, разсѣкаютъ волны ихъ шумящіе пароходы. И долго еще
 пришлось помяться бѣдняжкамъ, пока имъ удалось добраться
 до дому и отдохнуть въ объятіяхъ родимаго моря.“

Облака.

Табл. 17.

Серебристою грядою быстро мчатся облака, подъ лазурной
 пеленою имъ дорога широка. Вдаль стрѣлой они летятъ, бле-
 скомъ землю озаряютъ и по небу разстилаютъ свой серебряный
 нарядъ.... Минетъ утра часъ летучій, полдень небо раскалитъ
 и серебряно-зыбучій облаковъ волшебный видъ въ громовыя
 сдвинетъ тучи, жгучей молней окаймитъ. И сольется на лазури
 серебро ихъ въ ризу бури, и спадетъ въ грозѣ своей мутной
 влагою дождей.

Двѣ тучки.

Табл. 31.

Летѣли двѣ тучки по ясной лазури, одну догоняла другая;
 одна была яркаго, бѣлаго цвѣта, другая была громовая. И гроз-
 ная долго за свѣтлой летѣла, какъ будто томила желаньемъ —
 хотя мимолетомъ, хотя на мгновенье ея озариться сіяньемъ. На-
 прасно. Все дальше крылатая тучка неслась, подымаясь выше;

а та все темнѣла и — вдругъ разразилась грозой подъ лазурною крышей и, словно слезами, дождемъ разлилася, какъ будто, печалась, жалѣла, что та, за которой гналася, отъ ней далеко улетѣла.

Солнце и тучи.

Табл. 17.

Вотъ солнышко взошло, пригрѣло насъ лучами
И мѣръ повеселѣлъ, расцвѣлъ, какъ маковъ цвѣтъ;
Лишь тучка вдалекѣ, за синими горами,
Ворчитъ себѣ подъ носъ и хмурится на свѣтъ:
„Охъ это солнце мнѣ! ужъ вотъ какъ надоѣло!
Чего всѣхъ радуешь оно?
Надуюсь, нѣтъ-ли — все равно
Блестить. Постой, дружокъ, возмусь-ка я за дѣло:
Пора закрыть тебя давно“.
Гляжу я — тучами полнеба обложило,
Все словно въ трауръ облеклось;
Но солнце выше поднялось
И тучи тѣ позолотило.

Передъ грозой.

Табл. 17.

Клубятся въ полдень черныя тучи
По раскаленнымъ небесамъ;
И вихрь несетъ песокъ горючій
Съ дороги пыльной по холмамъ;
Въ томленьи душномъ жнецъ лѣнивый
Лежитъ въ тѣни, оставя нивы;
Пастухъ за стадомъ въ лѣсъ бѣжитъ;
Боръ темный шепчетъ и дрожить;
Сожженнй листь о стебель бьется;
Все притаилось, все молчитъ:
И вдругъ огонь по тучамъ вьется,
Грохочетъ громъ съ нимъ дождь и градъ
Въ поляхъ встревоженныхъ шумять.

Туча.

Табл. 17.

Надъ изнуренною отъ зноя стороною
Большая туча пронеслась;
Ни кашлю ея не освѣживъ одною,
Она большимъ дождемъ надъ моремъ пролилась,
И щедростью своей хвалилась предъ горою.
„Что сдѣлала добра
Ты щедростью такою?“
Сказала ей гора:

„И какъ смотрѣть на то не больно!

Когда бы на поля свой дождь ты пролила;

Ты бь область цѣлую отъ голода спасла:

А въ морѣ безъ тебя, мой другъ воды довольно“.

Солнце-невидимый работникъ.

Табл. 17.

По мнѣнію ученыхъ, нѣкогда было на землѣ до того жарко, что различныя вещества, составляющія теперь твердую сушу (камни, металлы), были всѣ въ расплавленномъ состояніи. Понятно, что при этомъ и вода не могла находиться въ жидкомъ видѣ, такъ какъ она закипаетъ и превращается въ паръ при сравнительно незначительномъ нагрѣваніи (при 80° нашего термометра). Водяной паръ носился надъ землею, а на самой землѣ тогда еще не было воды.

Понятно, что въ это время не могли также существовать и растенія, и животныя: слишкомъ ужъ силенъ былъ жаръ, не было твердой почвы и необходимой всякому существу воды. Но вотъ стала земля постепенно охлаждаться; а вмѣстѣ съ нею стали охлаждаться и водяные пары, плававшіе въ атмосферѣ. Горячій водяной паръ вполне прозраченъ, и потому невидимъ; мы, на примѣръ, вмѣстѣ съ выдыхаемымъ воздухомъ выдыхаемъ также и водяные пары, но эти водяные пары совершенно незамѣтны; такъ бываетъ, когда мы дышемъ, на примѣръ, въ теплой комнатѣ. Но въ морозный день или въ холодной комнатѣ дыханіе дѣлается замѣтнымъ, потому что теплыя водяные пары отъ соприкосновенія съ холоднымъ воздухомъ охлаждаются и обращаются въ такъ называемыя туманныя пузырьки. Въ этомъ послѣднемъ состояніи вода напоминаетъ по своему строенію мыльный пузырь, т. е. состоитъ изъ тончайшей жидкой (охладившейся) оболочки, внутри которой заключается газообразное или парообразное вещество. Тоже самое явленіе можно наблюдать на самоварѣ, когда изъ подъ крышки съ силою пробивается паръ. Около самой крышки мы совсѣмъ не видимъ пара, а между тѣмъ на нѣкоторомъ разстояніи отъ нея онъ образуетъ какъ бы туманъ или небольшое облако. При дальнѣйшемъ охлажденіи туманныя пузырьки превращаются въ капли (вставьте холодный предметъ, напр., блюдечко, въ самоварный паръ — и оно покроется каплями, какъ росой); а еще болѣе сильное охлажденіе можетъ воду даже и заморозить. (Такъ, напр., зимою отъ выдыхаемаго пара образуется снѣжный иней на усахъ, бородѣ, воротникѣ). Но вернемся опять къ земному шару. Водяные пары, охладившись до степени туманныхъ пузырьковъ, не сразу упали въ видѣ дождя на землю, а сначала образовали около нашей земли громадный туманный слой, чрезъ который едва ли могъ пробиваться даже и солнечный лучъ; въ это время, вѣроятно, солнце еще не согрѣвало и не освѣщало земли. Дальнѣйшее охлажденіе туманныхъ пузырьковъ превратило ихъ въ цѣлыя миллиарды миллиардовъ водяныхъ капель; пошли проливные дожди, о которыхъ, не только мы, но и жители тропическихъ странъ, гдѣ выпадаетъ дождь гораздо болѣе, не имѣютъ ни малѣйшаго понятія. Унавшій дождь оросилъ вновь образовавшуюся земную кору и, стекая съ мѣстъ болѣе высокихъ въ болѣе низкія раз-

мываль эту кору, растворяль тѣ вещества, которыя въ водѣ распускаются, и уносиль эту воду въ различныя углубленія, образовавшіяся на земной корѣ. Такимъ образомъ произошли моря и океаны съ ихъ соленой водой. Такая же соленая вода была первоначально и въ рѣкахъ, но мало по-малу ложе рѣки промылось водою, и вся соль собралась въ морской водѣ, куда стекають все рѣки. Очистившись отъ туманныхъ пузырьковъ, атмосфера наша сдѣлалась прозрачною для солнечныхъ лучей, которые стали и освѣщать, и грѣть нашу юную землю. Съ этого времени и начинается работа солнца для земли, и продолжается эта работа и по настоящее время.

Солнечные лучи, нагрѣвая воду, заставляютъ ее испаряться; большая часть воды испаряется невидимо и днемъ, и ночью; но эта же испаряющаяся вода образуетъ также росу, туманъ, облака и тучи.

Охлаждаясь въ верхнихъ слояхъ атмосферы, эта вода снова падаетъ на землю въ видѣ дождя, снѣга, града; пригрѣтая солнцемъ, она снова испаряется, охладившись, снова падаетъ, и т. д., и т. д.

Такимъ образомъ поддерживается солнцемъ круговоротъ воды, а вмѣстѣ съ тѣмъ и равновѣсїе въ природѣ: рѣки не высыкають, хотя постоянно выливають свою воду въ море, а моря не выступаютъ изъ береговъ, хотя постоянно принимаютъ въ себя рѣчную воду.

Какъ летаютъ по воздуху?

Табл. 17.

Стало свободно человѣку и по землѣ, и по водѣ ѣздить; но позавидоваль онъ птицамъ небеснымъ. Крыльевъ Богъ человѣку не далъ — взять ихъ негдѣ; а недурно бы по воздуху летать: не нужно тамъ ни шоссе дѣлать, ни полотна настилать — всюду дорога широкая. Сталь человѣкъ учиться да думать: выдумаль воздушный шаръ, привѣсилъ къ шару лодочку и полетѣль выше лѣса стоячаго, выше облака ходячаго, выше орла быстрокрылаго. Одна бѣда — неугомонный вѣтеръ обяжаетъ человѣка въ воздухѣ еще хуже, чѣмъ на морѣ: носить его куда ему, вѣтру, вздумается, а не куда человѣку хочется, и не можетъ человѣкъ до сихъ поръ на воздухѣ съ вѣтромъ справиться.

Деревня.

Табл. 18 и 19.

Не все на Руси села, да статныя города — много и ветхихъ, жалкихъ деревнюшекъ съ убогими хатами, повалившимися на бокъ, съ грязными улицами, съ нуждою и бѣдностью.... Въѣдешь въ такую деревню и глазамъ не вѣришь, неужели можно жить въ такихъ грязныхъ, душныхъ домикахъ съ обвалившеюся, подгнившею соломою вмѣсто крыши, съ разохшимися, покосившимися стѣнами, сквозь которыя продуваетъ вѣтромъ и мочить дождемъ. Развѣ можно и къ такой жизни привыкнуть? Если съ дѣтства не приходилось жить лучше, то и очень можно: вонъ тетка Дарья вѣшаетъ бѣлье около своей убогой лачужки;

Живое Слово. 2-ое изд.

она цѣлые дни работаетъ, пашетъ и боронитъ не хуже любого мужика; мужъ-то померъ, а дѣтки малъ мала меньше, поневолѣ все сама справишь. Она на свою судьбу и не плачется: у нея есть Савраска, есть Буренушка съ двумя телками, есть куры и гуси — чего еще? Ребятишки здоровы — бѣгаютъ себѣ босонogie по грязи да въ бабки играютъ. Сходитъ тетка Дарья съ утра на колодезь за водой, справить, что нужно, дома, потомъ на поле ѣдетъ, а вечеромъ либо въ огородѣ копаются, либо пряжу прядетъ — такъ дни и проходятъ за днями. Подойдетъ нищій къ избѣ — Дарья перекрестится и подастъ ему ломоть хлѣба. — „Не дай Богъ подъ старость съ сумой идти побираться!“ думаетъ она — и ея лачужка дѣлается ей еще роднѣе, все уголь, все есть, гдѣ отъ стужи укрыться... И благодарить Бога Дарья, что еще у нея есть чѣмъ прокормить себя и дѣтей.

**

Великорусская деревня.

Табл. 18 и 19.

Нельзя сказать, чтобы русская деревня имѣла привлекательный видъ. Если издали она и кажется живописною, то при ближайшемъ осмотрѣ она тотчасъ же теряетъ всю свою прелесть. Разумѣется, мы говоримъ не о тѣхъ немногихъ деревняхъ, гдѣ бывають двухъэтажныя, деревянные, а иногда и каменные дома, а о большинствѣ, которое встрѣчается на каждомъ шагу. Чаще всего русская деревня представляетъ множество всякаго рода деревянныхъ построекъ, расположенныхъ въ безобразной кучѣ, съ разными закоулками. Избы нерѣдко бывають крыты соломою, покривившияся на бокъ, а улицы полны не проходимою грязью. Жилыя строенія состоятъ обыкновенно изъ двухъ избъ или срубовъ, большую частію безъ фундамента, соединенныхъ между собою холодными сѣнями. Одна изба обыкновенно теплая, назначается для жилья, а другая есть клѣтъ, въ которой хранится посуда и прочее имущество, а лѣтомъ въ ней живутъ. Но чаще встрѣчаются дома, состоящіе изъ одной лишь избы и холодныхъ сѣней, гдѣ устроены небольшой чуланъ вмѣсто клѣти. Главная принадлежность избы — русская печь, но есть не мало мѣстностей, гдѣ донныя еще сохранились курныя избы, въ которыхъ за неимѣніемъ трубы, дыми идетъ по избѣ и выходитъ черезъ дверь. Нерѣдко въ одной избѣ съ крестьянскою семьей живетъ и крестьянская скотина.

Въ особенности дурны бывають крестьянскія помѣщенія для скота: конюшни и сараи для лошадей, хлѣва для коровъ, овецъ и свиней часто бывають открытыя, съ дырявыми стѣнами, въ видѣ навѣсовъ, забранныхъ съ одной только стороны плетнемъ. Зимомъ подобный хлѣвъ не защищаетъ отъ холода, весною же въ немъ вѣчно стоятъ лужи навозной жидкости и дождевой воды. Не смотря на то, что русскій крестьянинъ очень любитъ баню, тѣмъ не менѣе она однако въ русскихъ деревняхъ представляетъ большое безобразіе; чаще всего она походитъ на какое-то закоптѣлое логовище и скорѣе начкаетъ, нежели моетъ тѣло. Крестьяне, у которыхъ нѣтъ бани, парятся въ печяхъ, и случается иногда, что въ такой банѣ человѣкъ задыхается до смерти. Причина, почему крестьянскія постройки представляютъ

такой безобразный видъ, заключается отчасти въ бѣдности, а отчасти также и въ томъ, что крестьяне не чувствуютъ потребности улучшать свое жилье и пользоваться всякаго рода удобствами. Въ мѣстностяхъ бойкихъ и у крестьянъ зажиточныхъ деревень встрѣчаются, какъ уже было сказано, и двухъэтажные дома.

Малороссійскія села и деревни.

Табл. 18 и 19.

Малороссійскія села и деревни не похожи на великорусскія. Мѣстоположеніе ихъ большею частью живописно. Обыкновенно онѣ расположены на возвышенностяхъ, на холмистыхъ берегахъ рѣкъ или на склонахъ балокъ. Селеніе не образуетъ прямой улицы, обстроенной съ обѣихъ сторонъ домами, а разбросано безо всякой симметріи. Хаты расползаются во всѣхъ направленіяхъ, и въ длину, и въ ширину. Между ними находятся огороды, конопляники, сады и выгоны, такъ-что все селеніе какъ будто купается въ зелени. Если оно лѣпится по склону балки, то среди нея вырытъ прудъ.

Въ срединѣ села или гдѣ нибудь на бугрѣ, возвышается церковь, а близъ нея обыкновенно волостное правленіе или сельская управа. Вокругъ села на холмахъ идетъ рядъ вѣтряныхъ мельницъ. Почти передъ каждою хатою есть палисадникъ, огороженный плетнемъ. Въ немъ нестрѣбуютъ гвоздика, барвеннокъ, зоря, штокъ-роза, роза обыкновенная и другіе цвѣты, а иногда растеть и сирень.

Дворъ обнесенъ также плетнемъ, ворота сквозныя, сколоченныя изъ жердей, хозяйственныя постройки то идутъ рядомъ съ хатою, то разбросаны по двору, часто между группами деревьевъ. При этомъ выказывается иногда вполне любовь малоросса къ природѣ. Если, напримѣръ, ему надо построить сарай или навѣсъ на томъ мѣстѣ, гдѣ растеть какое-нибудь дерево, — онъ ни за что не срубитъ его, а обнесетъ стѣнами и пропуститъ черезъ крышу, такъ что оно очутится внутри сарая. Точно также поступаютъ феллахи съ финиковыми пальмами. Но плодъ финиковой пальмы для феллаха тоже, что хлѣбъ для европейца, тогда какъ малороссъ щадить какой нибудь тополь, липу или какое нибудь неплодовое дерево — слѣдовательно, дѣйствуетъ въ этомъ случаѣ совершенно безкорыстно.

На дворѣ стоитъ обыкновенно кладовая, сарай для телѣгъ, сарай для овецъ, открытый сарай для скота и лошадей, нѣсколько хлѣвовъ и птичникъ. У зажиточныхъ хозяевъ бываетъ также крытое гумно.

Хата обыкновенно имѣетъ отъ девяти до двѣнадцати аршинъ въ длину и отъ семи до восьми въ ширину. Полъ въ комнатахъ дѣлають изъ битой глины. Такая хата состоитъ изъ избы, сѣней и кладовой. Только зажиточные хозяева имѣютъ по двѣ комнаты. Въ сѣняхъ ставится плетеная дымовая труба, называемая *дымарь*, которая идетъ до верха крыши. Въ степныхъ хуторахъ, гдѣ часто бываютъ такія сильныя вьюги, что снѣжные сугробы заваливаютъ хаты въ уровень съ крышею — эти трубы служатъ тогда единственнымъ отверстіемъ для выхода. Подъ трубою устраивается родъ широкой полки, на которой лѣтомъ готовятъ пищу.

Внутренность хатъ содержится всегда очень опрятно, такъ какъ малороссіянки, въ противоположность своимъ мужьямъ, очень дѣятельны. Чистота составляетъ щегольство здѣшнихъ хозяекъ. Надо замѣтить, впрочемъ, что постройка жилищъ въ Малороссіи вообще очень разнообразна, смотря по тому, богатъ ли край строительными матерьялами и по степени зажиточности крестьянъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ можно встрѣтить просторные каменные дома, похожіе на дома тамошнихъ колонистовъ. Въ другихъ мѣстахъ, гдѣ страна богата лѣсомъ, строятъ деревянные хаты и уже не обмазываютъ снаружи глиною. Въ безлѣсныхъ-же, но богатыхъ хорошею глиною мѣстностяхъ, строятъ мазанки, стѣны которыхъ выбѣливаютъ какъ снаружи, такъ и внутри. Тамъ-же, наконецъ, гдѣ нѣтъ годной для строенія глины, какъ напримѣръ въ южныхъ уѣздахъ Херсонской губерніи, крестьяне живутъ въ опрятныхъ, но тѣсныхъ и сырыхъ нездоровыхъ землянкахъ. *Хуторомъ* называется выселокъ, состоящій изъ одной или нѣсколькихъ хатъ.

Деревня помѣщика Собакевича.

Табл. 18 и 19.

Деревня показала ему велика; два лѣса, березовый и сосновый, какъ два крыла, одно темнѣе, другое свѣтлѣе, были у ней справа и слѣва; посреди видѣлся деревянный домъ съ мезониномъ, красной крышей и темно-сѣрыми, или лучше дикими стѣнами, домъ въ родѣ тѣхъ, какъ у насъ строятъ для военныхъ поселеній и нѣмецкихъ колонистовъ. Было замѣтно, что при постройкѣ его зодчій безпрестанно боролся со вкусомъ хозяина.

Зодчій былъ педантъ и хотѣлъ симметріи, хозяинъ удобства — и, какъ видно, вслѣдствіе того, заколотилъ на одной сторонѣ всѣ отвѣчающія окна и провертѣлъ на мѣсто ихъ одно маленькое, вѣроятно понадобившееся для темнаго чулана. Фронтонъ тоже никакъ не пришелся посреди дома, какъ ни бился архитекторъ, потому что хозяинъ приказалъ одну колонну съ боку выкинуть, и отъ того очутилось не четыре колонны, какъ было назначено, а только три. Дворъ окруженъ былъ крѣпкою и непомерно толстою деревянною рѣшеткой. Помѣщикъ, казался, хлопоталъ много о прочности.

На конюшни, сараи и кухни были употреблены полновѣсныя и толстыя бревна, опредѣленныя на вѣковое стояніе. Деревяскія избы мужиковъ тоже срублены были на диво: не было кирпичныхъ стѣнъ, рѣзныхъ узоровъ и прочихъ затѣй, но все было пригнано плотно и какъ слѣдуетъ. Даже колодець былъ обдѣланъ въ такой крѣпкій дубъ, какой идетъ только на мельницы, да на корабли. Словомъ все, на что ни глядѣлъ онъ, было упористо, безъ пошатки, въ какомъ-то крѣпкомъ и неуклюжемъ порядкѣ.

Гоголь.

И з б а.

Табл. 18.

Въ углу стояла огромная печь; на верху половину избы занимали палаты, закоптѣлыя отъ дыма. Маленькія, запачканныя окна мало пропускали свѣта. Земляной полъ былъ грязенъ.

По голымъ стѣнамъ, между почернѣлыми бревнами которыхъ торчалъ мохъ, ползало множество таракановъ. Вся мебель избы состояла изъ двухъ большихъ лавокъ по стѣнамъ, скамейки и большого деревяннаго стола. На столѣ стояла деревянная же солонка и лежалъ хлѣбъ, закрытый грубымъ полотенцемъ. У печи висѣлъ на веревочкѣ глиняный рукомойникъ. Въ переднемъ углу видно было нѣсколько почернѣлыхъ образовъ, украшенныхъ засохшими цвѣтами и вѣтками березы. Въ другомъ углу, за ситцевой занавѣской, стояла непривлекательная постель.

Ушинскій.

Постройка избы.

Табл. 18.

Прежде всего берутъ четыре чурбана (плотники называютъ ихъ *стульями*), немного обжигаютъ ихъ кругомъ, чтобы они не гнили, и вкапываютъ въ землю. На эти обрубки кладутъ четыре толстыхъ бревна, по одному на каждую сторону. Чтобы одно бревно легло на другое и крѣпко держалось, плотникъ въ концѣ бревенъ вырубаетъ выемъ; въ него-то и вкладываютъ бревна концами одно на другое. Такъ сложенные четыре бревна называются *опицомъ*. Сдѣлаютъ такихъ вѣнцовъ три, четыре, положить поперегъ перекладины и настилаютъ полъ. Двѣ, три половицы въ полу сдѣлаютъ покорооче, чтобы былъ ходъ изъ избы въ подполье. Крестьяне рѣдко устраиваютъ для лѣта ледники; они поднимаютъ въ избѣ половицу (одну доску въ полу) и ставятъ въ подполье молоко и другія вещи, которыя могутъ скиснуть отъ жары.

Когда полъ настланъ, опять кладутъ вѣнцы одинъ на другой; такъ выводятъ стѣны. При этомъ оставляютъ отверстія для оконъ и дверей и конопатятъ мхомъ промежутки между бревнами: это дѣлаютъ, чтобы вѣтеръ не проходилъ въ щелки, которыя остаются между бревнами. Такъ продолжаютъ строить, т. е. класть одинъ вѣнецъ на другой, кто какъ высоко хочетъ выстроить себѣ домъ.

Когда стѣны достаточно высоки, поперегъ кладутъ *балки*, т. е. брусья и по нимъ настилаютъ потолокъ. Послѣ этого еще кладутъ одинъ вѣнецъ; въ него наклонно упираютъ два бревна *стропила* и на нихъ уже устраиваютъ *крышу*.

Вотъ и готовъ деревянный домъ.

Водовозова.

Весна въ деревнѣ.

Табл. 18.

Прошла полая вода, подсохла земля, на дворѣ тепло, солнышко паритъ землю. Тихо и тепло въ деревнѣ. Только и слышится веселый смѣхъ ребятишекъ, да пѣтухъ горланить по обычаю на все село. Вотъ показалась тучка, раздался первый весенній громъ, оросилась земля радостнымъ дождикомъ, и все ожило, зацвѣло. Луга зазеленѣлись, въ лѣсахъ показались ландыши и фиалки, зацвѣла черемуха, воздухъ полонъ ароматомъ. Въ садахъ всѣ деревья въ цвѣту, будто покрыты бѣлоснѣжнымъ покровомъ. Воздухъ чистъ и прозраченъ, небо сине и ясно. Кажется, не пошелъ бы въ избу среди веселья природы. Вече-

ромъ, ночью и утромъ поютъ соловьи въ рощахъ, днемъ воркуетъ горlinka и кукуетъ кукушка, жаворонки гдѣ-то въ воздухѣ на высотѣ заливаются. Все поетъ и ликуетъ.

Поповъ.

Село.

Табл. 18.

Въ нашемъ селѣ есть избы, церковь, мельница и школа. На одной изъ улицъ вырытъ колодезь. Изъ этого колодца люди черпаютъ воду для питья. Всѣ избы нашего села крыты соломою. Около избъ есть дворы, огороды, клѣти и амбары. Дворы обнесены плетнями. На задворкахъ стоятъ скирды хлѣба. Церковь и мельница построены на горѣ. За горою опять тянутся избы. Жители нашего села занимаются хлѣбопашествомъ.

* * *

Село Кузьминское.

Табл. 18.

Кузьминское богатое,
А пуще того — грязное,
Торговое село
По косогорю тянется,
Потомъ въ оврагъ спускается,
А тамъ опять на горочку, —
Какъ грязи тутъ не быть?
Въ немъ церковь есть старинная,
Съ высокой колокольнею,
Домъ съ надписью „Училище“
Большой, съ тесовой кровлею.
Есть лавки постоянныя
И грязная гостинница,
Украшенная вывѣской.

Некрасовъ.

Село.

Табл. 18.

У самой дороги раскинулось большое село. Крѣпкія нарядныя избы почти всѣ крыты тесомъ; рѣдко гдѣ между рѣзными ихъ коньками и оконными наличниками проглядываетъ черная хата какого нибудь бѣдняка съ соломенною крышею и покосившимся крыльцомъ. Крестьяне тутъ люди зажиточные, почти у каждого изъ нихъ есть и лошадь, и корова, и живность: куры, гуси, свиньи. Церковь у нихъ отстроена недавно и каждый изъ здѣшнихъ жителей, проходя мимо, набожно перекрестится и весело оглянетъ ея зеленый куполь и золотые кресты: церковь эту они выстроили на свои трудовые гроши, каждый изъ нихъ внесъ свою копѣйку на благое дѣло.

Здѣшніе крестьяне умѣютъ трудиться, но и отъ веселья не прочь. Сегодня на селѣ храмовой праздникъ. Всѣ отъ мала — до велика высыпали на улицу: дѣвушки въ алыхъ сарафанахъ, въ бѣлыхъ рубахахъ и въ яркихъ передникахъ, парни въ новыхъ поддевахъ въ щегольскихъ сапогахъ водятъ хороводъ, и голоса ихъ далеко раздаются по селу. Около хороводовъ вер-

*

тятся и ребяташки, кто посмѣлѣе, тотъ подхватываетъ пѣсню, а кто позастѣнчивѣе, тотъ только смотритъ во всѣ глаза.

Тутъ-же на площади примостился дѣдушка Яковъ со своимъ товаромъ, бабы, дѣвушки, дѣти такъ и облѣпили его повозку: у всѣхъ глаза разгорѣлись на пестрые платки, яркіе кулачи и затѣйливые ситцы. Дѣвочка выпросила себѣ у дядюшки Якова книжку съ картинками и счастлива его подаркомъ.

Всякій пользуется праздникомъ по своему: кто играетъ на гармоникѣ, кто катается на тройкахъ, кто сидитъ у избы на заваленкѣ и толкуетъ о томъ, о семъ . . . Далеко за полночь несется по селу гулъ голосовъ, не скоро улягутся разгулявшіеся парни и дѣвушки, а на завтра опять чуть свѣтъ примется все село за обычную трудовую жизнь—праздника какъ и не бывало.

* *

Сельскій праздникъ.

Табл. 18.

Посреди села нарядный
Собрался народъ:
Парни, дѣвки, молодежи
Водятъ хороводъ.
И звенить, и льется пѣсня,
Что рѣка течетъ.
Въ избахъ праздникъ и веселый
Пиръ горой идетъ.
А предъ избами ребятки
Рѣзвятся, шумятъ;
На заваленкахъ старухи,
Старики сидятъ,
И ведутъ между собою
Рѣчь о томъ, о семъ:
Какъ-то въ полѣ хлѣбъ родился,
Какъ хорошъ былъ ленъ;
Какъ въ Москвѣ ребята жили,
Съ чѣмъ домой пришли,
Сколько къ празднику обновокъ,
Денегъ принесли.

Село Плюшкина.

Табл. 18.

Покаместъ Чичиковъ думалъ и внутренно посмѣивался надъ прозвищемъ, отпущеннымъ мужиками Плюшкину, онъ не замѣтилъ, какъ въѣхалъ въ середину обширнаго села со множествомъ избъ и улицъ. Скоро однако-же далъ замѣтить ему это пренорядочный толчекъ, произведенный бревенчатою мостовою, предъ которою городская, каменная была ничто. Эти бревна, какъ фортепянные клавиша, подымались, то вверхъ, то внизъ, и неберегшійся ѣздокъ пріобрѣталъ или шишку на затылокъ, или синее пятно на лобъ, или же случалось своими собственными зубами откусить преобольно хвостикъ собственнаго-же языка. Какую-то особенную ветхость замѣтилъ онъ на всѣхъ деревенскихъ строейихъ: бревно на избахъ было темно и старо; многія

крыши сквозили, какъ рѣшето; на иныхъ оставался только конекъ вверху, да жерди по сторонамъ въ видѣ ребръ. Окна въ избенкахъ были безъ стеколъ, инныя были заткнуты тряпкой, или зипуномъ: балкончики подъ крышами съ перилами, неизвѣстно для какихъ причинъ дѣлаемые въ инныхъ русскихъ избахъ, покосились и почернѣли даже не живописно. Изъ-за избъ тянулись во многихъ мѣстахъ рядами огромныя клады хлѣба, застоявшіеся какъ видно долго; цвѣтомъ походили они на старый, плохо выжженный кирпичъ на верхушкѣ ихъ росла всякая дрянь, и даже прицѣпился съ боку кустарникъ. Хлѣбъ, какъ видно, былъ господскій. Изъ-за хлѣбныхъ кладей и ветхихъ крышъ, возносились и мелькали на чистомъ воздухѣ то справа, то слѣва, по мѣрѣ того, какъ бричка дѣлала повороты, двѣ сельскія церкви, одна возлѣ другой: опустѣвшая деревянная и каменная съ желтенькими стѣнами, испятнанная, нетрескавшаяся.

Гоголь.

Сельцо Колотовка.

Табл. 18.

Небольшое сельцо Колотовка, принадлежавшее нѣкогда помѣщицѣ, за лихой и бойкій нравъ прозванной въ околоткѣ Стыганихой (настоящее имя ея осталось неизвѣстнымъ), а нынѣ состоящее за какимъ-то петербургскимъ нѣмцемъ, лежитъ на скатѣ голаго холма, съ верху до низу разсѣченнаго страшнымъ оврагомъ, который, зіяя какъ бездна, вьется, разрытый и размытый, по самой серединѣ улицы, и пуще рѣки — черезъ рѣку можно по-крайней-мѣрѣ навести мостъ — раздѣляетъ обѣ стороны бѣдной деревушки.

Нѣсколько тощихъ ракъ боязливо спускаются по песчанымъ его бокамъ; на самомъ днѣ, сухомъ и желтомъ, какъ мѣдъ, лежатъ огромныя плиты глинистаго камня.

Признаться сказать, ни въ какое время года Колотовка не представляетъ отраднаго зрѣлища; но особенно грустное чувство возбуждаетъ она, когда июльское сверкающее солнце своими неумолимыми лучами затопляетъ и бурья, полуразметанныя крыши домовъ, и этотъ глубокой оврагъ, и выжженный, запыленный выгонъ, по которому безнадежно скитаются худыя, длинноногія курицы, и сѣрый осиновый срубъ съ дырами вмѣсто оконъ, остатокъ прежняго барскаго дома, кругомъ заросшій крапивою, бурьяномъ и полынью, и покрытый гусинымъ пухомъ, черный, словно раскаленный прудъ, съ каймой изъ полу-высохшей грязи и сбитой на бокъ плотиной, возлѣ которой, на мелко истоптанной, пепело-видной землѣ, овцы, едва дыша и чихая отъ жару, печально тѣнятся другъ къ другу и съ унылымъ терпѣньемъ наклоняютъ головы какъ можно ниже, какъ будто выжидая, когда жъ пройдетъ наконецъ этотъ невыносимый зной.

Тургеневъ.

Коровка.

Табл. 18.

Некрасива коровка, да молочко даетъ. Лобъ у нея широкъ, уши въ стороны, во рту зубовъ недочѣтъ, за то рожища большіе; хребетъ — остріемъ, хвостъ помеломъ, бока оттопырились,

копыта двойныя. Она травушку рвётъ, жвачку жуётъ, поило пьётъ, мычитъ и реветъ, хозяйку зовётъ: „Выходи, хозяйшка; выноси подойничекъ, чистый утиральничекъ! Я дѣточкамъ молочка принесла, густыхъ сливочекъ“.

Ушинскій.

Буренушка.

Табл. 18.

Ужъ какъ я-ль мою коровушку люблю! Сытна поила я Буренушкѣ налью, чтобъ сыта была коровушка моя, чтобы сливочекъ Буренушка дала. Тру-ту-ту-ту, загрубилъ нашъ пастушокъ, собирались всѣ коровки на лужокъ. Стала тутъ моя коровушка мычать, ужъ и ласкъ моихъ не хочетъ больше знать. Просить жалобно на выпашку пустить: ей милѣе во чистомъ полѣ бродить; ѣсть на солнышкѣ медвяную траву, чѣмъ стоять-то въ душномъ, въ темномъ во хлѣву.

Бодливая корова.

Табл. 18.

Была у насъ корова, да такая характерная, бодливая, что бѣда! Можетъ быть потому и молока у ней было мало. Помучились съ ней мать и сестры. Бывало, прогонять въ стадо, а она или домой о полдень придереть, или въ житахъ очутится, — иди, выручай. Особенно, когда бывалъ у нея теленокъ — удержи нѣтъ! Разъ даже весь хлѣвъ рогами разворотила, къ теленку билась, а рога-то у нея были длинные да прямые. Ужъ не разъ собирався отецъ ей рога отпилить, да какъ-то все откладывалъ, будто что предчувствовалъ старый. А какая была увертливая да прыткая! Какъ подниметъ хвостъ, опуститъ голову да махнетъ, такъ и на лошади не догонишь. Вотъ разъ, лѣтомъ, прибѣжала она отъ пастуха, еще задолго до вечера: было у ней дома теля. Подошла мать корову, выпустила теля и говорить сестрѣ, дѣвочкѣ этакъ лѣтъ двѣнадцати: „погони, Феня, ихъ къ рѣчкѣ, пусть по бережку попасутся, да смотри, чтобъ въ жито на затесались. До ночи еще далеко; что имъ тутъ безъ толку стоять“. Взяла Феня хворостину, погнала и теля, и корову, пригнала на бережокъ, пустила пастись, а сама подъ вербой сѣла и стала вѣнокъ плести изъ васильковъ, что по дорогѣ во ржи нарвала; плететь и пѣсенку поетъ.

Слышитъ Феня, что-то въ лознякѣ зашуршало; а рѣчка то съ обоихъ береговъ густымъ лознякомъ обросла. Глядитъ Феня, что-то сѣрое сквозь густой лознякъ продирается, и покажись глупой дѣвочкѣ, что это наша собака Сѣрко. Известно, волкъ на собаку совѣмъ похожъ, только шея неповоротливая, хвостъ палкой, морда понурая и глаза блестятъ, но Феня волка никогда вблизи не видала. Стала уже Феня собаку манить: „Сѣрко!“ какъ смотреть — теленокъ, а за нимъ корова несутся прямо на нее, какъ бѣшеные. Феня вскочила, прижалась къ вербѣ, не знаетъ, что дѣлать; теленокъ къ ней, а корова ихъ обоихъ задомъ къ дереву прижала, голову наклонила, реветъ, передними копытами землю роетъ, а рога-то прямо волку выставила. Феня перепугалась, обхватила дерево обѣими руками, кричать хочетъ — голосу нѣтъ! А волкъ прямо на корову ки-

нулъ, да и отскочилъ: съ перваго разу, видно, задѣла его рогомъ. Видитъ волкъ, что нахрапомъ ничего не возьмешь и сталъ онъ кидаться то съ той, то съ другой стороны, чтобы какъ-нибудь съ боку въ корову вцѣпиться или теля отхватить, только куда ни кинется, вездѣ рога ему на встрѣчу. Феня все еще не догадывается въ чемъ дѣло, хотѣла бѣжать, да корова не пускаетъ, такъ и жметъ къ дереву. Стала тутъ дѣвочка кричать, на помощь звать: „ратуйте! кто въ Бога вируе, ратуйте!“ Нашъ казакъ оралъ тутъ на взгоркѣ, услышалъ, что и корова то реветъ, и дѣвочка кричитъ, кинулъ соху и прибѣжалъ на крикъ. Видитъ казакъ, что дѣлается, да не смѣетъ съ голыми руками на волка сунуться: такой онъ былъ большой, да остервенѣлый; сталъ казакъ сына кликать, что оралъ тутъ же на полѣ. Какъ завидѣлъ волкъ, что люди бѣгутъ, унялся, огрызнулся еще разъ, два, завылъ, да и въ лознякъ. Феню казаки едва домой довели — такъ перепугалась дѣвочка. Порадовался тогда отецъ, что не отпилилъ коровѣ роговъ.

Даль.

Лошадка.

Табл. 18.

Конь храпитъ, ушми прыдетъ, глазами поводитъ, удила грызетъ, шею, словно лебедь, гнѣтъ, копытомъ землю роетъ. Грива на шеѣ волной, сзади хвостъ трубой, межъ ушей — чѣлка, на ногахъ — щѣтка; шерсть серебромъ отливаешь. Во рту удила, на спинѣ сѣдло, стремена золотыя, подковки стальные.

— Садись и пошѣлъ за тридевять земель, въ тридесятое царство! Конь бѣжитъ, земля дрожитъ, изо рта пѣна, изъ ноздрей паръ валить.

Скороговорка: Отъ топота копытъ пыль по полю несѣтся.

Ушинскій.

Въ ночномъ.

Табл. 18.

Лѣтній вечеръ. За лѣсами солнышко ужъ сѣло. На краю далекомъ неба зорька заалѣла. Но и та потухла. Топотъ въ полѣ раздается: то табунъ коней въ ночное по лугамъ несется. Ухватя коней за гриву, скачутъ дѣти въ полѣ. То-то радость и веселье, то-то дѣтямъ воля! По травѣ высокой кони на просторѣ бродятъ; собралися дѣти въ кучку, разговоръ заводятъ. Мужички сторожевые улеглись подъ лѣсомъ и заснули... Не шелхнеть лѣсъ густымъ навѣсомъ. Все темнѣй, темнѣй и тише. Смолкли къ ночи птицы, только на небѣ сверкаютъ дальнія зарницы.

Козель.

Табл. 18.

Идетъ козель мохнатый, идетъ бородатый, рожищами помахиваетъ, бородищей потряхиваетъ, копытками постукиваетъ: идетъ блеетъ, козъ и козлятокъ зоветь.

А козочки съ козлятками въ садъ ушли, травку щиплютъ, кору гложутъ, молодые прищепы портятъ, молочко дѣткамъ ко-

пять; а козлятки, малые ребятки, молочка насосались, на заборъ взобрались, рожками передрались. Погодите, ужъ придетъ бородатый хозяинъ, — всѣмъ вамъ порядокъ дастъ!

Ушинскій.

Старуха и козель.

Табл. 18.

У старухи жили корова да козель. Разъ, когда корову доили, она все ворочалась. Вотъ старуха вынесла хлѣба съ солью, дала коровѣ и приговаривала: „да стой же, моя матушка; еще вынесу, только постой смирно“.

Козель на другой день вернулся раньше коровы съ поля, всталъ передъ старухой и разставилъ ноги. Старуха замахнулась на него полотенцемъ; а козель стоитъ, не шевельнется. — Онъ помнилъ, что старуха обѣщала коровѣ хлѣба, только стояла бы смирно. Старуха видитъ, что козель не понимаетъ, и прогнала его палкой.

„Нѣтъ въ людяхъ правды!“ подумалъ козель. „Я стоялъ смирнѣе коровы, а меня прибили“.

Народныя сказки.

Хавронья.

Табл. 18.

Грязна наша хавронюшка, грязна и обжорлива, всё жреть, всё мнеть, объ углы чешется; лужу найдетъ — какъ въ перину преть, хрюкаетъ, нѣжится.

Было у хавронюшки не нарядное: въ землю носомъ упирается, ротъ до ушей; а уши словно тряпки болтаются; на каждой ногѣ по четыре копыта, а ходитъ — спотыкается. Хвостъ у хавронюшки винтомъ, хребетъ горбомъ, на хребтѣ щетина торчитъ. Жретъ она за троихъ, толетѣтъ за пятерыхъ; зато ее хозяйшки холятъ, кормятъ, помоями поятъ; а вломится въ огородъ — полѣномъ прогонять.

Ушинскій.

Споръ животныхъ.

Табл. 18.

Корова, лошадь и собака заспорили между собою, кого изъ нихъ хозяинъ больше любитъ.

— Конечно меня, говоритъ лошадь: я ему соху и борону таскаю, дрова изъ лѣсу вожу; самъ онъ на мнѣ въ городъ ѣздитъ: пропалъ бы онъ безъ меня совсѣмъ.

— Нѣтъ, хозяинъ любитъ больше меня, — говоритъ корова: я всю его семью молокомъ кормлю.

— Нѣтъ, меня, ворчитъ собака: я его добро стерегу.

Поделушалъ хозяинъ этотъ споръ и говоритъ: „перестаньте спорить по пустому: всѣ вы мнѣ нужны, и каждый изъ васъ хорошъ на своемъ мѣстѣ“.

«Другъ дѣтей».

Пѣтушекъ съ семьей.

Табл. 18.

Ходитъ по двору пѣтушекъ: на головѣ красный гребешекъ, подъ носомъ — красная бородка. Носъ у Пети долотцомъ, хвостъ у Пети колесцомъ, на хвостѣ узоры, на ногахъ шпоры. Лапами Петя кучу разгребаетъ, курочекъ съ цыплятами созываетъ: „Курочки — хохлатушки! хлопотуньи — хозяйшки! перстренькія — рябенькія! черненькія — бѣленькія! собирайтесь съ цыплятками, съ малыми ребятками: я вамъ зернышко припасъ!“

Курочки съ цыплятками собрались, раскудахтались; зернышкомъ не подѣлились — передрались.

Петя-пѣтушекъ безпорядковъ не любитъ — сейчасъ семью помирилъ: ту за хохоль, того за вихоръ, самъ зернышко съѣлъ, на плетень взлетѣлъ, крыльями замахалъ, во все горло заоралъ: ку-ку-ре-ку!

Ушинскій.

Гуси.

Табл. 18.

Вышла хозяйшка и манитъ гусей домой: „теги-теги-теги! гуси бѣлые, гуси сѣрые, ступайте домой!“

А гуси шеи длинныя вытянули, лапы красныя растопырили, крыльями машутъ, носы раскрываютъ: „га-га-га! Не хотимъ мы домой идти! намъ и здѣсь хорошо“.

Видитъ хозяйка, что добромъ отъ гусей ничего не добьешься: взяла длинную хворостину и погнала ихъ домой.

Ушинскій.

Утренняя пѣсня пѣтуха.

Кукуреку! вставай народъ! ужъ солнце глядитъ чрезъ заборъ. Пусть каждый къ работѣ идетъ изъ душевой избенки на дворъ... Берите вы молотъ, топоръ, примитесь со свѣжею силой скорѣй за иглу да за шило! — Кукуреку! чтобъ за трудъ былъ вамъ и хлѣбъ, и пріютъ! Кукуреку! чтобъ дѣло весело шло и кипѣло!

Такъ распѣвалъ пѣтушекъ и собирались въ кружокъ мастера и всякій работникъ: слесарь, портной или плотникъ. Бойко топоръ застучалъ; молотъ звеня ударялъ; иглы мельгали, а шило съ дратвою такъ и ходило...

Что же замолеетъ пѣтушекъ? Великъ ужъ работалъ, какъ могъ, силъ не щадя на работѣ, въ копоты, въ пыли и въ потѣ.

* *
*

Орель и куры.

Табл. 18.

Желая свѣтлымъ днемъ вполнѣ налюбоваться,

Орель поднебесью леталъ,

И тамъ гулялъ,

Гдѣ молніи рождаются.

Спустившись наконецъ изъ облачныхъ вышинъ,

Царь-птица отдыхать садится на овинъ.

Хоть это для Орла насѣстокъ незавидный;
 Но у царей свои причуды есть:
 Быть-можетъ, онъ хотѣлъ овину сдѣлать честь,
 Иль не было вблизи ему по чину сѣсть
 Ни дуба, ни скалы гранитной;
 Не знаю, что за мысль, но только что Орель
 Не много посидѣлъ,
 И тутъ же на другой овинъ перелетѣлъ.
 Увидя то хохлатая насѣдка,
 Толкуетъ такъ съ своей кумой:
 — „За что Орлы въ чести такой?
 Неужли за полетъ, голубушка сосѣдка?
 Ну, право, если захочу,
 Съ овина на овинъ и я перелечу.
 Не будемъ же впередъ такія дуры,
 Чтобъ почитать Орловъ знатнѣе насъ. —
 Не больше нашего у нихъ ни ногъ, ни глазъ:
 Да ты же видѣла сейчасъ,
 Что понизу они летаютъ такъ, какъ куры“.
 Орель отвѣтствуетъ, наскуча вздоромъ тѣмъ:
 — „Ты права, только не советѣмъ:
 Орламъ случается и ниже куръ спускаться,
 Но курамъ никогда до облакъ не подняться!“

Крыловъ.

Странный цыпленокъ.

Табл. 18.

Вставши рано утромъ, старушка Дарья поставила въ укромномъ мѣстечкѣ корзину съ мягкимъ сѣномъ, разложила тринадцать яицъ и усадила на нихъ насѣдку. Чуть свѣтало, и старуха не рассмотрѣла, что тринадцатое яйцо было зеленоватое и поменьше прочихъ.

Сидитъ курица прилежно, грѣетъ яички; сбѣгаетъ поклевать зернышекъ, попить водицы и опять на мѣсто. И стала она такая сердитая: шинить, клохчетъ, даже пѣтуху не даетъ подойти.

Просидѣла курочка недѣли съ три, и стали изъ яицъ цыплята выдупляться, одинъ за другимъ: проклюнетъ скорлупу носикомъ, выскочитъ, отряхнется и начнетъ бѣгать, ножками пылъ разгребать, червячковъ искать. Позже всѣхъ выдунился цыпленокъ изъ зеленоватаго яичка. И какой же уродливый онъ вышелъ: кругленькій, мохнатый, желтый, съ коротенькими лапками и съ широкимъ, плоскимъ клювомъ! Подивилась курица косолапому цыпленку, да дѣлать нечего: какой ни есть, а все сынъ. И любить она его и бережетъ наравнѣ со всѣми прочими.

Стала курочка дѣтокъ учить, какъ изъ земли червяковъ выкапывать, и повела всю семью на берегъ пруда. Какъ только коротенькій цыпленокъ завидѣлъ воду, такъ прямо и кинулся въ нее. Курица кричитъ, крыльями машетъ, къ водѣ кидается; цыплята тоже перетревожились: бѣгаютъ, суетятся, пищатъ; а одинъ пѣтушекъ съ испугу даже вскопчилъ на бугорчикъ, вытянулъ шейку и въ первый еще разъ въ жизни закричалъ сильнымъ голоскомъ: кукуреку! помогите, моль, добрые люди, братецъ тонетъ! Но братецъ не утонулъ, а весело и легко плавалъ, за-

гребая воду широкими перепончатыми лапками. На крикъ курицы выбѣжала изъ избы старая Дарья, увидѣла, что дѣлается, и закричала:

— „Ахти, грѣхъ какой: видно это я сослѣбну подложила утиное яйцо подъ курицу“.

Поговорка. Высидѣла курица утятъ, и сама не рада.

Даль.

ЗАГАДКА.

Крикъ-кракъ городъ, въ Крику городѣ Бѣлгородъ, въ Бѣлгородѣ желтый воскъ.

Ворона и ракъ.

Табл. 19.

Летѣла ворона надъ озеромъ; смотреть — ракъ ползетъ: цапъ его! Съла на вербѣ и думаетъ закусить. Видитъ ракъ, что приходится пропадать, и говоритъ: „ай, ворона! ворона! зналъ я твоего отца и мать, что за славныя были птицы!“ — Угу! говоритъ ворона, не раскрывая рта. „И сестеръ, и братьевъ твоихъ зналъ — отличныя были птицы!“ — Угу! опять говоритъ ворона. — „Да хоть хорошія были птицы, а все же далеко до тебя“. — Ага! каркнула ворона во весь ротъ и уронила рака въ воду.

Народное.

Ворона и сорока.

Табл. 19.

По наружному виду ворона похожа на сороку; она отличается отъ нея тѣмъ, что нѣсколько ниже сороки на ногахъ и что у сороки очень длинный хвостъ, а брюхо и бока бѣлые. Но по образу жизни и нраву есть большое различіе между воронами и сороками. Вороны любятъ большое общество, живутъ стаями, а сороки не собираются въ такія многочисленныя стаи, живутъ семействами. Вороны и сороки очень осторожны; но сороки настойчивѣе воронъ: стоитъ только вывѣсить въ саду убитую ворону или черную тряпку для того, чтобы вороны перестали собираться вблизи этого мѣста. Не такъ съ сороками: сороки любятъ возвращаться въ старое гнѣздо; разрушай это гнѣздо, стрѣлай въ него, сорока отлетитъ подальше, выждетъ тамъ, пока пройдетъ опасность, и настоитъ на своемъ, помѣстится въ старомъ гнѣздѣ. Поэтому отъ сорокъ очень трудно избавиться тамъ, гдѣ онѣ завелись на бѣду хозяину. Если сороки заведутся въ саду, то въ немъ не будетъ пѣвчихъ птичекъ, такъ какъ сороки таскаютъ у нихъ изъ гнѣздъ дѣтенышей. Пѣвчія птицы не только доставляютъ удовольствіе своимъ пѣніемъ, но и приносятъ большую пользу, питаются вредными насѣкомыми. Ворона птичекъ почти не трогаетъ, а питается мышами, червями, личинками, которыхъ она отыскиваетъ и въ землѣ, когда пашутъ землю плугомъ. Въ садахъ вороны вредятъ только тѣмъ, что тяжестью своею ломаютъ молодыя вѣтви и такъ же, какъ и сороки, лакомятся вишнями. Этихъ птицъ можно научить произносить слова и сдѣлать настолько ручными, что онѣ будутъ бѣгать за хозяиномъ, приучатся ѣсть все то, что онъ ѣсть, и будутъ къ нему возвращаться и послѣ продолжительныхъ про-

гулокъ съ другими воронами и сороками. Такая забава не совсемъ удобна, потому что вороны, а въ особенности сороки, любятъ таскать, откуда попало, различные блестящіе предметы въ свои гнѣзда. Эти птицы вьютъ гнѣзда всегда на верхушкахъ деревьевъ; долѣзть до нихъ не легко, а разрушить сорочье гнѣздо дробью не всегда удается: сорока выстилаетъ свое гнѣздо толстою глиною, которую дробью не пробьешь на большомъ разстояніи.

Вороны и сороки приносятъ намъ пользу тѣмъ, что ѣдятъ падаля, заражающую воздухъ. * *

Воронъ и орелъ.

Табл. 19.

Однажды орелъ спрашиваетъ у ворона: „скажи, воронъ-птица, отчего живешь ты на бѣломъ свѣтѣ триста лѣтъ, а я всего на всего тридцать три года? „Оттого, батюшка“, отвѣчалъ ему воронъ: „что ты пьешь живую кровь, а я питаюсь мертвечиной“. — Орелъ подумалъ: „давай попробуемъ и мы питаться тѣмъ-же“. Вотъ и полетѣлъ орелъ съ ворономъ. И завидѣли они палую лошадь, — спустились и сѣли. Воронъ сталъ клевать, да похваливать. Орелъ клюнулъ разъ, клюнулъ другой, махнулъ крыломъ и сказалъ ворону: „Нѣтъ, братъ-воронъ! чѣмъ триста лѣтъ питаешься падаляю, лучше разъ напиться живой крови, а тамъ — что Богъ дастъ!“

Ворона и кувшинъ.

Табл. 19.

Во всѣхъ почти дѣлахъ догадка намъ нужна. Ворона бѣдная отъ жажды умирала и гдѣ-то на полѣ она кувшинъ сыскала. Но вотъ бѣда: низка была для ней въ колодцѣ томъ вода! Какъ станешь пить? — не можно влѣзть туда! Кувшинъ великъ, — нельзя его воронѣ сдвинуть, не только опрокинуть. А надобно воды достать! Вотъ, стала камешки она въ него бросать. Съ краями наравнѣ вода приподнялася и тутъ уже моя ворона напилася.

Крыловъ.

Два плуга.

Табл. 19.

Изъ одного и того же куска и въ одной и той же мастерской были сдѣланы два плуга. Одинъ изъ нихъ попалъ въ руки земледѣльца и немедленно пошелъ въ работу, а другой долго и совершенно бесполезно провалился въ лавкѣ кунца. Случилось черезъ нѣсколько времени, что оба земляка опять встрѣтились. Плугъ, бывшій у земледѣльца, блестѣлъ какъ серебро и былъ даже еще лучше, чѣмъ въ то время, когда онъ только-что вышелъ изъ мастерской; плугъ же, пролежавшій безъ всякаго дѣла въ лавкѣ, потемнѣлъ и покрылся ржавчиной. „Скажи, пожалуйста, отчего ты такъ блестишь?“ спросилъ заржавѣвшій плугъ у

своего стараго знакома. „Отъ труда, мой милый“, отвѣчалъ тотъ; „а если ты заржавѣлъ и сдѣлался хуже, чѣмъ былъ, то это потому, что ты все лежалъ на боку, ничего не дѣлая“.

Коса.

Табл. 20.

Безъ косы сѣна не накопишь.
На острую косу много сѣнокошу.

ЗАГАДКИ.

1. Травы поѣмъ, зубы притуплю; песку хвачу, опять наострю.
2. Щука-понура по лѣсу ходила, всѣ лѣса губила. Лѣса пали, горы встали.
3. Кто ѣсть сѣно безо рта тремя зубами?

Серпъ и соха.

Табл. 19 и 20.

Серпъ и соха заспорили: кто изъ нихъ полезнѣе. Серпъ говорилъ: безъ меня человекъ не убралъ бы хлѣба; а соха отвѣчала: а безъ меня и тебѣ бы нечего было убирать.

ЗАГАДКИ.

1. Маленькій, горбатенькій, все поле обскакалъ; домой пришелъ, всю зиму пролежалъ.
2. Стоитъ баба-яга, распорота нога. Весь міръ кормить, сама голодна.
3. Ногъ много, а съ поля на спинѣ ѣдетъ.

Цѣпъ.

Табл. 20 и 21.

Тить, а Тить! Иди молотить. — Брюхо болитъ. Тить! иди кисель ѣсть. — А гдѣ моя большая ложка?

ЗАГАДКА.

4. Летѣли птицы съ длинными носами, пѣли пѣсни: таты-латы! таты-латы!

Вѣтреная мельница.

Табл. 19.

Вспашетъ крестьянинъ поле плугомъ, взборонитъ зубастою бороною, сожнетъ хлѣбушко, высушитъ въ овинѣ, обмолотитъ его цѣпомъ, и везетъ на мельницу. А мельница быстро поворачиваетъ по вѣтру свои неуклюжія, громадные крылья и воро-

часть жернова съ утра до вечеру. Засыплоть куль зерна въ деревянный ящикъ съ желобомъ - рукавомъ; заходить этотъ ящикъ, затрясетъ рукавомъ и посыплется зерно въ отверстие жернова, а тамъ ужъ ему конецъ, выйдетъ изъ подъ жернова мелкою мукою.... Со свѣженькою мучкою, съ новымъ хлѣбцемъ! Работаетъ мельница изо дня въ день, устали не знаетъ, и молить мельникъ у Бога побольше вѣтру, да поменьше затишья; какъ стихнетъ вѣтеръ — и дѣло его остановится.

Овечка.

Табл. 19.

Глуна овечка, незлобива, труслива: стоитъ замахнуться на цѣлое стадо, и все оно шарахнется всторону; даже и рога у барановъ не то, что у козы, не бодливые.

А сколько пользы отъ овечки! Не даромъ ее держать, и кормить, и холить всячески. Два раза въ годъ, весной и осенью, снимаетъ человекъ съ овцы ея теплую шубу и прядетъ изъ мягкаго руна шерсть, а изъ шерсти ткеть матеріи и вяжетъ чулки. Корова кормитъ человекъ, а овца одѣваетъ. Когда же у крестьянина въ стадѣ слишкомъ много расплодятся барашковъ, онъ заколетъ лишнихъ агнятъ и продастъ ихъ на жаркое. Мясо агнятъ очень вкусное, пѣжное, не то, что козлятина.

Родина.

Табл. 21.

Дай тебѣ Боже, родная земля,
Мудрыхъ вождей и великихъ,
Чтобы не слышали эти поля
Криковъ проклятія дикихъ,
Чтобъ не лилась неповинная кровь,
Слезъ неутѣшенныхъ не лилось,
Чтобъ вѣковѣчно святая любовь
Въ грѣшныхъ сердцахъ воцарилась.

Поле.

Табл. 20 и 21.

Кругомъ нашей деревни лежатъ поля. Лѣтомъ мы бѣгаемъ съ отцемъ на работы. Отецъ наметь, боронить, косить. Мать и сестры помогаютъ убирать сѣно, жнуть, вяжутъ снопы. Мы носимъ квасъ и хлѣбъ въ поле. Но вотъ хлѣбъ обмолоченъ, провѣянъ и на мельницу свезенъ. Вотъ и мука готова. Мучку кормилицу въ амбаръ да на базаръ перевезли. Выручили лишнюю копѣйку. Мама вкусный хлѣбецъ испекла и намъ краешечку дала.

* *

Весна.

Табл. 20.

Апрѣль приближался къ концу. Весна была ранняя, дружная; снѣгъ давно сбѣжалъ съ полей. Повсюду направо и налево отъ дороги, вдаль и вблизи, по вѣтмъ буграмъ, скатамъ, зеленымъ озимамъ, освѣщеннымъ косвенными золотыми лучами; тонкія

Живое Слово. 2-ое изд.

полоски межей были еще темны; надъ ними вмѣсто тучныхъ кустовъ кашки, донника, ежевики и шиповника ложились покуда пунцовые прутья и подымались поздраватые пересохнувшіе стебли прошлаго года; гдѣ развѣ развѣртывался и свозилъ мягкій, какъ бархатъ, листъ земляники. Но какъ уже хорошо было въ полѣ! Тишина необыкновенная. Такъ тихо, что ни одна былинка не покачетъ головкой; а чувствуешь между тѣмъ, слышишь даже, что весь этотъ неоглядный просторъ земли и воздуха наполненъ жизнью и движеніемъ. Напрягаешь слухъ, жадно прислушиваешься... и странно! Звуки эти радостно даже какъ-то отдаются въ душѣ и тѣшатъ еѣ... Совѣтъ не то, что въ городѣ. Въ блестящей глубинѣ небснаго свода не видать жаворонка; но воздухъ наполненъ его переливами. Въ каждой бороздѣ, въ чащѣ мелкой травы, въ озимяхъ слышатся пискъ, шорохъ. Далеко въ рощахъ воркуетъ горлинка и перелетаютъ съ мѣста на мѣсто дикіе голуби. Все оживаетъ: въ самой тонкой вѣткѣ, въ самыхъ пѣжныхъ стебелькахъ движется свѣжій сокъ, хлынувшій изъ корня, которому такъ тепло теперь подъ землею, нагрѣтою солнцемъ. Мириады насѣкомыхъ роями жужжатъ въ воздухѣ, снуютъ и качаются на гибкихъ травкахъ молодой зелени.

Солнце вездѣ и всюду: солнце насквозь пронизываетъ густыя чащи, не успѣвшія еще заслониться листомъ; солнце донимаетъ въ глубинѣ лѣсовъ и овраговъ остатки рыхлаго, почернѣвшаго снѣга; солнце яркими лучами обливаетъ поля, гдѣ сквозь рѣдкую еще зелень блистаютъ новые отпрыски озимаго хлѣба и желтѣетъ прошлогоднее дотлѣвающее жнивье. Съ какимъ наслажденіемъ выставляешь на внешнее солнце спину и обнаженную руку! Въ воздухѣ уже не чувствуешь той проникающей сырости, которая замѣтна въ первую весеннюю пору, когда рѣки въ разливѣ: рѣки вступили въ берега свои. Вода сквозитъ и отражаетъ чистую синеву неба; лѣса — особенно, если смотрѣть на нихъ съ боку — видимо почти опушились. Еще два-три такіе дня, и птицы, которыя поминутно встрѣчаются съ соломинкой или перышкомъ въ носу, начнутъ вить свои гнѣзда въ защитѣ подъ куполами и сводами молодыхъ листьевъ.

Появленіе весны.

Табл. 20.

Гонимы внешними лучами,
Съ окрестныхъ горъ уже снѣга
Сбѣжали мутными ручьями
На потопленные луга.
Улыбкой ясною природа
Сквозь сонъ встрѣчаетъ утро года;
Синѣя, блещутъ небеса.
Еще прозрачные лѣса
Какъ будто пухомъ зеленѣютъ.
Пчела за данью полевой
Летитъ изъ кельи восковой.
Долины сохнуть и пестрѣютъ;
Стада шумятъ, и соловей
Ужъ пѣлъ въ безмолвіи ночей.

Пушкинъ.

Весна.

Табл. 20.

Пригрѣло весеннее солнышко, растопило снѣгъ на поляхъ, напоило влагою землю и проснулася земля-кормилица отъ долгаго зимняго сна. Воздухъ полонъ тепла и свѣта: небо раскинулось яснымъ бирюзовымъ шатромъ надъ рѣкою и смотрится въ ея прозрачную глубь; молодая яровая зелень роскошнымъ ковромъ одѣла луга, бархатнымъ покрываломъ легла на лѣса и сады. Цвѣтовъ еще мало, но уже кое-гдѣ проглядываютъ бѣлыя анемоны, желтый цикорій, лиловые глазки фіалки. Въ воздухѣ стоитъ благоуханіе распускающихся почекъ, носятся стаи прилетѣвшихъ птицъ; слышится ихъ звонкое щебетанье: вонъ несутся журавли своимъ правильнымъ треугольникомъ, а жаворонки, ласточки, стрижи уже давно вьютъ гнѣзда. Повеюду закипѣла жизнь. Крестьяне выѣхали въ поле: дядя Семенъ пашетъ свою десятину, взрывая за собою длинныя борозды въ рыхлой почвѣ; тетка Анисья, на другомъ участкѣ, боронитъ поле, которое только что вспахалъ ея деверь; а вотъ и онъ ходить съ лукошкомъ, полною горстью разбрасываетъ сѣмена по гладкому черному пространству. — Вдали слышится громкая переливчатая пѣсня — это другой сосѣдъ пашетъ свое поле. По дорогѣ тянется возъ съ мебелью: горожане ѣдутъ на дачу, которая виднѣется вдали, между деревьями. На рѣчкѣ тоже людно: къ берегу причалила барка съ лѣсомъ — собираются строить домъ — барку разгружаютъ; по мосткамъ идетъ мужикъ и тащить ношу за плечами, а на берегу стоитъ уже почти нагруженный возъ. Къ баркѣ причалила лодка съ мужиками, а вдали виднѣется пароходъ и множество судовъ — бѣлые паруса ихъ, какъ крылья огромныхъ птицъ, обрисовываются на горизонтѣ. На другомъ берегу рѣки пасутся коровы и посвоему наслаждаются весною, а вдали раскинулось богатое село съ большою красивою церковью. Все кажется такимъ новымъ, яркимъ въ этомъ тепломъ весеннемъ воздухѣ, при этой ясной синевѣ лазури, при этихъ яркихъ нѣжно-зеленыхъ оттѣнкахъ луговъ и лѣсовъ — не даромъ весною легче дышется, лучше живется!

* * *

Пища растеній.

Табл. 20.

Появились облачки на свѣтломъ небѣ; взгромоздились они въ темныя тучи; а къ вечеру освѣжающій дождь напоилъ и луга, и нивы. Повеселѣли поблекшія полевые растенія; невидимо потянули они своими тоненькими корешками питательные соки изъ размякшей почвы. Трава зазеленѣла; цвѣты приподняли головки; яркіе листья на деревьяхъ жадно впитываютъ влажный воздухъ. Весело заколыхались на нивахъ и рожь, и ячмень, и пшеница: стали быстро наливаться зернышки въ усатыхъ колосьяхъ.

Ушинскій.

Сѣнокосъ.

Табл. 20 и 21.

Пахнетъ сѣномъ надъ лугами...
Въ пѣснѣ душу веселя,
Бабы съ граблями рядами
Ходятъ, сѣно шевеля.

Тамъ сухое убираютъ, —
Мужички его кругомъ
На возъ вилами кидаютъ;
Возъ растеть, растеть, какъ домъ.
Въ ожиданьи конь убогій,
Точно вкопанный, стоитъ:
Уши врозь, дугою ноги,
И какъ-будто стоя спитъ.
Только жучка удалая
Въ рыхломъ сѣнѣ, какъ въ волнахъ,
То взлетая, то ныряя,
Скачетъ, лая впопыхахъ.

Лѣтомъ.

Табл. 20 и 21.

Зарумянились вишня и слива,
Налилась золотистая рожь,
И, какъ море, волнуется нива,
И въ травѣ на лугахъ не пройдешь.
Солнце ходитъ высоко надъ сводомъ
Раскаленныхъ отъ зноя небесъ.
Пахнетъ липа душистая медомъ,
И шумитъ, полный сумрака, лѣсъ.
Облаковъ золотыя волокна
Ввечеру весь облигуть закатъ,
И съ полей въ растворенныя окна
Понесется сильнѣйшій ароматъ.

Май.

Табл. 20 и 21.

Дождались мы свѣтлаго мая;
Цвѣты и деревья цвѣтутъ;
И по небу синему, тая,
Румяныя тучки плывутъ.

Мей.

Сѣвъ.

Табл. 20 и 21.

Какъ только прояла земля, начались полевые работы, то есть посѣвъ яроваго хлѣба, и отецъ сталъ ѣздить всякій день на пашню. Всякій день я просился съ нимъ, и только одинъ разъ отпустила меня мать. Видъ весеннихъ полей скоро привлекъ мое вниманіе, и радостное чувство овладѣло моею душой. Поднимаясь отъ гумна на гору, я увидѣлъ, что всѣ долочки весело зеленѣли сочной травой, а гривы или кулиги дикаго персика, которыя тянулись по скатамъ крутыхъ холмовъ, были осыпаны розовыми цвѣточками, издававшими сильный ароматическій запахъ. На горахъ расцвѣтала вишня и дикая акація, или чилижнинецъ. Жаворонки такъ и разсыпались пѣснями вверху; иногда пронесился крикъ журавлей; вдали заливался звонкими трелями кроншнепъ; стрепета поднимались съ дороги и тутъ-же садились. Не одинъ разъ отецъ говорилъ: „жалко, что нѣтъ

ружья“. Это был особый птичий мир, совсем не похожий на тот, который под горою населял воды и болота, и он показался мне еще прекраснее. Тут только, на горѣ, почувствовал я неизмеримую разность между атмосферами внизу и вверху! Там пахло стоячею водой, тяжелою сыростью, а здѣсь воздухъ былъ сухъ; ароматенъ и легокъ; тутъ только я почувствовала справедливость жалобъ матери на низкое мѣсто въ Багровѣ. Вскорѣ зачернѣли полосы вспаханной земли, и подѣхавъ, я увидѣла, что крестьянинъ, уже не молодой, мѣрно и бодро ходитъ взадъ и впередъ по десятинѣ, разсеивая вокругъ себя хлѣбныя сѣмена, которыя доставалъ онъ изъ лукошка, висящаго у него черезъ плечо. Издали за нимъ шли три крестьянина за сохами; запряженные въ нихъ лошадки казались мелки и слабы, но онѣ, не останавливаясь и безъ напряженного усилія взрывали сошниками черноземную почву, разсыпая рыхлую землю направо и налево, разумѣется, не новъ, а мякоть, какъ называлась тамъ нѣсколько разъ паханная земля; за ними тащились три бороны съ желѣзными зубьями, запряженные такими же лошадами; ими управляли мальчики. Не смотря на утро и еще весеннюю свѣжесть, все люди были въ однѣхъ рубашкахъ, босикомъ съ непокрытыми головами. И весь этотъ повидимому тяжелый трудъ производился легко, бодро и весело. Глядя на эти правильно и непрерывно движущіяся фигуры людей и лошадей, я забыла окружающую меня красоту весенняго утра. Важность и святость труда, которыхъ я не могъ тогда вполне ни понять, ни оцѣнить, однако глубоко поразили меня. Отецъ пошелъ на вспаханную десятину, сталъ что-то мѣрить своей палочкой и считать, а я, оглянувшись вокругъ себя и увидя, что въ разныхъ мѣстахъ много людей и лошадей двигались такъ-же мѣрно и въ такомъ-же порядкѣ взадъ и впередъ, я крѣпко задумалась, самъ хорошенько не зная о чемъ.

Аксаковъ.

Обработка поля.

Табл. 20 и 21.

Сынъ видитъ, какъ поле отецъ удобряетъ,
Какъ въ рыхлую землю бросаетъ зерно,
Какъ поле потомъ зеленѣть начинаетъ,
Какъ колосъ растеть, наливаєтъ зерно.
Готовую жатву подрѣжутъ серпами,
Снопъ перевяжутъ, на ригу сvezутъ,
Просушатъ, колотятъ, колотятъ цѣпами,
На мельницѣ смелютъ и хлѣбъ испекутъ.

Некрасовъ.

Нива.

Табл. 20 и 21.

Вотъ по распаханной, черной полянѣ,
Землю взрывая, бредутъ поселяне —
Весело видѣть семью поселянъ
Въ землю бросающихъ горсти сѣмянъ!
Дорого-любо, кормилица нива,
Видѣть, какъ ты колосишься красиво,

Какъ ты, янтарнымъ зерномъ налита,
Гордо стоишь, высока и густа!
Но веселѣй вѣтъ поры обмолата:
Легкая дружно спорится работа;
Вторить ей эхо лѣсовъ и полей,
Словно кричить: „поскорѣй! поскорѣй!“
Звукъ благодатный! Кого онъ разбудитъ,
Вѣрно весь день тому весело будетъ!
Саша проснется — бѣжитъ на гумно.
Солнышка нѣтъ — ни свѣтло, ни темно,
Только-что шумное стадо прогнали.
Какъ на подмерзлой грязи натоптали
Лошади, овцы!.. Парнымъ молокомъ
Въ воздухъ пахнетъ. Мотая хвостомъ,
За нагруженной снопами телѣгой
Чинно идетъ жеребеночекъ пѣгой,
Паръ изъ отворенной риги валитъ,
Кто-то въ огнѣ тамъ у печки сидитъ.
А на гумнѣ только руки мелькаютъ,
Да высоко молотила взлетаютъ,
Не успѣваетъ улечься ихъ тѣнь.
Солнце взошло — начинается день...

Некрасовъ.

Лѣто.

Табл. 20 и 21.

Знойно. Не шелохнетъ ни одинъ листокъ. Въ полѣ травка сохнетъ, обмелѣлъ потокъ. Подъ густыя липки дѣтки скрылись въ тѣнѣ, — въ озерѣ, какъ рыбки, плещутся весь день. Вдругъ въ лицо пахнуло будто вѣтеркомъ! За лѣсомъ сверкнуло, слышенъ дальній громъ.

Засуха.

Табл. 20 и 21.

Ни тучки, ни вѣтра, и поле молчитъ,
Горячее солнце и жжетъ, и палитъ.
И пылью покрытая, будто мертва,
Стоитъ неподвижно подъ зноемъ трава.
И слышится только въ молчаніи дня
Веселыхъ кузнечиковъ звонъ-трескотня.

Нива.

Табл. 20 и 21.

По нивѣ прохожу я узкою межой,
Порошей кашкою и цѣпкой лебедой.
Куда ни оглянусь, повсюду рожь густая!
Иду, съ трудомъ ее руками разбирая.
Мелькаютъ и жужжатъ колосыя предо мной
И колотъ мнѣ лицо... Иду я, наклоняясь,
Какъ будто бы отъ пчелъ тревожныхъ отбиваясь,
Когда, перескочивъ чрезъ ивовый плетень,
Средь яблонь въ пчельникѣ проходишь въ ясный день.

О, Божья благодать! О, какъ прилечь отрадно
 Мнѣ въ тѣнь высокой ржи, гдѣ сыро и прохладно!
 Заботы полные, колосья надо мной
 Бесѣду важную ведутъ между собой.
 Имъ внемля, вижу я — на всемъ полей просторѣ
 И жницы, и жнецы, ныряя точно въ морѣ,
 Ужъ вяжутъ весело тяжелые снопы;
 Вотъ по зарѣ стучать проворные цѣпы;
 Въ амбарахъ воздухъ полнъ и розана, и меда;
 Вездѣ скрипятъ возы; средь шумнаго народа
 На пристаняхъ кули валятся; вдоль рѣки
 Гуськомъ, какъ журавли, проходятъ бурлаки,
 Нагнувши головы, плечами напирая,
 И длинной бичевой по влагѣ ударяя.

Майковъ.

Колосья.

Табл. 20 и 21.

Въ чистомъ полѣ легкій вѣтеръ
 Гнетъ колосики волной.
 И по нивѣ золотистой
 Точно стелеть пеленой.
 Вотъ гречиха ужъ поспѣла,
 Кашей темною дрожитъ,
 Вся отъ солнца загорѣла,
 Не бѣлѣетъ, не блеститъ.
 Вотъ и матушка-пшеница
 Все любитъ себя собой,
 Точно красная дѣвица
 Подъ прозрачною фатой.
 Зарябился, зажелтѣлся,
 Словно перышки разнесъ,
 Золотой парчей одѣлся
 Раскудрявленный овесъ.
 И ячень, какъ котъ сибирскій,
 Долгимъ усомъ шевелитъ,
 Чудный ростомъ богатырскимъ,
 Статнымъ молодцемъ глядитъ.
 Будто солнцу улыбаясь,
 На соломяхъ молодой
 Дремлетъ, медленно качаясь,
 Ржи колосикъ золотой.

Нива.

Табл. 20 и 21.

Нива, моя нива, нива золотая! зрѣешь ты на солнцѣ, ко-
 лось наливая. По тебѣ отъ вѣтру, словно съ синемъ морѣ,
 волны такъ и ходятъ, ходятъ на просторѣ; надъ тобою съ пѣней
 жаворонокъ вьется, надъ тобой и туча грозно пронесется. Зрѣешь
 ты и спѣешь, колосья наливая, о людскихъ заботахъ ничего
 не знаа. Унеси ты, вѣтеръ, тучу градовую; сбереги намъ, Боже,
 ниву трудовую.

Колыцовъ.

Уборка хлѣба.

Табл. 21.

Хлѣбная уборка была во всемъ разгарѣ. Необозримое, бле-
 стящее желтое поле замыкалось только съ одной стороны высо-
 кимъ синѣющимъ лѣсомъ, который казался мнѣ самымъ отдален-
 нымъ, таинственнымъ мѣстомъ, за которымъ или кончается свѣтъ,
 или начинаются необитаемыя страны.

Все поле было покрыто копнами и народомъ. Въ высокой
 густой ржи видѣлись кой-гдѣ, на выжатой полосѣ, то согнутая
 спина жницы, то взмахъ колосьева, когда она перекалывала
 ихъ между пальцевъ, и разбросанные снопы по усѣянному ва-
 силками жнивью. Въ другой сторонѣ мужики въ однихъ руба-
 хахъ, стоя на телѣгахъ, накладывали копны и пылили по су-
 хому, раскаленному полю.

Аксаковъ.

На току.

Табл. 21.

— „А хочешь посмотрѣть, Сережа, какъ молотятъ гречу?“
 спросилъ меня отецъ.

— Разумѣется, я отвѣчалъ, что очень хочу, и мы поѣхали.

Еще издали слышали мы глухой шумъ, похожий на то-
 потъ многихъ ногъ, который вскорѣ заглушился звуками голо-
 совъ.

На одной изъ десятинокъ былъ расчищенъ токъ, гладко вы-
 метенный. На немъ высокою грядой лежала гречневая солома,
 по которой ходило взадъ и впередъ болѣе тридцати цѣповъ. Я
 долго съ изумленіемъ смотрѣлъ на эту невиданную мною работу.
 Стройность и ловкость мѣрныхъ, быстрыхъ ударовъ привели
 меня въ восхищеніе. Цѣпы мелькали, взлетая и падая другъ
 возлѣ друга, и ни одинъ не зацѣплялъ за другой, между тѣмъ
 какъ рабочіе не стояли на одномъ мѣстѣ, а то подвигались вне-
 редъ, то отступали назадъ. Такое искусство казалось мнѣ не-
 постижимымъ.

Чтобъ не прерывать работы, отецъ не здоровался, покуда
 не окончили полосы или ряда. Когда дошли до края, мы оба съ
 отцомъ сказали обычное: „Богъ на помощь!“ и получили обык-
 новенный благодарственный отвѣтъ многихъ голосовъ.

На другомъ току двое крестьянъ вѣяли ворохъ обмолочен-
 ной гречи; вѣтерокъ далеко относилъ всякую дрянъ и тощія,
 легкія зерна, — а полныя и тяжелыя косымъ дождемъ падали
 на землю; третій крестьянинъ обметалъ метлою соръ.

Аксаковъ.

Осень.

Табл. 21.

Вотъ ужъ и Троицынъ день миновался, и сѣно скосили;
 Собраны вишни; въ саду ни одной не осталось сливы;
 Вотъ ужъ пожали и рожь, и ячень, и пшеницу, и просо.
 Ужъ и на жнивю собирать босикомъ ребятишки сходились
 Колосья оброненный; имъ помогла тихомолкомъ и мышка...

Что-то былиночка дѣлаетъ? О, ужь давно пополнѣла;
 Много, много въ ней зернышекъ; гнется и думаетъ: „полно,
 Время мое миновалось! зачѣмъ мнѣ одной оставаться
 Въ полѣ пустомъ межъ картофелемъ, пухлою рѣпой и свеклой?“
 Вотъ съ сернами пришли и Иванъ, и Лука, и Дуняша.
 Ужъ и морозъ покусалъ имъ утромъ и вечеромъ пальцы.
 Вотъ и снопы ужъ сушили въ овинѣ; уже молотили
 Съ трехъ часовъ по утру до пяти по полудни на ригѣ;
 Вотъ и гнѣдко потащился на мельницу съ возомъ тяжелымъ.
 Вотъ началъ жерновъ молотъ, и зернышки стали мукою.
 Вотъ молочка надоила отъ пестрой коровки родная
 Полный горшечекъ, сварила кисель, чтобъ дѣтушкамъ кушать.
 Дѣтушки скушали, ложки обтерли, сказали: спасибо!

Жуковский.

И'в ушка.

Табл. 20.

Ивушка, ивушка зеленая моя!
 Что же ты, ивушка, не весела стоишь?
 Или тебя, ивушку, солнышкомъ печеть;
 Солнышкомъ печеть, частымъ дождичкомъ сѣчетъ;
 Подъ корешокъ ключева вода течеть?
 Ъхали бояре изъ Новагорода:
 Срубили ивушки подъ самый корешокъ;
 Стали они ивушку потесывать,
 Сдѣлали изъ ивушки два весла,
 Два весла, третью лодочку;
 Сѣли въ лодочку, поѣхали домой;
 Взяли, подхватили меня молодца, съ собой.

Народное.

Васильки.

Табл. 20.

„Какъ мало въ этомъ году во ржи васильковъ“ — говорили
 дѣти. — „Какъ бы мнѣ совсѣмъ вывести эти васильки“ — думалъ
 отецъ.

Колокольчики.

Табл. 21.

Колокольчики мои,
 Цвѣтики степныя!
 Что глядите на меня,
 Темноглубые?
 И о чемъ звените вы
 Въ день веселый мая,
 Средь некошенной травы
 Головой качая?

Ранній цвѣтокъ.

Табл. 21.

„Скажи, фіалка, отчего
 Такъ рано къ намъ ты воротилась,
 Когда въ поляхъ ни одного
 Еще цвѣтка не распустилось?“
 — „Бѣдна нарядомъ и мала,
 Я межъ другихъ цвѣтовъ не зрима,
 И еслибъ съ ними я цвѣла,
 Ты, можетъ быть, прошелъ бы мимо!“

Фіалка.

Табл. 21.

Я видывалъ въ полѣ цвѣточекъ весной:
 Зеленая ножка, глазокъ голубой.
 Въ травѣ онъ чуть виденъ, не пышно растеть,
 Но пахнетъ прекрасно, хоть скромно цвѣтеть.

Птицы пѣвчія.

Табл. 20.

Скоро весна. Дни уже давно прибавляются, и подходитъ
 ясное время свѣтлыхъ ночей. Зимой все тихо, но не мертво, а
 какъ во снѣ или будто притаилось. Какъ только солнышко хоро-
 шенько пригрѣло — долой снѣговое одѣяло! — все встрепенулось
 и понеслась чудная пѣсня.

Прежде всѣхъ, когда еще холодно, да ужь не позимнему,
 когда морозы поотлегли и въ воздухѣ запахло сыростью,
 начинаютъ пѣть воробьи. У всякаго воробья нѣтъ своей пѣсни:
 врозь они только чирикаютъ да стрекочутъ, а хоровая выходитъ
 у нихъ хорошо. Посядутъ на кусту или на деревѣ, только не
 на высококомъ, и начнутъ стрекотать всѣ вмѣстѣ. У насъ гово-
 рится, что это они пиво варятъ, весну встрѣчать собираются.

При первыхъ оттепеляхъ, еще не весной, на опушкахъ, по
 рябинамъ, пробираются на сѣверъ свиристели, красиво пересы-
 паются по дереву цѣлымъ стадечкомъ и пищатъ такъ тонко,
 будто по стеклу иглой проводяшь.

На взгорьяхъ и по полямъ еще не видать проталинъ, а
 подкоренки пищатъ уже возлѣ самой земли, лазоревки твиль-
 каютъ по ольховымъ кустамъ, а отъ коноплянокъ, чечетовъ,
 пѣночекъ, чекановъ, заворушекъ и разныхъ другихъ пташекъ
 ожили опушки, зацѣли перелѣски. Но все это еще не пѣвчія
 птички: иная только поведетъ голоскомъ; да и полно; другая
 только звенитъ словно колокольчикъ; третья чирикаетъ, чет-
 вертая будто ищетъ чего-то и жалостно такъ тоненькимъ голо-
 сомъ все спрашиваетъ.

*

Птичка.

Табл. 20.

Пахнетъ полемъ воздухъ чистый.
Въ безмятежной тишинѣ,
Пѣсни птички голосистой
Раздаются въ вышинѣ.

Есть у ней своя подруга,
Есть у ней пріютъ ночной,
Средь некошеннаго луга
Подъ росистою травой.
Въ небесахъ, но не для неба,
Вся полна живыхъ заботъ,
Для земли, не ради хлѣба,
Птичка весело поѣтъ.

Внемя ей, неволью стыдно
И досадно, что порой
Сердцу гордому завидна
Доля птички полевой.

Птицеловъ.

Табл. 20.

Онъ жилъ въ своемъ домишкѣ. Ходилъ зимой и лѣтомъ въ халатишкѣ, щегловъ, чижей, синицъ ловилъ... Бывало раннею зарею въ лѣсъ проберется съ западнею, да съ сѣтью — холоды ни почемъ! Разставитъ сѣть, а съ птицей онъ повѣситъ клѣтку знаешь ты, на вѣтку и на сторожѣ за кустомъ, дрожить въ снѣгу... Одну заботу, куда кончился, имѣлъ... Кончатся сталь, какъ закричитъ: „Жена! пусти на волю дѣтокъ!“ — „Какихъ тамъ дѣтокъ?“ — „Моихъ-то вонъ, моихъ изъ клѣтокъ!“... Какихъ на свѣтѣ нѣтъ людей!

Птички пѣвчія.

— Птички пѣвчія! птички пѣвчія! — выкрикиваетъ Ваня, нося по городу цѣлую связку большихъ и маленькихъ деревянныхъ клѣтокъ. Изъ дня въ день Ванинъ отецъ ловитъ ихъ въ лѣсу, за городомъ и силками, и ловушками, и сѣтями: ни онъ, ни Ваня, ни покупатели не думаютъ о томъ, сколько горя, можетъ быть, въ этихъ пѣсняхъ, сколько тоски по родному лѣсу, по бѣднымъ сиротамъ, по волѣ... Людямъ нравится пѣніе птичекъ, и они безжалостно отнимаютъ у нихъ свободу, а, между тѣмъ, у cadaго пѣвца есть свой родимый уголокъ, своя семья, свои привычки и обычаи — кто хочетъ познакомиться съ ними, пусть слѣдуетъ за нами въ чащу зеленаго лѣса, или на поле въ гости къ веселому пѣвчему народцу, къ чижамамъ и малиновкамъ, синичкамъ и овсянкамъ, соловьямъ и жаворонкамъ.

Жаворонокъ.

На ржаномъ полѣ, на небольшомъ холмикѣ, въ чуть замѣтномъ углубленіи набросана беспорядочная кучка травы, мха, соломинокъ, перепутанныхъ волосками и хлопками. Это гнѣздо жаворонка. Коричнево-сѣрая, незатѣйливая одежда, довольно

большая голова, короткій клювъ, мозолистыя ноги съ длинными шпорцами, длинныя, здоровыя крылья, короткій, но широкій хвостъ — самая неказистая наружность, но зато какой голосъ! Вотъ онъ поднялся изъ ржи, описываетъ круги спиралью — все выше, выше исовсѣмъ пропалъ изъ глазъ, а переливчатая пѣсня его такъ и виситъ въ воздухѣ, такъ и растетъ громче, сильнѣе разсыпчатѣе. Но жаворонокъ не только пѣвецъ — онъ и искусный ходокъ и ловко перебѣгаетъ во ржи или въ овеѣ, гоняясь за жучками, стрекозами и бабочками. Жаворонокъ не брезгуетъ впрочемъ и зернами — онъ глотаетъ ихъ цѣльными и проглатываетъ песчинки и камешки, которые перетираютъ у него въ желудкѣ пищу, какъ жерновомъ. Воды онъ не любитъ, а купается, какъ буй: въ песокъ зароется брюшкомъ въ свою песчаную ванну, а ногами взбрасываетъ на себя песокъ. На нашемъ ржаномъ полѣ живетъ цѣлое селеніе жаворонковъ — одно гнѣздо расположено въ нѣкоторомъ разстояніи отъ другаго, точно господскія усадьбы. Весь маленькій народецъ живетъ другъ съ другомъ мирно. Каждый отлично знаетъ свои владѣнія и не мѣшаетъ сосѣду. Но вотъ пришелъ опять птицеловъ и разстроилъ мирную жизнь птичекъ: онъ накрылъ поле сѣтью — бѣдныя птички всѣ позапутались въ нитяныхъ петляхъ, и ихъ повыбрали оттуда руками штукъ до двадцати заразъ. Хорошо еще, если бѣдныя птички пойдутъ не на жаркое — ихъ жирныя, вкусныя тѣльца очень лакомое блюдо.

Ванеръ.

Пѣсня жаворонка.

На солнцѣ темный лѣсъ зардѣлъ,
Въ долину паръ бѣлѣетъ тонкій
И пѣсню раннюю запѣлъ
Въ лазури жаворонокъ звонкій.
Онъ голосисто съ вышины
Поетъ, на солнышкѣ сверкая:
„Весна пришла къ намъ молодая!
Я здѣсь пою приходъ весны.
Здѣсь такъ легко мнѣ, такъ радушно,
Такъ безпредѣльно, такъ воздушно,
Весь Божій міръ здѣсь вижу я —
И славить Бога пѣснь моя!“

Куропатка.

Табл. 20.

Если вы захотите посмотрѣть куропатокъ, то не ищите ихъ въ глубинѣ лѣсовъ; онѣ любятъ поля, засеянные хлѣбомъ или поросшія травой и кустарникомъ. Здѣсь онѣ достаточно находятъ насѣкомыхъ, зеренъ и листьевъ, которыми онѣ питаются. Летаютъ онѣ рѣдко и если имъ встрѣчается надобность подняться съ земли, то онѣ взлетаютъ невысоко и улетаютъ недалеко. На дерево куропатки садятся рѣдко и охотнѣе всего остаются на землѣ.

Повидимому, онѣ сильно привыкаютъ къ мѣсту и, поселясь на какомъ нибудь полѣ, не скоро ужъ оставляютъ его. Семья куропатокъ считаетъ уголокъ земли, на которомъ она посели-

лась, — своимъ и не допускаетъ другихъ птицъ даже такихъ-же куропатокъ садиться на томъ же полѣ.

Пришлецы встрѣчаютъ самый сильный отпоръ отъ хозяевъ поля и должны вынести бой, если хотятъ поселиться въ сосѣдствѣ съ ними.

Здѣсь среди поля, въ густой и высокой травѣ самка устраиваетъ свое гнѣздо. Гнѣздо ея — это простое углубленіе въ землѣ, выстланное нѣсколькими мягкими стеблями. Сложивъ въ нее лица, самка начинаетъ терпѣливо высидывать ихъ. Самецъ все это время стоитъ на сторожѣ; чуть увидитъ онъ какую нибудь опасность, какъ тотчасъ начинаетъ хлопотать о томъ, чтобъ не дать врагу замѣтить гнѣзда, а привлечь его вниманіе къ себѣ и заманить его куда нибудь подалеке. Когда ему удастся это, онъ взлетаетъ на воздухъ и возвращается къ гнѣзду.

Цыплята куропатки скоро покидаютъ гнѣздо. Скорлупка еще не вся отвалилась, а они все уже начинаютъ ходить и вскорѣ выучиваются понимать голоса своихъ родителей. Много хищниковъ не прочь было бы полакомиться мясомъ молодой куропатки.

Коршуны, соколы, вороны и многія другія птицы не пропустятъ случая утащить цыпленка, и родителямъ приходится быть все время внимательными, чтобы не прозвѣвать врага. Чуть они замѣтити опасность, какъ мать условнымъ крикомъ сзываетъ своихъ птенцовъ и быстро причетъ ихъ каждаго отдѣльно, кого въ траву, кого въ кусты, кого въ случившуюся подъ бокомъ ямку. Тихо, не шевелясь, ни однимъ звукомъ не обнаруживая своего существованія, сидятъ птицы въ своихъ углахъ, ожидая новаго крика родителей, извѣщающихъ ихъ о томъ, что опасность миновалась. А въ это время отецъ и мать хитростію заманиваютъ врага въ другую сторону, и, говоря, рѣдко кто изъ нихъ не поддается ловкому обману.

Со временемъ когда цыплята подростутъ, оберегать ихъ становится уже не такъ нужно. При малѣйшей опасности они сами разлетятся въ разныя стороны и попрячутся такъ, что ихъ и не сыщешь.

Но вотъ наступаетъ зима и плохо приходится тогда куропаткамъ. Пока снѣгъ еще не глубокъ и рыхлъ, онѣ могутъ добывать себѣ пищу, разрывая его. Но когда отъ морозовъ снѣгъ уплотнится и смерзнется, тогда послѣднее средство для прокормленія семьи пропадаетъ, и куропаткамъ приходится голодать. Въ это время онѣ легче всего попадаютъ въ руки всехъ тѣхъ, кто лакомъ до куропачьяго мяса. Оставаться среди полей становится невозможно, куропатки приближаются къ жилью человѣческому, показываются въ садахъ, на задворкахъ, всюду, гдѣ могутъ найти случайно просыпанныя рукою человѣка зерна.

Куропатки — птицы очень заботливыя и ласковыя. Онѣ не только ухаживаютъ другъ за другомъ и за дѣтьми, но берутъ въ свою семью осиротѣлыхъ цыплятъ и пекутся о нихъ, какъ о своихъ собственныхъ. Ту же заботливость другъ о другѣ замѣчали и между подростшими цыплятами, когда они оставались безъ родителей. Къ человѣку куропатки точно также могутъ привыкать, и сдѣлавшись ручною, куропатка чувствуетъ къ людямъ большую дружбу. Одна куропатка привязалась къ мальчику. Когда онъ уходилъ изъ дому, она провожала его до дверей, взлетала на нихъ и подымала крикъ. Вернувшись въ комнату, она еще съ четверть часа оставалась безпокойною, ме-

талась по комнатѣ, подбѣгала къ двери и т. п. Успокоясь немного, она снова подымала суматоху, когда ей слышались его шаги. Она бросалась къ дверямъ, ждала его и, замѣтивъ ошибку, возвращалась назадъ. Когда же онъ возвращался, радости ея не было конца: она бѣжала къ нему навстрѣчу, дергала за платье. Разъ она услышала его плачь. Она быстро прибѣжала къ нему, стала кружиться вокругъ него, сѣла ему на руку, заглядывала въ лицо, кивала головой издавала нѣжные звуки. Словомъ, она всячески выражала ему свое участіе.

Какъ хомякъ лишился своей шубы.

Табл. 20.

Разъ пришла къ хомяку въ гости голодная мышка. Ей хотѣлось поѣсть немного зеренъ изъ его запасовъ. У! съ какой яростію бросился онъ на малютку. Поймай онъ мышку, — онъ съѣлъ бы ее. Та задрожала и едва нашла выходъ. Но въ то время, какъ она выскочила изъ норы хомяка и торопилась въ свою норку, увидалъ ее крестьянинъ. Онъ работалъ въ это время на полѣ и ясно слышалъ, какъ разъяренный хомякъ злился въ своемъ жилищѣ.

„Постой ты, старый воръ!“ думаетъ онъ, „ты здѣсь? Я тебѣ, скряга, приготовлю закуску!“ И въ самомъ дѣлѣ, онъ вырылъ недалеко отъ жилища хомяка яму и поставилъ въ нее большой горшокъ; въ горшокъ насыпалъ онъ немного земли, а сверху нея нѣсколько горстей хлѣбныхъ зеренъ. Потомъ онъ кладетъ сверху камень и подпираетъ его палочкой, но такъ, чтобы камень упалъ, лишь только дотронутся до палочки. По окончаніи этого дѣла крестьянинъ отправился домой.

Хомякъ нашъ выходитъ изъ своего жилища. Онъ видитъ посыпанныя зерна и по нимъ, какъ по слѣдамъ, идетъ къ горшку. Какъ дрожитъ онъ отъ жадности! — онъ увидалъ въ горшкѣ кучу зеренъ. Нисколько не думая бросился онъ на нихъ, вскопчилъ въ горшокъ и былъ пойманъ, потому что тяжелая крышка захлопнулась.

На другой день приходитъ съ заступомъ крестьянинъ, разрываетъ жилище хомяка и выбираетъ наворованныя имъ зерна. Потомъ беретъ изъ горшка хомяка и убиваетъ его. Въ заключеніе онъ снимаетъ съ хомяка шкуру и продаетъ.

Вагнеръ.

Ручной зайчикъ.

Табл. 20.

Выѣхали охотники въ лѣсъ, затрубили въ рога и выпустили собакъ. Бросились зайцы бѣжать отъ своихъ злыхъ враговъ. Погнались собаки за однимъ зайцемъ, а онъ бросился отъ нихъ въ воду, доплылъ до острова и спрятался тамъ подъ скалу. Погнались собаки за другимъ, а онъ забѣжалъ въ стадо овецъ и тамъ притаился. Собаки его не замѣтили и пробѣжали мимо.

Въ лѣсу остались одни маленькіе зайчата. Охотники забрали ихъ въ мѣшокъ и принесли домой. Одного изъ нихъ стали учить стрѣлять изъ игрушечнаго пистолета — и зайчикъ выучился этому. Стали его учить играть на барабанѣ — онъ и этому

выучился. Былъ у этого зайчика и другъ постоянный — собачка Жучка. Съ нею онъ бѣгалъ и игралъ по цѣлымъ днямъ. Это былъ добрый и преумный зайчикъ. *

Зайцы.

Табл. 20.

Зайцы по ночамъ кормятся корою деревьевъ; зайцы полевые — озимыми и травой, гуменики — хлѣбными зернами на гумнахъ. За ночь зайцы прокладываютъ по снѣгу глубокой, видный слѣдъ. До зайцевъ охотники и люди, и собаки, и волки, и лисицы, и вороны, и орлы.

Если бы заяцъ ходилъ просто и прямо, то поутру его сейчасъ бы нашли по слѣду и поймали; но Богъ далъ зайцу трусость, — и трусость спасаетъ его.

Заяцъ ходитъ ночью по полямъ и лѣсамъ безъ страха и прокладываетъ прямые слѣды, но какъ только приходитъ утро, враги его просыпаются, заяцъ начинаетъ слышать то лай собакъ, то визгъ саней, то голоса мужиковъ, то трескъ волка по лѣсу, и начинаетъ отъ страха метаться изъ стороны въ сторону. Проскачетъ впередъ, испугается чего нибудь и побѣжитъ назадъ по своему слѣду. Еще услышитъ что-нибудь и со всего размаха прыгнетъ въ сторону и поскачетъ прочь отъ прежняго слѣда. Опять стукнетъ что-нибудь, опять заяцъ повернетъ назадъ и опять поскачетъ въ сторону. Когда свѣтло станетъ, онъ ляжетъ.

На утро охотники начинаютъ разбирать заячій слѣдъ, путаются по двойнымъ слѣдамъ и далекимъ прыжкамъ и удивляются хитрости зайца. А заяцъ и не думалъ хитрить. Онъ только всего боится. *

Жалобы зайки.

Табл. 20.

Растужился, расплакался сѣренькій зайка, подъ кустикомъ сидючи, приговариваетъ.

„Нѣтъ на свѣтѣ доли хуже моей, сѣренькаго зайки! И кто только не точитъ зубовъ на меня! Охотники, собаки, волкъ, лиса и хищная птица: кривоносый ястребъ, пучеглазая сова; даже глухая ворона, и та таскаетъ своими кривыми лапами моихъ милыхъ дѣтушекъ — сѣренькихъ зайчатъ. Отовеюду грозить мнѣ бѣда, а защищаться-то нечѣмъ: лазить на дерево, какъ бѣлка, я не могу; рыть норъ, какъ кроликъ, не умѣю. Правда, зубки мои исправно грызутъ капусту и кору гложутъ, да укусить смѣлости не хватаетъ. Бѣгать я таки мастеръ и прыгаю не дурно; но хорошо, если придется бѣжать по ровному полю или на гору; а какъ подъ гору — то и пойдешь кувыркомъ черезъ голову: переднія ноги не доросли.

„Все бы еще можно жить на свѣтѣ, еслибъ не трусость негодная. Заслышишь шорохъ — уши подымутся, сердчишко забьется, не взвидишь свѣта, ныркнешь изъ куста — да и угодишь прямо въ тенета или охотнику подъ ноги.

„Охъ плохо мнѣ сѣренькому зайкѣ! Хитришь, по кустикамъ причешься, по за кочками слоняешься, слѣды путаешь, а рано или поздно бѣды не миновать: и потащить меня кухарка на кухню за длинныя уши.

„Одно только и есть у меня утѣшеніе, что хвостикъ коростель: собакъ схватить не за что. Будь у меня такой хвостикъ какъ у лисицы, куда бы мнѣ съ нимъ дѣваться? Тогда бы, кажется, пошелъ и утопился“.

Ушинскій.

Зайка.

Табл. 20.

Зайка у елочки попрыгиваетъ,
Лапочкой объ лапочку поколачиваетъ:
„Экіе морозцы, прости Господи, стоятъ!
Елочки отъ холода подъ инеемъ трещатъ.
Елочки отъ холода потрескиваютъ,
Лапочки отъ холода советѣмъ свело.
Вотъ кабы мнѣ, зайкѣ, мужиченкомъ быть,
Вотъ кабы мнѣ, зайкѣ, да въ лапоткахъ ходить;
Жить бы мнѣ да грѣться въ избушечкѣ
Со своею хозяйшкочкой сѣренькой.
Пирогы бы мнѣ ѣсть, да все съ капустою,
Пирогы бы со сладкою морковкою.
На полатахъ зимушку пролеживать,
По морозцу въ саночкахъ покатывать“.

Народная.

Мышь-малютка.

Табл. 20.

Домашняя мышь — крошечное животное, а ея близкая родственница, мышь-малютка и того меньше. Вся то она не длиннѣе ширины двухъ пальцевъ взрослога человѣка; за то ея тонкій хвостикъ длиною съ указательный палецъ. Хотя мышь-малютка и очень мала ростомъ, но, благодаря умѣнью, живетъ не дурно. Случается, что она выкидываетъ подь-часъ такія штуки, какихъ не сумѣетъ сдѣлать ни одинъ самый искусный гимнастеръ. Она бѣгаетъ и скачетъ съ быстротой стрѣлы, и пріятно смотрѣть на нее, когда она игриво мелькаетъ то здѣсь, то тамъ. Весело рѣзвится она лѣтомъ по полямъ и лугамъ и роетъ въ землѣ длинныя ходы. Чуть завидитъ она издали кошку или лисицу, — какъ живо юркнетъ въ свою норку. Но врагъ удался, и она снова выходитъ на верхъ. Тутъ поймала она червяка, тамъ, въ перегонку съ воробьемъ, торопится подобрать нѣсколько хлѣбныхъ зернышекъ. Точно акробатъ, карабкается она по травянистому стебельку, который такъ и гнется во всѣ стороны подъ ея тяжестью.

Взобравшись на верхушку стебля, она опустошаетъ полный колось, а сама держится за стебель хвостикомъ точно такъ, какъ обезьяны въ жаркихъ странахъ держатся своими цѣпкими хвостами за древесныя сучья. Обыкновенныя полевая мышки устраиваютъ для дѣтенышей уютную земляную норку и выстилаютъ ее мхомъ и мягкою травкой; а мышь-малютка подражаетъ птицамъ: она строитъ свое гнѣздо, какъ дроздовидная камышевка, на верхушкѣ какого-нибудь стебля. Ловко таскаетъ она наверхъ волокна и листья и искусно переплетаетъ ихъ вокругъ травяныхъ стеблей. Снаружи шарообразное гнѣздо похоже на пучекъ завядшей травы, а внутри оно мягко и опратно вырав-

нено. Въ гнѣздышкѣ оставлено сбоку, для прохода, маленькое отверстіе. Въ то время, когда дождливая погода подвергает опасности дѣтенышей земляныхъ мышей и многихъ изъ нихъ заливаешь, молодымъ мышкамъ-малюткамъ совершенно сухо и безопасно въ ихъ крошечномъ воздушномъ замкѣ. Вѣтеръ покачиваетъ и убаюкиваетъ ихъ, а солнечные лучи пригрѣваютъ. Осенью приходятъ на поле поселяне съ серпами и быстрыми косами, а мышь-малютка спасается въ землю. Ея дѣтеныши проворно бѣгутъ за нею, такъ какъ къ этому времени они выросли и въ ловкости сравнялись съ родителями. Крестьянинъ увозитъ пшеничные снопы домой, на гумно, а если рига ужъ наполнена, то онъ въ самомъ полѣ строитъ громадную скирду, съ тѣмъ, чтобы убрать ее, когда у него освободится мѣсто на гумнѣ. Для мышки-малютки нѣтъ теперь пищи на старомъ мѣстѣ; да она знаетъ, какъ пособить этому горю. Тихо крадется она вездѣ за нагруженнымъ возомъ и незамѣтно проскользаетъ въ ригу, амбаръ или забирается въ скирду на полѣ.

Тамъ поселяется она глубоко внутри соломы. Зимой на дворѣ свищетъ вѣтеръ, падаетъ снѣгъ . . . а мышкѣ тепло и покойно. И зубамъ ея найдется работа до той поры, когда весеннее солнце снова пригрѣетъ землю, когда снова будетъ посѣяно и вырастетъ хлѣбъ и насѣкомыя очнутся отъ своего зимняго сна.

Ваннеръ.

Ручная мышка.

Табл. 20.

Въ одной тюрьмѣ сидѣлъ бѣдный заключенный. Онъ сильно скучалъ въ холодной и сырой своей каморкѣ. Но, вотъ, мышка прогрызла норку въ его тюрьму и высунула мордочку. Бѣднякъ не прогналъ ее, прикормилъ, и она векорѣ такъ привыкла къ нему, что сдѣлалась совсѣмъ ручнойю.

Часто мышка выбѣгала изъ своей норки, садилась на плечо товарищу, чистила лапками свою мордочку, пищала и суегиалась около него. Заключенный любовался маленькой мышкой, развлекался — и у него становилось на душѣ легче.

Подмѣтилъ однажды тюремщикъ это маленькое животное, унесъ ручную мышку къ себѣ; но мышка ушла отъ него и опять явилась въ тюрьмѣ своего товарища. Она такъ къ нему привязалась, что въ сырой тюрьмѣ съ товарищемъ ей жилось привольнѣе, чѣмъ въ красивой клѣткѣ, но безъ товарища.

Войско жуковъ.

Табл. 21.

Жуки подобно древнимъ воинамъ, одѣты въ крѣпкіе панцири. Жесткій головной покровъ — это шлемъ; щупальца, которыя торчатъ по обѣимъ сторонамъ головы, — это пучки перьевъ; грудь одѣта въ латы; брюхо и ноги защищены блестящими кольцами. У однихъ жуковъ доспѣхи стального цвѣта, у другихъ зеленые съ золотистымъ блескомъ, у иныхъ алые, ярко красные или отливаютъ всѣми радужными цвѣтами, какъ шлифованные драгоценныя каменья. У нѣкоторыхъ латы до того тверды,

Живое Слово. 2-ое изд.

что съ трудомъ прокалываются булавкой; иглы чертополоха и шиши розоваго куста не ранятъ этихъ воиновъ; имъ не страшны даже ядовитыя жала осъ и пчелъ. Жуки остаются въ доспѣхахъ и днемъ и ночью. Когда въ лѣсу стемнѣетъ и становится мрачно межъ кустами и деревьями, выползаютъ свѣтляки; въ жаркой Вестъ-Индіи прекрасныя златки свѣтятся среди полей сахарнаго тростника, подобно горящимъ факеламъ. Онѣ освѣщаютъ путь войску. За ними идутъ музыканты-скрипуны съ сѣрыми и желтыми продольными полосками; они скрипятъ и пищаютъ, какъ флейтчики. Коровки въ ярко-красныхъ одеждахъ, какъ и прилично военнымъ музыкантамъ, — трубачи, а точильщикъ — часовщикъ бьетъ въ барабанъ. Навозные и майскіе жуки жужжатъ на лету военный маршъ. Золотыя жужжелицы и скакуны — это гусары. Челюсти ихъ очень остры и изогнуты въ видѣ сабель. Водолюбы и плавунцы маршируютъ съ острыми шинами на груди и ногахъ. Они одинаково ловко дѣйствуютъ и въ воздухѣ, какъ уланы, и на сушѣ, какъ пѣхотинцы со штыками, и въ водѣ, какъ піонеры. Щитonosки ходятъ по зеленымъ листьямъ, какъ охотники, одѣтые въ зеленое платье, между тѣмъ сѣро-коричневые долгоносики занимаютъ посты на древесной корѣ того же цвѣта и располагаются на квартиры въ ея трещинахъ. При конныхъ полкахъ есть и кузнецъ-щелкунъ; къ тому же онъ и храбрый воинъ: когда непріятель опрокинетъ его на спину, то онъ громко щелкаетъ, подпрыгиваетъ высоко въ воздухѣ и снова становится на ноги. Но вотъ идетъ гвардія — исполнины войска жуковъ. Впереди выступаетъ бычекъ въ черносинемъ вооруженіи и выставляетъ свои твердые рога для нападенія. Вотъ, рогачь-олень раздвигаетъ свои могучія челюсти, подобныя подвижнымъ рогамъ. Рядомъ съ нимъ идетъ, съ острымъ изогнутымъ рогомъ, коричневый жукъ — носорогъ. Оба они величиной съ мизинецъ. Но всѣхъ ихъ превышаютъ ростомъ вестъ-индскій жукъ геркулесъ, съ узкой, далеко вытянутой впередъ головой и неуклюжій африканскій голиаотъ. Эти жуки длинной съ кисть руки. Еще удивительнѣе и грознѣе съ виду долгорукій бразильскій олень, у котораго одні переднія ноги вываютъ съ добрую пядень.

Въ войскѣ нѣтъ недостатка и въ лекаряхъ. Майская букашка, божья коровка и пахучій дровосѣкъ поставляютъ малянистыя сильно пахучія капли, а шпанская мушка вся насквозь — лекарство.

Когда въ войнѣ съ непріателемъ летучихъ всадниковъ и проворныхъ пѣхотинцевъ оказывается недостаточно, тогда выступаетъ впередъ артиллерія. Бомбандиры ошеломляютъ противниковъ залпомъ; показывается голубоватый дымокъ, и армія выигрываетъ время къ отступленію. Никто не оказывается въ это время ловче блошака: однимъ скачкомъ онъ оставляетъ за собою такое разстояніе, что еслибы человекъ захотѣлъ прыгнуть такъ же далеко, по величинѣ своего тѣла, то ему пришлось бы сдѣлать прыжокъ въ цѣлую милю. Иные жуки плохо ходятъ; они знаютъ, что имъ не убѣжать отъ непріятеля, и потому отдѣлываются хитростью: они крѣпко прижимаютъ къ себѣ ножки и лежатъ неподвижно. Они притворяются мертвыми до тѣхъ поръ, пока не минуетъ опасность.

Такимъ образомъ жуки ведутъ войну въ теченіе всего лѣта противъ червей и гусеницъ и даже между собою, — до тѣхъ поръ, пока не наступитъ снѣжная и морозная зима. Тогда

оставшіеся въ живыхъ побѣдители отправляются на зимнія квартиры: они зарываются глубоко въ теплую землю, на зимнюю спячку.

Вагнеръ.

Кротъ.

Табл. 21.

Кротъ роетъ глубокія норы подь землю съ ходами и выходами. Ему не нужно для этого ни лопаты, ни заступы, такъ какъ вмѣсто заступы ему служить хрящевой пяточекъ-носъ, а лапы вывернуты въ стороны и разгребаютъ землю не хуже лопаты.

Крота привыкли звать слѣпымъ, но это несправедливо, у него есть глаза, хотя и маленькіе, а видитъ онъ ими недурно. Неказистъ кротъ съ виду, неуклюжъ, но за то работникъ исправный: неутомимо роется въ землѣ, истребляетъ вредныхъ гусеницъ и червей, поѣдаетъ личинки майскихъ жуковъ и лакомится слизнями и стрекозами.

Аистъ.

Табл. 21.

Стоить на крышѣ длинноногій аистъ, ногу поджалъ, шею вытянулъ, точно часовой. Много лѣтъ подрядъ прилетаетъ онъ въ одно и то же гнѣздо, сложенное изъ хворосту, и вся семья крестьянина привыкла къ нему, какъ къ родному. Не одно поколѣніе вывелъ онъ со своею аистихою и дѣти рады, когда въ гнѣздѣ появляются длинноносые, большеголовые птенцы. Аистъ совѣмъ привыкъ къ людямъ и важно рассказываетъ по двору, даже беретъ у дѣтей изъ рукъ крошки хлѣба, или улитокъ. Поздно осенью, когда его птенцы уже научатся летать, онъ отправится съ ними на зимовку въ теплыя страны, а весной опять вернется.

Орель и кротъ.

Табл. 21.

Со стороны прибывъ далекой
Въ дремучій лѣсъ, орель съ орлицею вдвоемъ,
Задумали навѣкъ остаться въ немъ,
И, выбравши вѣтвистый дубъ высокой,
Гнѣздо себѣ въ его вершинѣ стали вить,
Надѣясь и дѣтей тутъ вывести на лѣто.
Услыша кротъ про это,
Орлу взявъ смѣлость доложить,
Что этотъ дубъ для ихъ жилища не годится,
Что весь почти онъ въ корни сгнилъ
И скоро, можетъ быть, свалится;
Такъ чтобъ орель гнѣзда на немъ не вилъ.
Но кетати ли орлу принять совѣтъ изъ норки,
И отъ крота! А гдѣ же похвала,

Что у орла

Глаза такъ зорки?

И что за стать кротамъ мѣшаться смѣтъ въ дѣла

Царь — птицы!

Такъ многого съ кротомъ не говоря,

Къ работѣ поскорѣй, совѣтчика презря,

И новоселье у царя

Поспѣло скоро для царицы.

Все счастливо: ужъ есть и дѣти у орлицы.

Но что жъ? — Однажды, какъ зарей,

Орель изъ-подъ небесъ къ семьѣ своей

Съ богатымъ завтракомъ съ охоты торопился,

Онъ видитъ: дубъ его свалился!

И задавило имъ орлицу и дѣтей.

Отъ горести не взвизда свѣту,

„Несчастный“! онъ сказалъ:

„За гордость рокъ меня такъ люто наказалъ,

Что не послушался я умнаго совѣту.

Но можно-ль было ожидать,

Чтобы ничтожный кротъ совѣтъ могъ добрый дать?“

„Когда бы ты не презрѣлъ мною“,

Изъ норки Кротъ сказалъ: „то вспомнилъ бы, что рою

Свои я норы подь землей,

И что, случаясь близъ корней,

Здорово ль дерево, я знать могу вѣрнѣй“.

Лѣсъ въ Чаплыгинѣ.

Табл. 22, 23 и 24.

Съ дѣтства знакомъ былъ мнѣ старый лѣсъ въ деревнѣ Чаплыгино. Весь этотъ лѣсъ состоялъ изъ какихъ-нибудь двухъ или трехъ сотъ огромныхъ дубовъ и ясеней. Ихъ статные, могучіе стволы великолѣпно чернѣли на золотисто-прозрачной зелени орѣшниковъ, кленовъ и рябинъ; поднимаясь выше, стройно рисовались на ясной лазури и тамъ уже раскидывали шатромъ свои широкіе, узловатые сучья; ястреба, кобчики, пустельги съ свистомъ носились надъ неподвижными верхушками; пестрые дятлы крѣпко стучали по толстой корѣ; звучный напѣвъ чернаго дрозда внезапно раздавался въ густой листвѣ, вслѣдъ за переливчатымъ крикомъ иволги; внизу, въ кустахъ чирикали и пѣли малиновки, чижи и пѣночки; зяблики проворно бѣгали по дорожкамъ; бѣлякъ прокрадывался вдоль опушки, осторожно „костыляя“; красно-бурая бѣлка рѣзво прыгала отъ дерева къ дереву и вдругъ садилась, поднявши хвостъ надъ головой. Въ травѣ, около высокихъ муравейниковъ, подь легкой тѣнью вырѣзныхъ, красивыхъ листьевъ папоротника цвѣли фіалки и ландыши, росли сыроѣшки, волчанки, грузди, дубовики, красные мухоморы; на лужайкахъ, между широкими кустами, алѣла земляника... А что за тѣнь въ лѣсу была! Въ самый жаръ, въ полдень, ночь настоящая; тишина, запахъ, свѣжесть. Весело проводилъ я лучшее время въ этомъ лѣсу. *Тургеневъ.*

Лѣсъ.

Табл. 22, 23 и 24.

Полуднемъ жаркимъ ухожу я
 На отдыхъ праздный въ темный лѣсъ
 И тамъ ложусь и все гляжу я
 Между вершинъ, на даль небесъ,
 И безконечно тонуть взоры
 Въ ихъ отдаленнѣ голубомъ;
 А лѣсъ шумить себѣ кругомъ,
 И въ немъ ведутся разговоры:
 Щебечеть птица, жукъ жужжитъ,
 И листь засохшій шелеститъ,
 На хворостъ падая случайно,
 И звуки всѣ такъ полны тайной.
 Въ то время страннымъ чувствомъ мнѣ
 Всю душу сладостно объемлетъ;
 Теряясь въ синей вышинѣ,
 Она лѣсному гулу внемлетъ,
 И въ забытѣ какомъ-то дремлетъ.

Въ лѣсу.

Табл. 22, 23 и 24.

Весело пробираться по узкой дорожкѣ, между двумя стѣнами высокой ржи. Колосья тихо бьютъ васъ по лицу, васильки цѣпляются за ноги, перенела кричать кругомъ, лошадь бѣжитъ лѣнивой рысью.

Вонь и лѣсъ. Тѣнь и тишина. Статныя осины высоко лепечутъ надъ вами, длинныя, висячія вѣтки березъ едва шевелятся... Могучій дубъ стоитъ, какъ боець, подлѣ красивой липы. Вы ѣдете по зеленой, испещренной тѣнями дорожкѣ; большія желтыя мухи неподвижно висятъ въ золотистомъ воздухѣ и вдругъ отлетаютъ; мошки вьются столбомъ, свѣтлѣя въ тѣни, темнѣя на солнцѣ; птицы мирно поютъ... Золотой голосокъ малиновки звучитъ невинной, болтливой радостью... Далѣе, далѣе глубже въ лѣсъ... Лѣсъ гложетъ. Незыблемая тишина западаетъ въ душу; да и кругомъ такъ дремотно и тихо. Но вотъ вѣтеръ набѣжалъ, и зашумѣли верхушки, словно падающія волны. Сквозь прошлогоднюю бурю листву кое-гдѣ растутъ высокія травы; грибы стоятъ отдѣльно подъ своими широкими шляпками. Бѣлякъ вдругъ выскочитъ. Собака съ звонкимъ лаемъ помчится вслѣдъ.

Тургеневъ.

Лѣсъ лѣтомъ.

Табл. 22, 23 и 24.

Смеркаетъ день. Въ бору темнѣеть.
 Пожаръ зари надъ нимъ краснѣеть.
 Во влажной почвѣ листь сухой
 Безъ звука тонетъ подъ ногой.
 Недвижны сосны, и едва
 Примѣтна неба синева

Сквозь вѣтки. Цѣпкая трава
 Покрыла дерево. Грозою
 Оно на землю свалено
 И до корней обожжено.
 Тропинка черной полосой
 Лежить въ травѣ. По сторонамъ
 Грибы бѣлѣютъ тутъ и тамъ.
 Порою вѣтеръ шаловливый
 Разбудитъ листья, слышинъ шумъ.
 И вдругъ все смолкнетъ — и на умъ
 Приходятъ сказочныя дивы.

Пушкинъ.

Лѣсъ осенью.

Табл. 22, 23 и 24.

Кругомъ пестрѣетъ лѣсъ зеленый.
 Уже румянить осень клены,
 А ельникъ — зеленъ и тѣнистъ;
 Осинникъ желтый бьетъ тревогу;
 Осыпался съ березы листь,
 Нога шумитъ... а ухо внемлетъ
 Малѣйшій порохъ въ чащѣ тамъ,
 Гдѣ пышный папоротникъ дремлетъ,
 А красныхъ мухоморовъ рядъ,
 Какъ карлы сказочныя спать...

Пушкинъ.

Чернолѣсье.

Табл. 22, 23 и 24.

По большой части чернолѣсье состоитъ изъ смѣшенія разныхъ древесныхъ породъ, и это смѣшеніе особенно пріятно для глазъ; но иногда попадаются мѣста отдѣльными гривами или колками, гдѣ преобладаетъ какая-нибудь одна порода: дубъ, липа, береза или осина, растущіе гораздо въ большемъ числѣ, въ сравненіи съ другими древесными породами, и достигающіе объема строеваго лѣса. Когда разнородныя деревья растутъ вмѣстѣ и составляютъ одну зеленую массу, то всѣ кажутся равно хороши, но въ отдѣльности одни другимъ уступаютъ. Хороша развѣсистая, бѣлоствольная, свѣтло-зеленая, веселая береза, но еще лучше стройная, кудрявая, круглолистая, сладко-душистая въ время цвѣта, мягко-зеленая липа, прикрывающая своими лубьями и обувающая своими лыками православный Русскій народъ. Хорошъ и клень со своими „лапами-листами“; высокъ, строенъ и красивъ бываетъ онъ. Коренастъ, крѣпокъ, высокъ и могучъ, въ нѣсколько обхватовъ толщины у корня, бываетъ многолѣтній дубъ, рѣдко попадающійся въ такомъ величавомъ видѣ; мелкій же дубнякъ не инѣетъ въ себѣ ничего особенно привлекательнаго: зеленъ его темна или тускла, вырѣзные листья, плотные и добротные, выражаютъ только признаки будущаго могущества и долготѣія.

Осина и по наружному виду, и по внутреннему достоинству считается послѣднимъ изъ строевыхъ деревьевъ. Незамѣчаемая никѣмъ трепетнолистная осина бываетъ красива и замѣтна только

осенью: золотомъ и багрянцемъ покрываются ея рано увядшіе листья, и ярко отличаясь отъ зелени другихъ деревьевъ, придаетъ она много прелести и разнообразія лѣсу въ время осенняго листопада.

Рубка лѣса.

Табл. 24.

Сашѣ случалось звать и печали;
Плакала Саша, какъ лѣсъ вырубали,
Ей и теперь его жалко до слезъ.
Сколько тутъ было кудрявыхъ березъ!
Тамъ изъ-за старой, нахмуренной ели
Красные гроздья калины глядѣли,
Тамъ поднимался дубокъ молодой.
Птицы царили въ вершинѣ лѣсной,
По-низу всякіе звѣри таились. . .
Вдругъ мужики съ топорами явились —
Лѣсъ зазвенѣлъ, застоналъ, затрещалъ.
Заяцъ послушалъ — и вонъ побѣжалъ,
Въ темную нору забила лисица,
Машетъ крыломъ осторожнѣе птица,
Въ недоумѣнья тащатъ муравьи,
Что ни попало, въ жилища свои.
Съ пѣснями трудъ человѣка спорился:
Словно подкошенъ, осинникъ валился,
Съ трескомъ ломали сухой березнякъ,
Корчили съ корнемъ упорный дубнякъ,
Старую сосну сперва подрубали,
Послѣ арканомъ ее нагибали
И, поваливши, плясали на ней,
Чтобы къ землѣ прилегла поплотнѣй.
Много тутъ было печальныхъ картинъ:
Стономъ стонали верхушки осинъ,
Изъ перерубленной старой березы
Градомъ лилися прощальныя слезы
И пропадали одна за другой
Данью послѣдней на почвѣ родной.
Кончились поздно труды роковые,
Вышли на небо свѣтила ночныя,
И надъ поверженнымъ лѣсомъ луна
Остановилась кругла и ясна —
Трупы деревьевъ недвижно лежали;
Сучья ломались, скрипѣли, трещали,
Тѣни ходили по пнямъ бѣловатымъ,
Жидкимъ осинамъ, березамъ косматымъ;
Низко летали, вились колесомъ
Совы, шарахаясь о земь крыломъ,
Звонко кукушка вдали куковала,
Да, какъ безумная, галка кричала,
Шумно летая надъ лѣсомъ. . . но ей
Не отыскать неразумныхъ дѣтей!
Съ дерева комомъ галчата упали,
Желтые рты широко разѣвали,
Прыгали, злились. Наскучилъ ихъ крикъ —
И придавилъ ихъ ногою мужикъ. Некрасовъ.

Утро въ рощѣ.

Табл. 22, 23 и 24.

Надъ самой кручью широкаго оврага находился небольшой березовый „заказъ“. Молодые деревья росли очень тѣсно: ничей топоръ еще не коснулся до ихъ стройныхъ стволовъ; не густая, но почти сплошная тѣнь ложилась отъ мелкихъ листьевъ на мягкую и тонкую траву, всю испещренную золотыми головками куриной слѣпоты, бѣлыми точками лѣсныхъ колокольчиковъ и малиновыми крестиками гвоздички. Недавно вставшее солнце затопляло всю рощу сильнымъ, ходя и не яркимъ свѣтомъ; вездѣ блестѣли росинки, кой-гдѣ внезапно загорались и рдѣли крупныя капли; все дышало свѣжестью, жизнью и той невинной торжественностію первыхъ мгновеній утра, когда все уже такъ свѣтло и такъ еще безмолвно. Только и слышались, что разсыпчатые голоса жаворонковъ надъ отдаленными полями, да въ самой рощѣ двѣ-три птички, не торопясь, выводили свои коротенькія колѣнца и словно прислушивались потомъ, какъ это у нихъ вышло. Отъ мокрой земли пахло здоровымъ крѣпкимъ запахомъ, чистый легкій воздухъ переливался прохладными струями. Утромъ, славнымъ лѣтнимъ утромъ вѣяло ото всего; все глядѣло и улыбалось утромъ, точно румяное, только что вымытое личико проснувагося ребенка.

Въ лѣсу.

Табл. 24.

Лѣсъ раскинулся темною сѣткой и дрожитъ каждой влажной вѣткой, орошенный весеннимъ дождемъ. Изъ-за листьевъ, сквозь сизыя волны облаковъ, мѣсяцъ блѣдный и полный пробивается тусклымъ лучемъ.

Что за ночь! Въ тепломъ воздухѣ мая, у древесныхъ корней расцвѣтая, нѣжный ландышъ свой льетъ ароматъ. Ужь края у небесъ заалѣли и вездѣ соловьиныя трели, по зарѣ заливаются, звенять.

Ель и сосна.

Табл. 23.

Ель и сосна — это хвойныя деревья. У ели и у сосны есть корень, стволъ, вѣтви, сучья; а вмѣсто листьевъ — хвои. Кора у ели сѣробураго цвѣта, а у сосны кора внизу темносѣраго цвѣта, по срединѣ красно-бураго, наверху свѣтло-желтаго. У сосны внизу ствола нѣтъ вѣтвей, вверху расположены онѣ въ видѣ зонтика. У ели внизу самые длинные сучья, а кверху они укорачиваются; всѣ сучья ели свѣшиваются книзу. У сосны длинныя иглы хвои сидятъ по двѣ вмѣстѣ, а у ели они сидятъ по одиночкѣ. У ели иглы короче сосновыхъ; еловыя шишки гораздо длиннѣе сосновыхъ, а сосновыя короче и толще.

Споръ деревьевъ.

Табл. 22 и 23.

Заспорили деревья между собою: кто изъ нихъ лучше? Вотъ дубъ говорить: „Я всѣмъ деревьямъ царь! Корень мой глубоко въ землю ушелъ, стволъ въ три обхвата, верхушка въ небо смотрится. Листья у меня вырѣзные, а сучья будто изъ желѣза выкованы. Не кланяюсь я бурямъ, не гнусь передъ грозой“.

Услышала яблоня, какъ дубъ хвастаетъ и молвила: „Да, ты великъ и толстъ, но на тебѣ растутъ одни жолуди, свиньямъ на потѣху. Мое же румяное яблоко и на царскомъ столѣ бываетъ“.

Тутъ сосенка вмѣшалась и стала говорить: „Вотъ прійдетъ зима — и оба вы будете стоять голешеньки, а на мнѣ все же останутся мои зеленые колючки. Безъ меня въ холодной странѣ житья бы людямъ не было: мною они и печи топятъ, изъ меня и свои избы строятъ“.

Л и п а.

Табл. 24.

Не правда-ли пріятно погулять лѣтомъ по липовой аллеѣ? Какъ плотно сплетаются вѣтви липъ, какой онѣ образуютъ густой навѣсъ, защищающій и отъ солнца, и даже отъ не слишкомъ сильнаго дождя.

Красива и отдѣльно растущая липа! Ея стволъ такъ прямъ, листва такого нѣжнаго зеленаго цвѣта, отдѣльные листочки такъ прозрачны, что каждая ихъ жилка сквозитъ.

Особенно пріятно посидѣть подъ липой въ то время, когда она цвѣтетъ. Какъ душисты ея мелкіе, на первый взглядъ, невзрачные цвѣточки! Я сказалъ: на первый взглядъ, а дѣйствительно, присмотрѣвшись къ цвѣтку поближе, мы скорѣе скажемъ, что онъ красивъ, чѣмъ — что онъ невзраченъ. Все въ немъ такъ отчетливо, такъ ясно видно. Цвѣтъ лепестковъ, правда, не яркъ, но цвѣты липы правда и не нуждаются въ пестротѣ. Ихъ ароматъ такъ силенъ, что гости издалека стекаются къ нимъ, не смотря на ихъ скромный нарядъ. Съ восхода до заката солнца самое оживленное общество собирается на липѣ. Изда-лека слышенъ неумолкаемый гулъ; вся липа покрыта гостями въ черной бархатистой одеждѣ съ ярко-желтыми полосками, одни прилетаютъ, другіе улетаютъ, — чтобы потомъ снова вернуться сюда.

Липовые цвѣточки — радушные хозяева и не отпускаютъ своихъ гостей безъ угощенія. Они щедро надѣляютъ ихъ душистой, желтой пылью и сладкимъ сокомъ, изъ которыхъ гости умѣютъ готовить у себя дома и воскъ, и душистый медъ. Вы знаете, конечно, кто эти гости? Тамъ, гдѣ много липъ, медъ получаетъ особенно пріятный вкусъ и ароматъ. Но не для однихъ пчелокъ щедры липовые цвѣточки, они оказываютъ и намъ важную услугу.

Весело игралъ Володя со своими товарищами. Они бѣгали въ запуски и въ лошадки, прыгали и скакали. Мальчикъ сильно вспотѣлъ и ему очень хотѣлось пить. Забылъ онъ наставленія матери и напился изъ студенаго ключа, протекавшаго въ саду. Уже вечерѣло, дневной жаръ спалъ и усталые мальчики распо-

ложились на лугу и принялись рассказывать другъ другу сказки. Весело болтали съ ними и Володя, но вдругъ почувствовалъ ознобъ, и въ горлѣ у него точно что-то застряло. Онъ поспѣшилъ домой и, вспомнивъ тутъ свою оплошность, рассказалъ объ ней матери.

Сильно встревожилась мама, уложила его въ постельку и позвала на помощь липовые цвѣточки. Она заварила ихъ, какъ чай, и напоила ими мальчика. Ознобъ и жаръ смѣнились благодѣтельнымъ потомъ, и болѣзнь была остановлена. Вѣроятно, каждому изъ васъ также не разъ приходилось пользоваться услугою липовыхъ цвѣтовъ? Гдѣ много липъ, тамъ собираютъ эти цвѣты, сушатъ и продаютъ въ аптеки, гдѣ ихъ всегда можно достать. Много и другихъ услугъ оказываетъ липа человеку, но къ несчастью, чтобы воспользоваться ими, приходится рубить и самое дерево. Вотъ потому-то липовые лѣса становятся все рѣже, число ихъ уменьшается. У насъ въ Россіи самыя большіе липовые лѣса тянутся по берегамъ Камы и Вятки и ихъ безчисленныхъ притоковъ, Костромской, Вятской, Нижегородской и Пермской губерній.

Перенеситесь-ка мысленно туда въ половинѣ мая мѣсяца, когда липы только-что одѣлись нѣжной, прозрачной листвою. Удивительно хорошо въ лѣсу! Но что это? какое множество народу, мужиковъ, бабъ и подростковъ собралось сюда! Не праздникъ-ли сегодня? Не вышли-ли они погулять? Нѣтъ, по всему лѣсу раздаются удары топора. Подойдемъ ближе, посмотримъ, что эти люди дѣлаютъ. Вотъ одинъ изъ крестьянъ выбралъ большую, старую липу, аршина въ два обхватъ, и рубитъ ее почти у самаго корня. Липа повалилась съ шумомъ и трескомъ и уперлась въ землю своими толстыми вѣтвями. Крестьянинъ не сталъ дорубать еѣ; онъ отмѣрилъ вверхъ по дереву кусокъ въ 3 аршина длины, отдѣлилъ его поперечнымъ надрѣзомъ, сдѣлалъ продольный разрѣзъ и, при помощи жены и сына, сталъ снимать съ дерева кору вмѣстѣ съ лубомъ.

Погода стояла влажная и теплая, соку въ деревѣ было много, и потому лубъ легко отставалъ отъ него. Снявъ весь кусокъ, крестьянинъ положилъ его къ другимъ такимъ-же и снова вернулся къ липѣ; онъ обрубилъ вѣтви, велѣлъ снимать съ нихъ кору сыновьямъ, а самъ съ женою принялся опять за стволъ. Онъ сдѣлалъ поперечные надрѣзы на разстояніи 6 аршинъ одинъ отъ другого и потомъ, разрѣзавъ кору вдоль, снова снималъ ее вмѣстѣ съ лубомъ.

Изъ дерева вышло четыре такихъ шести-аршинныхъ луба, но въ ширину всѣ они были уже 1½ аршина, а потому крестьянинъ и положилъ ихъ особо отъ прежде снятаго, широкаго луба, свернувъ ихъ предварительно въ трубку (скалу) вмѣстѣ съ корой, снятой сыновьями съ вѣтвей. По всему лѣсу шла та-же работа, стучали сотни топоровъ, раздавались громкіе голоса, и кучи луба все росли и росли. Подростки, которые были еще не въ силахъ справляться съ большими деревьями, обдирали молодья липы; длинныя полоски лыка, — такъ называется кора молодыхъ липъ, — они связывали въ пучки, насчитывая ихъ сотнями. Безъ коры дерево не можетъ расти, а потому и ободранныя липки срубали, очищали отъ вѣтвей и складывали тутъ-же въ кучи. Неправда-ли, жаль смотрѣть на такое истребленіе прекраснаго лѣса? Но что дѣлать: изъ липы русскій крестьянинъ дѣлаетъ столько необходимыхъ въ домашнемъ быту пред-

метовъ, что истребленіе ея неизбежно. Начнемъ съ лыка. Изъ него плетутъ на колодахъ лапти, замѣняющіе кожанную обувь громадному большинству нашего народа. Въ деревняхъ мужики и бабы надѣваютъ сапоги только по праздникамъ; всѣ свои работы они исполняютъ весною, лѣтомъ и осенью въ лаптяхъ, а зимою — въ валенкахъ. Въ дождливую погоду, когда на улицѣ грязно, смѣняютъ въ недѣлю пары двѣ лаптей, такъ вотъ и разчитывайте, сколько ихъ надо сплести. Не удивительно, что на каждомъ деревенскомъ базарѣ возы съ лаптями занимаютъ такое видное мѣсто.

Цѣлыя громадныя села занимаются изготовленіемъ лаптей, какъ напр., село Молвитино, въ Костромской губерніи. Носятъ, правда, и берестяные лапти, но тѣ гораздо жестче и не ложатся такъ по ногѣ, какъ липовые. Плетутъ лапти и изъ ивовыхъ прутьевъ, но тѣ чернѣютъ отъ воды. Вернемся теперь къ снятому съ большихъ деревьевъ лубу. Бабы сносятъ лубъ, свернутый въ скалы, въ ближайшій прудъ, рѣку или озеро, кладутъ его въ воду и наваливаютъ на него камни. Тамъ его оставляютъ до заморозковъ. Тогда его вынимаютъ и развѣшиваютъ въ лѣсу, а по первому санному пути привозятъ въ деревню, разстилаютъ на полъ въ жарко-натопленной избѣ, и когда вода изъ него вытечетъ, раздираютъ его на тонкія ленты — мочалы, легко снимающіяся съ внутренней стороны коры. Конечно, каждый видалъ изъ васъ мочалу, которой кухарка моетъ посуду и полъ и которою, вѣроятно и вы не разъ мылись въ банѣ. Но изъ мочалы дѣлается еще много другихъ очень полезныхъ вещей.

Войдемте въ крестьянскую избу. Хозяйка только-что вымыла полъ и, чтобы долѣе сохранить его чистымъ, постлала въ сѣняхъ рогожу. Присмотритесь-ка къ ней, изъ чего она сдѣлана. Э, да она выткана изъ мочалы! Въ избѣ мы застаемъ хозяйку за работой — она просѣиваетъ сквозь рѣшето ржаную муку, чтобы хлѣбъ былъ почище. Рѣшето расходуетъ много, а между тѣмъ не трудно отгадать, что они также сдѣланы изъ мочалы.

Самъ хозяинъ ушелъ въ амбаръ, чтобы насыпать рожь въ кули и отвезти на продажу въ городъ. Вѣроятно, каждый изъ васъ видалъ кули и согласится со мной, что они также вытканы изъ мочалы. А подумайте-ка, сколько такихъ кулей отправляется ежедневно по Волгѣ и другимъ рѣкамъ и по желѣзнымъ дорогамъ съ рожью, пшеницею и разнымъ другимъ зерномъ? Однако, взгляните сюда: хозяинъ подѣхалъ къ амбару на своей маленькой лошаdkѣ. Сбруя на ней веревочная, но веревка совѣмъ не такая, къ какой вы привыкли; это не пеньковая, а мочальная веревка; она гораздо дешевле и потому зачастую встрѣчается у нашихъ крестьянъ. Видите, уже сколько полезныхъ вещей дѣлаетъ нашъ народъ изъ липы; но это еще не все. Вернемтесь въ лѣсъ, гдѣ мы оставили груды широкаго луба, снятаго съ нижней части толстыхъ липъ. Этотъ лубъ оставляютъ въ лѣсу до саннаго пути. Тогда крестьяне приѣзжаютъ въ лѣсъ, скоблятъ наружную, неровную кору луба, зажигаютъ тутъ-же эти опилки и держатъ лубъ надъ огнемъ. Онъ выпрямляется отъ тепла и тогда его кладутъ подъ гнетъ и оставляютъ такъ, пока онъ совершенно высохнетъ. Этимъ лубомъ кроютъ крыши, обшиваютъ барки и деревенскія сани. Изъ него-же дѣлаютъ короба, въ которыхъ разношники разносятъ по деревнямъ и се-

ламъ всевозможные товары. Вы, вѣроятно, видали такіе короба и въ фруктовыхъ лавкахъ. Крестьяне не даютъ пропадать и самымъ ободраннымъ деревьямъ.

Древесина липы очень мягка и нѣжна; ее легко рѣзать и потому рѣзчики охотно покупаютъ еѣ, чтобы дѣлать рѣзные украшения на шкатулки и мебель, а также вырѣзывать звѣрковъ и т. п. вещи въ подарокъ дѣтямъ. Изъ нея же дѣлаютъ большинство деревянной посуды — ложки, чашки, солонки, корыта и кадки. Небольшія дощечки липы идутъ также для образовъ и продаются въ большомъ количествѣ. Въ Казанской губерніи черемисы дѣлаютъ изъ липоваго дерева очень удобные складные стулья, которые тысячами привозятся на Нижегородскую ярмарку.

Смерть дерева.

Табл. 24.

Раннимъ утромъ, чуть зорька, дровосѣкъ взялъ топоръ и пошелъ въ рощу.

На всемъ лежалъ холодный, матовый покровъ еще падавшей, неосвѣщенной солнцемъ росы. Востокъ незамѣтно яснилъ, отражая свой слабый свѣтъ на подернутомъ тонкими тучами сводѣ неба. Только изрѣдка слышавшіеся звуки крыльевъ въ чащѣ дерева или шелестъ по землѣ нарушали тишину лѣса. Вдругъ странный, чуждый природѣ звукъ разнесся и замеръ на опушкѣ лѣса. Но снова послышался звукъ и равномерно сталъ повторяться внизу, около ствола одного изъ неподвижныхъ деревьевъ. Одна изъ макушъ необычайно затрепетала, сочные листы ея зашептали что-то, и малиновка, сидѣвшая на одной изъ вѣтвей ея со свистомъ перепорхнула два раза и, подергивая хвостикомъ, сѣла на другое дерево.

Топоръ низомъ звучалъ глуше и глуше, сочные бѣлыя щенки летѣли на росистую траву, и легкій трескъ послышался изъ-за ударовъ. Дерево вздрогнуло всемъ тѣломъ, погнулось и быстро выпрямилось, испуганно колеблясь на своемъ корнѣ. На мгновенье все затихло; но снова нагнулось дерево, послышался трескъ въ его стволѣ, и, ломая сучья и спустивъ вѣтви, оно рухнулось макушей на сырую землю. Звуки топора и шаговъ затихли.

Малиновка свистнула и вспорхнула выше. Вѣтка, которую она зацѣпила своими крыльями, покачалась нѣсколько времени и замерла, какъ и другія, со всеми своими листьями. Деревья еще радостнѣе красовались на новомъ просторѣ своими неподвижными вѣтвями.

Первые лучи солнца, пробивъ сквозившую тучу, блеснули въ небѣ и пробѣжали по землѣ и небу. Туманъ волнами сталъ переливаться въ лощинахъ; роса, блестя, заиграла въ зелени; прозрачныя, поблѣвшія тучи, спѣша, разбѣгались по синѣвшему своду. Птицы громоздились въ чащѣ и, какъ потерянные, щебетали что-то счастливое; сочные листы радостно и спокойно шептались въ верхинахъ, и вѣтви живыхъ деревъ медленно, величаво зашевелились надъ мертвымъ, поникшимъ деревомъ.

Тургеневъ.

Майское утро.

Табл. 24.

Утро свѣжестью пахнуло:
Поле зеленю одѣто;
Сквозь волнистые туманы
Улыбнулось уже лѣто.
Выхожу я въ лѣсъ сосѣдній;
Тамъ, подъ зеленю тѣнистой,
Ужь расцвѣлъ питомецъ мая —
Ландышъ бѣлый и душистый.
И кругомъ коверъ зеленый
Въ золотистыхъ переливахъ,
И роса въ алмазныхъ капляхъ
На деревьяхъ и на нивахъ.

Дѣти лѣтомъ.

Табл. 24.

Ухъ, жарко!.. До полдня грибы собирали,
Вотъ изъ лѣсу вышли — на встрѣчу какъ разъ
Синѣющей лентой, извиистой, длинной,
Рѣка луговая: прыгнули гурьбой
И русыхъ головокъ надъ рѣчкой пустынной
Что бѣлыхъ грибовъ на полянкѣ лѣсной!
Рѣка огласилась и смѣхомъ и воемъ:
Тутъ драка-не драка, игра-не игра...
А солнце палить ихъ полуденнымъ зноемъ;
Домой, ребятишки! обѣдать пора.
Вернулись. У каждаго полно лукошко,
А сколько рассказовъ! Попался косой,
Поймали ежа, заблудились немножко.
И видѣли волка... у, страшный какой!
Ежу предлагаютъ и мухъ, и козявокъ,
Карнѣй молочко ему отдавъ свое —
Не пьеть! отступились...

Кто ловить пѣвочкѣ

На лавкѣ, гдѣ matka колотить бѣлье,
Кто нянчить сестренку двухлѣтнюю Глашку,
Кто тащить на пожню ведро кваску,
А тотъ, подвязавши подъ горло рубашку,
Таинственно что-то чертить по песку;
Та въ лужу забилась, а эта съ обновой,

Сплела себѣ славный вѣнокъ:

Всѣ бѣленькій, желтенькій, блѣдно-лиловый

Да изрѣдка красный цвѣтокъ.

Тѣ спать на припекѣ, тѣ пляшутъ въ присядку.

Вотъ дѣвочка ловить лукошкомъ лошадку:

Поймала, вскочила и ѣдетъ на ней.

Грибная пора отойти не успѣла,

Гляди — ужъ чернехонки губы у всѣхъ,

Набили оскому: черница поспѣла!

А тамъ и малина, брусника, орѣхъ!

Ребяческій крикъ, повторяемый эхомъ,

Съ утра и до ночи гремитъ по лѣсамъ,

Испугана пѣньемъ, ауканьемъ, смѣхомъ,
Взлетитъ ли тетеря, заковавъ птенцамъ,
Зайченокъ ли вскочить — содомъ, суматоха!
Водъ старый глухарь съ облинялымъ крыломъ
Въ кусту завозился... ну, бѣдному плохо!
Живаго въ деревню тащатъ съ торжествомъ...

Некрасовъ.

Г р и б ы.

Табл. 24.

Мы все разбрелись по лѣсу въ разныя стороны и скрылись изъ виду. Лѣсъ точно ожилъ: вездѣ начали раздаваться разныя веселыя восклицанія, ауканье, звонкій смѣхъ и одиночныя голоса многихъ пѣсенъ. Евсеичъ и отецъ мой, отъ котораго я не отставалъ ни на пядь, ходили по молодому лѣсу, неподалеку другъ отъ друга.

Тетушка первая нашла слой груздей. Она вышла на маленькую полянку, остановилась и сказала: „здѣсь непременно должны быть грузди: такъ груздями и пахнетъ“ — и вдругъ закричала: „охъ, я наступила на нихъ!“ Мы съ отцомъ хотѣли подойти къ ней, но она не допустила насъ близко, говоря, что это ея грузди, что она нашла ихъ, и что пусть мы ищемъ другой слой.

Я видѣлъ, какъ она стала на колѣни и, щупая руками землю подъ листьями папоротника, вынимала оттуда грузди и клала въ свою корзинку.

Скоро и мы съ отцомъ нашли гнѣздо груздей, мы также принялись ощупывать ихъ руками и бережно вынимать изъ-подъ пелены прошлогоднихъ полусгнившихъ листьевъ, поросшихъ всякими лѣсными травами. Отецъ мой любовался молодыми груздями, говоря мнѣ: „посмотри, Сережа, какіе маленькіе груздочки! Осторожно снимай ихъ, они хрупки и ломки. Посмотри, точно пухомъ снизу-то обросли, и какъ пахнутъ! Въ самомъ дѣлѣ молоденькіе груздочки были какъ то очень миловидны и издавали острый запахъ.“

Наконецъ, побродивъ по лѣсу часа два, мы наполнили свои корзинки одними молодыми груздями. Мы пошли назадъ къ тому мѣсту, гдѣ оставили лошадей, а Евсеичъ (слуга) принялся громко кричать: „пора домой! Собирайтесь къ лошадямъ!“ Нѣкоторые голоса ему откликались. Мы не вдругъ нашли свои дроги и роспуски, и еще долѣ бы ихъ проискали, если бы не слышали издали фырканья и храпѣнья лошадей.

Мы воротились къ самому чаю. — Бабушка сидѣла на крыльцѣ, и мы поставили передъ ней наши корзинки и кузовья, полные груздей.

Аксаковъ.

Собирание ягодъ.

Табл. 22.

Давно уже поспѣла полевая клубника, лакомиться которою позволяли намъ вдоволь. Мы ѣздили за нею цѣлымъ домомъ, такъ что только поваръ Макей оставался въ своей кухнѣ, но и его отпускали послѣ обѣда, и онъ всегда возвращался уже къ вечеру съ огромнымъ кузовомъ чудесной клубники. У всякаго

была своя посуда: у кого ведро, у кого лукошко, у кого буракъ, у кого кузовъ. У насъ съ сестрицей были прекрасные съ крышечками берестовые бурачки, испещренные вытѣсенными на нихъ узорами.

Милая моя сестрица не умѣла брать ягоды, то есть не умѣла различать спѣлую клубнику отъ неспѣлой. Я слышалъ какъ ея нянька Параша, всегда очень ласковая и добрая женщина, вытряхивая бурачекъ, говорила: „ну, барышня, опять набрала зеленухи!“ и потомъ наполняла ея бурачокъ ягодами изъ своего кузова.

Мнѣ же казалось, что я умѣю брать ягоды и что моя клубника лучше, чѣмъ у другихъ, это, конечно, было несправедливо.

По возвращеніи домой начиналась новая возня съ ягодами: въ тѣни отъ нашего домика разсыпали ихъ на широкій чистый липовый лубокъ, самыя крупныя отбирали на варенье, потомъ для кушанья, потомъ для сушки; изъ остальныхъ дѣлали русскія и татарскія пастилы.

Аксаковъ.

Лѣсъ осенью.

Табл. 22, 23 и 24.

Осенніе листья по вѣтру кружатъ,
Осенніе листья въ тревогѣ воютъ:
„Все гибнетъ, все гибнетъ! ты черенъ и голъ,
„О лѣсъ нашъ родимый конецъ твой пришелъ!
Не слышитъ тревоги ихъ царственный лѣсъ.
Подъ темной лазурью суровыхъ небесъ
Его спеленали могучіе сны,
И зрѣть въ немъ сила для новой весны.

Перелетная птичка.

Табл. 24.

Боръ дремучій шумитъ и гудитъ,
Вѣтеръ листья съ деревьевъ крутитъ.
Частымъ дождичкомъ сѣетъ въ окно;
Хоть и день, а въ избѣ ужъ темно.
Собирается птичка въ отлетъ,
Вотъ въ лѣсу она кличетъ, зоветъ:
„Эй, скорѣй, перелетныя, въ кругъ!
Порѣшимъ, какъ уйти намъ на югъ
Отъ осеннихъ тумановъ и тьмы,
Отъ холодной, голодной зимы, —
Кто намъ будетъ вожатымъ въ пути,
Гдѣ почлегъ намъ въ дорогѣ найти.
Сладокъ будетъ подь солнцемъ пріютъ
Въ теплыхъ рощахъ, что вѣчно цвѣтуть.
Здѣсь все вянетъ! Живѣ въ походъ!
Вы, бывалыя птицы, впередъ!“

Какая польза человѣку отъ лѣса.

Табл. 22, 23 и 24.

Всѣхъ выгодъ, что даютъ деревья человѣку и не перечесть. Выйдите на дворъ, въ бурную, ненастную погоду: вѣтеръ захватываетъ ваше дыханіе, ливень мочитъ васъ до костей, холодъ проникаетъ насквозь и васъ трясетъ, какъ въ лихорадкѣ; вы вбѣгаете въ домъ, затапливаете каминъ, покойно усаживаетесь въ мягкое кресло и, подчасъ даже сладко дремля, прислушиваетесь къ завыванію вѣтра и паденію дождевыхъ капель. Изъ чего построенъ вашъ домъ, который укрылъ васъ въ ненастье, кресло, гдѣ вы такъ сладко отдохнули? чѣмъ топили вашъ каминъ, который въ минуту согрѣлъ оконченншіе отъ холода члены? Всему этому помогли деревья, что растутъ въ лѣсу.

Да это еще не все. Лѣса сохраняютъ воду и очищаютъ воздухъ, густая зелень защищаетъ землю и отъ палящихъ лучей солнца, и отъ губительныхъ вѣтровъ, которые безъ лѣсовъ легче заносить всякія болѣзни. Въ душный, жаркій день вы спасаетесь въ лѣсу, потому что тамъ прохладно. Но почему же это? Сырость и вода задерживаются между корнями деревьевъ и во мху, и въ лѣтніе жары, когда все высыхаетъ, вездѣ пыль, духота, въ лѣсу прохладно и такъ хорошо, легко дышать. Задерживая воду, лѣсъ спасаетъ людей отъ наводненій и другихъ бѣдствій. Озеро, рѣки, ручьи почти всегда обростають лѣсомъ или кустами. Весною во время оттепелей, снѣгъ начинаетъ быстро таять; вода вдругъ наполняетъ ручьи и рѣки, и широко разливаясь, затопляетъ деревни, губитъ крестьянское добро, вредитъ нивамъ, подгнаивая озимый хлѣбъ, что былъ посѣянъ осенью, а то и совсѣмъ смываетъ пахатную землю, или заноситъ ее пескомъ. Лѣсъ спасаетъ отъ такихъ опасныхъ наводненій тѣмъ, что не даетъ снѣгу слишкомъ быстро таять, и излишняя вода всасывается лѣсною землею. Мало сказать, что лѣсъ даетъ намъ пріютъ: вся жизнь наша зависитъ отъ лѣса. Лѣсъ даетъ пріютъ и пищу тысячѣ различныхъ животныхъ, птицамъ, насѣкомымъ.

Множество бѣдныхъ семействъ тѣмъ только и живутъ, что зарабатываютъ свой хлѣбъ охотою. Есть у васъ мѣховая шуба и шапка, и вы смѣло можете отправиться въ дальнюю дорогу и въ крѣпкій морозъ; а мѣхъ доставляютъ намъ лѣсные звѣри. Лѣсъ нуженъ для жилища какъ намъ, такъ и домашнимъ животнымъ. Въ бурю и непогоду скотъ стоитъ по деревяннымъ хлѣвамъ и сараямъ. Нѣтъ у васъ ни хлѣва, ни сарая, вы не можете держать скота, а скотъ необходимъ, чтобъ питаться мясомъ, молокомъ, имѣть обувь, которая бы защищала ноги ваши отъ сырости и мокроты; наконецъ, не будь его у насъ, гораздо меньше было бы хлѣба: домашній скотъ даетъ навозъ для удобренія земли, а унавоженная земля помогаетъ урожаю. Птицы гнѣздятся въ лѣсу, мясо многихъ изъ нихъ очень вкусная пища, изъ пуху ихъ дѣлають мягкія подушки и перины; чудное пѣніе многихъ изъ нихъ радуетъ человѣка, оживляетъ всю природу. Въ дуплахъ деревьевъ живутъ пчелы, дающія намъ сладкій медъ и воскъ, и множество другихъ насѣкомыхъ, которыя служатъ пищею птицамъ.

Подумайте же, какъ слѣдуетъ намъ любить и беречь лѣсъ, отъ котораго людямъ столько пользы и утѣхи.

Лисица.

Табл. 22.

И по зубамъ, и по когтямъ лиса принадлежитъ къ одному отряду съ волкомъ и собакой; но вся ея фигура обличаетъ въ ней хитрость, ловкость, умъ и притворяться. Мордочка у ней длинная, тонкая, верхняя губа немного приподнята, точно улыбается; а изъ-за губъ скалятся бѣлыя, острые зубы. Глаза небольшие, пронзительные; уши всегда на сторожѣ; лапки маленькія, хорошенькія. Ходитъ лиса тихо, вкрадчиво, нѣсколько нагнувшись впередъ, точно проситъ дозволенія войти. Одыта кумушка чисто и прилично: рыжеватая шубка ея отлиываетъ золотомъ и всегда лоснится какъ шелкъ. На горлышкѣ у лисы бѣлый галстучекъ, на груди бѣлый жилетъ, свой пушистый хвостъ носить кумушка на отлетѣ, очень осторожно и ловко. По всему видно, что лиса занимаетъ не послѣднее мѣсто въ благородной семьѣ пушныхъ звѣрей.

Живетъ лисынька по-барски: гдѣ нибудь въ глуши, подальше отъ людскихъ глазъ, роетъ она себѣ глубокую и очень вмѣстительную нору съ нѣсколькими выходами на всякій случай. Въ норѣ у ней не одна комната, а полы выстланы мягкимъ мхомъ: все очень уютно и прилично. Возлѣ своего жилья, лиса ведетъ себя скромно; но гдѣ нибудь подальше, на сторонкѣ, занимается разбойничьимъ промысломъ. У кумушки-лисы зубы остры и аппетитъ отличный, но она не кидается, какъ волкъ, на всякую падаль. Напротивъ, лиса большая лакомка и любитъ разнообразіе въ пищѣ: зайчикъ, мышка, птичка, курочка, гусекъ и даже рыбка попеременно являются за ея столомъ; она не прочь освѣжиться послѣ обѣда и кистью сочнаго винограда.

Лиса не труслива, но сильно не любитъ длиннорылыхъ борзыхъ, отъ которыхъ ей не всегда удается унести свой пушистый хвостъ. Бѣжитъ она быстро и дѣлаетъ большіе прыжки, ловко увертывается отъ собакъ, прилегаетъ къ землѣ, когда ее догоняютъ и даетъ имъ перескочить черезъ себя. Если же лиса видитъ, что убѣжать ей уже нельзя, то защищается отчаянно; но въ канканъ попадаетъ развѣ какая-нибудь глупая. Мѣхъ лисы цѣненъ, особенно лисицъ чернобурыхъ, мясо же имѣетъ сильный и неприятный запахъ.

О хитрой лисицѣ.

Табл. 22.

Мужикъ жаловался охотнику на свое горе; онъ говорилъ, что лиса украдала у него двухъ куръ и одну утку, и прибавилъ, что она ничуть не боится его дворняшки, которую онъ всегда спускаетъ на ночь съ цѣпи. Лисица не попадаетъ въ западню, хотя тамъ положенъ для нея кусокъ жаренаго мяса; а между тѣмъ каждое утро видно, по свѣжимъ слѣдамъ на вновь-выпавшемъ снѣгу, что лиса разгуливала около дома. Но охотникъ также не промахъ и знаетъ, какъ управиться съ лисой. Теперь ужъ пошло на то, кто кого перехитритъ.

Весь день проходилъ охотникъ съ ружьемъ и собакою по полю, — конечно, не затѣмъ, чтобы застрѣлить лисицу: онъ хорошо знаетъ, что днемъ встрѣтить ее трудно, и что въ это

время она, пожалуй, спитъ въ своей норѣ. Охотникъ хочетъ только, по слѣдамъ лисыньки, вызнать, отъ какого мѣста прокрадывается хитрая воровка. На ея пути онъ выкапываетъ для себя и для своей собаки яму, такой глубины, чтобы въ ямѣ можно было свободно усѣсться. Сверху покрываетъ онъ ее досками, землей и снѣгомъ и оставляетъ только узкій проходъ для себя и собаки и маленькое отверстіе для стрѣльбы. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ этой ямы онъ кладетъ большой кусокъ мяса палой лошади.

Наступаетъ вечеръ. Охотникъ засѣлъ съ заряженнымъ ружьемъ въ яму и ожидаетъ ночи.

Ужъ стемнѣло. Взошелъ мѣсяцъ; кругомъ въ деревняхъ все спитъ. Лисичка вылзаетъ изъ своей норы, по обыкновенію, очень осторожно. Она озирается во всѣ стороны и прислушивается, не шевелится ли что-нибудь, не грозитъ ли ей опасность, она нюхаетъ, поднявъ носъ, не пахнетъ ли чѣмъ-нибудь? Вотъ, почувяла она издали запахъ лошадиного мяса. Запахъ этотъ ей какъ нельзя болѣе по душѣ! Ужъ двое сутокъ она ничего не ѣла, кромѣ двухъ-трехъ ягодокъ мерзлой черники да одной тощей мыши: крестьянинъ припряталъ своихъ куръ въ недоступное для нея мѣсто.

Лисичка бѣжитъ по тому направленію, откуда доносится до нея запахъ лошадиного мяса, и, немного погодя, останавливается на холмикѣ, неподалеку отъ приманки. Холмъ слишкомъ далеко отъ ямы, и потому охотникъ еще не рѣшается стрѣлять въ лисицу. Но онъ уже замѣтилъ ее и сидитъ, не шелохнется.

Лисичка видитъ земляную насыпь, которой прежде не было; она понимаетъ, что здѣсь что-то неладно, и обдумываетъ, какъ бы осторожнѣе повести дѣло. Долго, внимательно поглядываетъ она на мясо и насыпь. Потомъ она сходитъ съ холма и дѣлаетъ большой обходъ вокругъ всего мѣста. Она все нюхаетъ и прислушивается. Немного погодя, она обѣжала уже цѣлый кругъ и снова сидитъ на холмѣ. Голодъ мучитъ ее, кусокъ мяса такъ и манитъ, а западни, съ которой она такъ хорошо знакома, нигдѣ не видать... Только, вотъ, насыпь съ окошкомъ ее беспокоитъ. Кто-нибудь да сидитъ въ той насыпи, — лиса это чувствуетъ. „Что, если пробѣжать между подозрительной насыпью и кускомъ мяса? Тогда ужъ навѣрно кто-нибудь да выскочитъ оттуда!..“

Наконецъ лиса рѣшилась. „Стоитъ только разъ попробовать“, думаетъ она, — „тогда ужъ наша взяла!..“ Собравшись съ духомъ, она съ быстротою вѣтра пробѣгаетъ между мясомъ и отверстіемъ для стрѣльбы, мимо охотника.

Будь тотъ поменьше знакомъ съ уловками лисицы, онъ, можетъ быть, и выстрѣлилъ бы по ней и, вѣроятно, далъ бы промахъ; но охотникъ опытенъ и потому сидитъ смирно.

Попробовала лисица эту штуку разъ, — ничего, сошло! Значитъ, можно бѣгать мимо подозрительной насыпи съ окошкомъ: оттуда никто не выходитъ.

„Чего же и бояться?“ Но, вѣрно, не знаетъ лисичка пословицы: „разъ все равно, что ни разу!“

Бодро, шагомъ подходитъ она къ мясу и начинаетъ его ѣсть.

Охотникъ осторожно, безъ шума, беретъ ружье и ждетъ, пока красношерстая плутовка повернется подъ выстрѣлъ. Выстрѣлъ раздался! Изъ ружейнаго дула блеснула молнія, показался

дымъ и вылетѣла дробь. Лисица подпрыгнула отъ боли на цѣлый аршинъ и упала мертвой. Черезъ нѣсколько минутъ она лежитъ уже въ сумкѣ охотника.

Волкъ и лисица.

Табл. 22.

Лиса курятинки накушавшись до сыта,
И добрый ворошокъ припрятавши въ запасъ,
Подъ стогомъ прилегла вздремнуть въ вечерній часъ.
Глядитъ, а въ гости къ ней голодный Волкъ тащится.
„Что, кумушка, бѣды!“ онъ говоритъ:
„Ни косточкой не могъ нигдѣ я поживиться,
Меня такъ голодъ и морить;
Собаки злы, настухъ не спить,
Пришло хотъ удавиться!“
— „Неужли?“ — „Право такъ.“ — „Бѣдняжка — куманѣкъ!
Де не изволишь ли сѣнца? Вотъ цѣлый стогъ:
Я куму услужить готова.“
А куму не сѣнца, хотѣлось бы мяснова —
Да про запасъ Лиса ни слова.
И сѣрый рыцарь мой,
Обласканъ по-уши кумой,
Пошелъ безъ ужина домой.

Молодая бѣлка.

Табл. 22.

На берегу моря росло большое и прекрасное каштановое дерево. Вблизи него стоялъ густой лѣсъ, въ которомъ было много орѣшникъ и дикихъ яблонь; неподалеку растилался маленькій лужокъ. Въ этомъ пріятномъ мѣстѣ, въ уединеніи, жило семейство трудолюбивыхъ бѣлокъ; двѣ старыя и одна молодая. Старыя съ утра до вечера работали зубами, очищая орѣхи, каштаны и яблоки; молодая жла то, что приносили ей отецъ и мать, а сама только бѣгала по стволу дерева, прыгала по вѣтвямъ, или, сидя на суку, дремала на солнцѣ. Но время шло: хвостъ у бѣлочки сдѣлался пушистѣе, шерсть на спинѣ гуще, усики длиннѣе, она повзросла.

Пора бы ей и за дѣло: помогать отцу и матери — приготавливать запасъ на зиму; но бѣлочка была избалована: она привыкла только бѣгать попусту и нѣжиться. Наконецъ отъ лѣности ей сдѣлалось скучно; орѣхи и яблоки попріѣлись; на деревѣ знакомъ ей каждый сукъ, каждый листокъ; на лужку могла бы она пересчитать всѣ былинки. Да ей и тѣсно стало казаться родное гнѣздышко.

„Что-жъ это за жизнь такая?“ подумала она. „Вѣчно одно и то же, да это хотъ кому надоѣсть! И развѣ нѣтъ ничего лучше нашего каштана? Почему знать, можетъ быть, есть деревья, на которыхъ растутъ орѣхи безъ скорлупы и яблоки безъ кожи? Можетъ быть, даже на нихъ растутъ гнѣзда для бѣлокъ сами собой, — остается только выбирать любое: нынче ночуй здѣсь, завтра — тамъ; раздолье, роскошь! И такъ, конечно; скорѣй долой съ дерева, скорѣй дальше въ лѣсъ, за лѣсъ, на острова, за мо-

ре! — И бѣлочка моргала, моргала чаще обыкновеннаго; глазенки у нея отъ удовольствія разгорѣлись, и она стала прыгать и скакать.

Отецъ и мать ея воротились, неся во рту отборные каштаны. Увидя, что бѣлочка безъ нихъ такъ забавляется, они обрадовались и сказали въ одинъ голосъ: — „какая она у насъ умница! Вотъ какъ веселится!“ — Но какъ же они опечалились, когда услышали, что она хотеть разстаться съ ними и путешествовать въ далекіе края! Они стали было ее уговаривать, но она оскалила зубы и завизжала такъ пронзительно, какъ будто ее драли за ухо.

— Ну, какъ хочешь! — сказалъ отецъ.

— Богъ съ тобой! — сказала мать.

— Когда же ты думаешь отправиться?

— Сейчасъ, сію же минуту! Время по-пусту тратить нечего! — отвѣчала она.

И, простившись съ отцемъ и съ матерью, она спрыгнула съ родного дерева, пустилась, куда глаза глядятъ. Бѣжить она часъ, бѣжить другой; все ей кажется еще близко къ своему гнѣзду, все мало: отдохнетъ, отдохнетъ и снова бросится бѣжать.

Отецъ и мать, оставшись одни, сѣли рядомъ на одномъ суку и, не трогаясь съ мѣста, долго смотрѣли въ ту сторону, куда побѣжала бѣлочка. Такъ просидѣли они до самаго вечера и, когда совсѣмъ смерклось, полѣзли въ свое гнѣздо. Оно показалось имъ пусто и холодно. „Гдѣ-то теперь наша малютка?“ — сказала мать, свертываясь клубкомъ. — „Такъ ли ей тепло, какъ въ нашемъ гнѣздѣ?“

Чистяковъ.

Чудная бѣлка.

Табл. 22.

Градъ на островѣ стоитъ
Съ златоглавыми церквами,
Съ теремами да садами.
Ель растеть передъ дворцомъ,
А подъ ней хрустальный домъ;
Бѣлка тамъ живетъ ручная
Да затѣйница какая!
Бѣлка пѣсенки поеть,
Да орѣшки все грызеть,
А орѣшки не простыя,
Все скорлупки золотыя,
Ядра — чистый изумрудъ.
Слуги бѣлку берегутъ,
Служать ей прислугой разной —
И приставленъ дьякъ приказный
Строгий счетъ орѣхамъ вестъ,
Отдаетъ ей войско честь;
Изъ скорлупокъ льютъ монету,
Да пускаютъ въ ходъ по свѣту,
Дѣвки сыплютъ изумрудъ
Въ кладовыя да подъ спудъ.
Всѣ въ томъ островѣ богаты:
Избѣ нѣтъ, вездѣ палаты.

Пушкинъ.

Кукушка.

Табл. 23.

Разсмотрѣть эту красивую птицу не легко, потому что она очень пуглива и всегда прячется въ древесной листвѣ, выскивая себѣ мѣстечко поближе къ водѣ. Но за то можно вдоволь наслушаться ея пѣнія: неумоимо кукуетъ эта перелетная птица въ извѣстное время года. Только самецъ поетъ, только самца мы слышимъ и слушаемъ; самка же не поетъ никогда. Мы сказали о томъ, гдѣ прячется кукушка; но гдѣ же она вьетъ гнѣздо и выводитъ своихъ птенцовъ? Нигдѣ! Кукушка снесетъ яйцо въ траву и подстерегаетъ, когда улетать изъ своего гнѣзда птички. Только что они улетѣли, кукушка захватываетъ въ клювъ снесенное ею яйцо и украдкою кладетъ его въ гнѣздо пѣвчей птички, чтобы та высидѣла изъ него кукушечку. Въ одно гнѣздо кукушечка кладетъ не больше одного яйца и такимъ образомъ надѣляетъ своими яйцами гнѣздъ восемь. Если пѣвчія птицы дома въ то время, когда кукушка собирается подбросить имъ яйцо, то онѣ, замѣчая ея приближеніе поднимаютъ сильный крикъ и оказываютъ ей сопротивленіе; иногда дѣло доходитъ даже до драки. Если же кукушкѣ удастся подложить снесенное ею яйцо подъ пѣвчую птицу, то эта птица высидиваетъ его вмѣстѣ со своими яичками. Черезъ нѣсколько времени можно видѣть въ ея гнѣздѣ довольно крупную кукушечку, окруженную очень маленькими птенцами пѣвчей птицы. Мать кормитъ приемыша, какъ родныхъ своихъ дѣтокъ; бѣда только въ томъ, что приемышъ-то очень великъ и такъ прожорливъ, что маленькой матери никакъ не натащить ему до-сыта разныхъ гусеницъ и насѣкомыхъ. Иногда приемышу приходится плохо: вѣдь онъ не одинъ на попеченіи пѣвчей птички. Случается однако и такъ, что отъ приемыша приходится плохо молодымъ хозяйкамъ гнѣзда; птенецъ кукушки растетъ быстрѣе птенцовъ пѣвчей птицы, становится сильнѣе ихъ и подчасъ выбрасываетъ изъ гнѣзда одного изъ членовъ той семьи, которая пріютила его сироту. Кукушка неумоимо истребляетъ майскихъ жучковъ, вредныхъ бабочекъ и въ особенности волосатую гусеницу, которой не ѣсть ни одна птица кромѣ ея.

Ваннеръ.

Кукушка и Горлинка.

Табл. 23.

Кукушка на суку печально куковала.
 „Что кумушка, ты такъ грустна?“
 Ей съ вѣтки ласково Голубка ворковала.
 „Или о томъ что миновала у насъ весна
 И съ ней любовь, спустилось солнце ниже
 И что къ зимѣ мы стали ближе?“
 — „Какъ бѣдной, мнѣ не горевать?“
 Кукушка говоритъ. „Будь ты сама судьбою:
 Любила счастливо я нынѣшней весною,
 И, наконецъ, я стала мать;
 Но дѣти не хотятъ совѣмъ меня и знать,
 Такой-ли чаяла отъ нихъ я платы!
 И не завидно-ли, когда я погляжу,
 Какъ увиваются вокругъ матери утята,

Какъ сыплютъ къ курицѣ дождемъ по зву цыплята.

А я, какъ сирота, однимъ одна сижу,

И что есть дѣтская привѣтливость, не знаю.

— „Бѣдняжка, о тебѣ сердечно я страдаю;

Меня бы нелюбовь дѣтей могла убить

Хотя примѣръ такой не рѣдокъ;

Скажи-жъ — такъ-стало, ты вывѣла и дѣтокъ?

Когда же ты гнѣздо успѣла свить?

Я этого и не видала:

Ты все порхала, да летала.“

— „Вотъ вздоръ, чтобъ столько красныхъ дней

Въ гнѣздѣ я, сидя, растеряла;

Ужъ это было бы всего глупѣй!...

Я яйца всегда въ чужія гнѣзда клала“.

— „Какой же хочешь ты и ласки отъ дѣтей?“

Ей Горлинка на то сказала.

Крыловъ.

Бекасъ.

Табл. 22.

Бекасъ лѣсной или вальдшнепъ очень остороженъ, и на открытомъ мѣстѣ не строитъ себѣ дома. Цѣлый день бекасъ проводитъ обыкновенно въ лѣсу, ворочаетъ и переворачиваетъ тамъ на землѣ давно спавшіе полугнилые листья. По ночамъ онъ вылетаетъ изъ лѣсу, на берегу ручьевъ, рѣчекъ и озеръ моетъ свой длинный клювъ и на досугъ копается имъ въ болотной грязи. Эта птица видитъ въ сумеркахъ гораздо лучше, чѣмъ днемъ, и потому въ ясное время дня держится всегда въ самой темной чащѣ и тамъ же вьетъ свое плохое неудобное гнѣздо. Съ большимъ трудомъ, между кустами, съ невѣроятными предосторожностями, понятными только для охотника, можно кое-какъ подстеречь вальдшнепа въ гнѣздѣ. Но видѣть домашнюю жизнь обыкновеннаго, болотнаго бекаса — еще несравненно труднѣе; онъ гораздо хитрѣе, проворнѣе, летаетъ быстрѣе и выше вальдшнепа. Поднявшись довольно высоко, онъ иногда дико и пронзительно свищетъ, а иногда голосъ его бываетъ похожъ на жалобное блеяніе, почему въ народѣ у насъ его иногда называютъ барашкомъ.

Мнѣ случалось иногда видѣть, какъ по болоту, на непроходимой трясинѣ, бѣгаютъ птенцы бекаса, но ни разу не удавалось увидать ихъ въ гнѣздѣ. Черная оконечность коричневаго бекасиного клюва своими неровностями похожа на сафьянъ. Очень легко объяснить себѣ, для чего у нихъ довольно жесткій, острый язычекъ; можетъ быть для того, чтобы прокалывать имъ червяковъ, найденныхъ въ грязи, и удобнѣе ихъ вытаскивать оттуда. Но къ чему на оконечности клюва эти неровности, которыя высыхаютъ и пропадаютъ довольно скоро, когда бекасъ убить? Не въ нихъ ли заключается то чувство, котораго нѣтъ у человѣка, то чутье, которое у охотничьей собаки тоже объясняется морщинами и складками на оконечности мокраго и подвижнаго носа. Чутье собаки рѣдко ошибается, точно также какъ и бекаса, который никогда не видитъ своей добычи, но копаясь въ грязи, всегда находитъ себѣ, что съѣсть и чѣмъ быть сытымъ.

Ужъ и гадюка.

Табл. 22.

Всякій, кто видѣлъ ужа, знаетъ, что ужъ не четвероногое животное, не птица, не насѣкомое и не рыба, а змѣя, длиною до полутора аршина. Тамъ, гдѣ голова ужа соединяется съ туловищемъ, у ужа, съ каждой стороны, по желтому или бѣлому, полукруглому пятну. Языкъ ужа, какъ у всѣхъ змѣй, оканчивается вилочкой; этотъ языкъ, который змѣя можетъ втянуть въ себя и выпустить, называютъ жаломъ. Оно служитъ только къ тому, чтобы ошупывать предметы: а люди воображаютъ себѣ, будто бы змѣя жаломъ можетъ сдѣлать рану, т. е. ужалить. Когда ужъ сердится, то онъ шипитъ и выпускаетъ жало; жалото его гораздо легче замѣтить, чѣмъ маленькіе зубки, которыми онъ можетъ однако оцарапать, если укусить. Но онъ кусаетъ людей очень рѣдко, и укушеніе отъ него не причиняетъ ни малѣйшаго вреда. Ужъ любитъ жить надъ водою, хорошо плаваетъ и ныряетъ въ водѣ по получасу и болѣе. Какъ всѣ змѣи, ужъ, когда живетъ на волѣ, питается только живымъ мясомъ; онъ гоняется за лягушками, ящерицами и глотаетъ, не жевавши, до пяти лягушекъ сряду. Ужъ легко привыкаетъ къ человѣку и живетъ въ домахъ, на зиму онъ залѣзаетъ туда, гдѣ нѣтъ морозу, а лѣтомъ часто живетъ подъ зданіями. Лѣтомъ ужъ, какъ всѣ змѣи, несетъ яйца; яйца свои, величиною съ голубинныя, онъ кладетъ въ навозныя кучи и болѣе о нихъ не заботится. Изъ змѣиныхъ яичекъ выходятъ маленькія змѣйки съ такою-же красною и холодною кровью, какъ и ихъ родители.

Эти змѣйки, если-бы онѣ родились даже подъ осень, не пропадутъ съ голода, потому что змѣи могутъ оставаться безъ пищи чуть не цѣлый годъ. Отъ ужа нѣтъ никакой опасности человѣку; но полезно-ли то, что ужъ истребляетъ лягушекъ и ящерицъ? Нѣтъ; это вредно, потому что эти животныя питаются такими червяками и насѣкомыми, которые вредятъ растеніямъ, нужнымъ человѣку.

У ужа только и есть одно средство къ защитѣ: это вонючая жидкость, которою онъ обрызгиваетъ врага. Счастливые ужа ядовитыя змѣи, могущія умерщвлять своимъ ядомъ животныхъ, которыя гораздо сильнѣе ихъ. Ядоносныя зубы помѣщаются на верхней челюсти и состоятъ изъ трубочки, узкій конецъ которой открытъ, загнуть и остріемъ захватываетъ предметъ, укушенный змѣей. Широкий конецъ этой трубочки прикрѣпленъ къ пузырьку съ ядомъ; когда змѣя кусаетъ, то зубъ давитъ на пузырекъ, изъ котораго и течетъ ядъ по трубочкѣ въ ту ранку, гдѣ торчитъ остріе зуба.

Очень большія ядовитыя змѣи плодятся въ такихъ странахъ, гдѣ нѣтъ зимы; у насъ водится ядовитая сѣрая змѣйка, вдвое меньше ужа, но съ ясно замѣтной головкой и черной извилистой полоской на спинѣ; ее зовутъ гадюкой. Отъ укушенія гадюки могутъ умирать люди и животныя.

Слава Богу, что гадюка не въ силахъ прокусить сапога, и что она никогда не нападаетъ на людей, если ее не беспокоятъ; она питается преимущественно мышами, но ѣстъ и птичекъ. Ядъ змѣи дѣлаетъ вредъ тогда, когда черезъ ранку попадаетъ въ кровь, а если онъ только коснется тѣла или попадетъ въ желудокъ человѣка, то отъ этого вреда не будетъ.

Поэтому можно высасывать рану, сдѣланную гадюкой, для того, чтобы не пустить яда въ кровь. Отъ укушенія ядовитой змѣи чувствуется такая боль, какъ будто укусила пчела; укушенное мѣсто опухаетъ, укушенный чувствуетъ большую слабость и сильную жажду, которыя иногда сопровождаются поносомъ и бредомъ. Всего лучше, при укушеніи гадюкой, сейчасъ же разрѣзать рану и выпустить побольше крови да непремѣнно обратиться къ врачу, а не къ шептухѣ.

Всякихъ змѣй истребляютъ ласки, ежи, хори, аисты.

Мальчикъ и змѣя.

Табл. 22.

Мальчишка, думая поймать угря,
Схватилъ змѣю и возрившись, отъ страха,
Сталъ блѣдень, какъ его рубаха.
Змѣя, на Мальчика спокойно посмотри,
„Послушай,“ говоритъ, „коль ты умнѣй не будешь,
То дерзость не всегда легко тебѣ пройдетъ.
На сей разъ Богъ проститъ: но берегись впередъ,
И знай съ кѣмъ шутишь!“

Крестянинъ и змѣя.

Табл. 23.

Къ Крестянину вползла змѣя,
И говоритъ: „Сосѣдъ, начнемъ жить дружно!
Теперь меня тебѣ стеречься ужъ не пужно;
Ты видишь, что совѣмъ другая стала я,
И кожу нынѣшней весной перемѣнила.“
Однако-жъ Мужика Змѣя не убѣдила.
Мужикъ схватилъ обухъ
И говоритъ: — „Хоть ты и въ новой кожѣ,
Да сердце у тебя все то же.“
И вышибъ изъ сосѣдки духъ.

Псовая охота.

Табл. 22, 23 и 24.

Сторожъ вокругъ дома господскаго ходить,
Злобно зѣваетъ и въ доску колотить.
Мракомъ задернуты небо и даль,
Вѣтеръ осенній наводитъ печаль;
По небу тучи угрюмыя гонить,
По полю листья — и жалобно стонеть...
Баринъ проснулся, съ постели векочилъ,
Въ туфли обулся и въ рогъ затрубилъ.
Въ строгомъ порядкѣ, ускореннымъ шагомъ
Ѣдутъ псары по холмамъ и оврагамъ.
Стало свѣтать: проѣзжаютъ селомъ —
Дымъ поднимается къ небу столбомъ,
Бабы изъ оконъ пугливо глядятъ,
„Глянь-ко, собаки!“ ребята кричатъ...

Вот поднимаются медленно въ гору.
 Чудная даль открывается взору!
 Рѣчка внизу подъ горою бѣжитъ,
 Инеемъ зеленъ долины блеститъ,
 А за долиной слегка бѣловатой,
 Лѣсъ, освѣщенный зарей полосатой.
 Ближе и лай, и порсканье, и крикъ —
 Вылетѣлъ бойкій русакъ — материкъ!
 Гикнулъ помѣщикъ и ринулся въ поле...
 То-то раздолье помѣщицъей волѣ!
 Черезъ ручьи, буераки, и рвы
 Бѣшено мчится, не жаль головы!
 Время межъ тѣмъ незамѣтно идетъ,
 Песъ измѣняетъ и конь устааетъ.
 Падаеть сизый туманъ на долину,
 Красное солнце зашло вполовину
 И показался съ другой стороны
 Очеркъ безжизненно бѣлой луны.
 Слѣзли съ коней, поджидаютъ у стога,
 Гончихъ сбиваютъ, сзываютъ въ три рога,
 И повторяются эхомъ лѣсовъ
 Дикіе звуки нестройныхъ роговъ.
 Скоро стемнѣетъ. Ускореннымъ шагомъ
 Бѣдутъ домой по холмамъ и оврагамъ.
 При переправѣ чрезъ мутный ручей,
 Кинувъ поводья, поятъ лошадей.
 Рады борзныя, довольны тавкуши:
 Въ воду залѣзли по самыя уши!
 Вотъ, наконецъ, добрались до ночлега...
 Вышивъ изрядно, поужинавъ плотно,
 Баринъ отходить ко сну беззаботно,
 Завтра велитъ себя раньше будить.
 Чудное дѣло — скакать и травить!

Некрасовъ.

Гадюка.

Табл. 22.

Вокругъ нашего хутора, по яругамъ и мокрымъ мѣстамъ водилось немало змѣй.

Я не говорю объ ужахъ: къ безвредному ужю у насъ такъ привыкли, что и змѣей-то его не зовутъ! У него есть во рту небольшіе острые зубы, онъ ловитъ мышей и даже птичекъ и, пожалуй, можетъ прокусить кожу; но нѣтъ яду въ этихъ зубахъ и укушеніе ужа совершенно безвредно. Ужей у насъ было множество, особенно въ кучахъ соломы, что лежала около гумна: какъ пригрѣетъ солнышко, такъ они и выползутъ оттуда; шипятъ, когда подойдешь, языкъ или жало показываютъ, но вѣдь не жаломъ змѣи кусаютъ. Даже въ кухнѣ подъ поломъ води-

лись ужи, и какъ стануть, бывало, дѣти сидя на полу, молоко хлебать, такъ ужъ и выползетъ и къ чашкѣ голову тянетъ, а дѣти его ложкой по лбу.

Но водились у насъ не одни ужи: водилась и ядовитая змѣя, черная, большая, безъ тѣхъ желтыхъ полосокъ, что видны у ужа около головы. Такую змѣю зовутъ у насъ гадюкою. Гадюка не рѣдко кусала скотъ и если не успѣютъ, бывало, позвать съ села стараго дѣда Охрима, который зналъ какое-то лекарство противъ укушенія ядовитыхъ змѣй, то скотина непременно падаетъ — раздуетъ ее бѣдную, какъ гору. Одинъ мальчикъ у насъ такъ и умеръ отъ гадюки. Укусила она его около самаго плеча и, прежде чѣмъ пришелъ Охримъ, опухоль перешла съ руки на шею и грудь: дитя стало бредить, метаться и черезъ два дня померло. Я въ дѣтствѣ много слышалъ про гадюкъ и боялся ихъ страшно, какъ будто чувствовалъ, что мнѣ придется встрѣтиться съ опасной гадиной.

Косили у насъ за садомъ въ сухой балкѣ, гдѣ весной всякій годъ бѣжитъ ручей, а лѣтомъ только сыровато и растеть высокая, густая трава. Всякая косовица была для меня праздникомъ, особенно какъ сгребуть сѣно въ конны. Тутъ, бывало, и станешь бѣгать по сѣнокосу и со всего размаху кидаться въ конны и барахтаться въ душистомъ сѣнѣ, пока не прогонять бабы, чтобы не разбивалъ копенъ. Вотъ такъ-то и въ этотъ разъ бѣгаль я и кувыркался: бабъ не было, косари пошли далеко и только наша черная, большая собака Бровко лежала на коннѣ и грызла кость. Кувырнулся я въ одну конну, перевернулся въ ней раза два и вдругъ вскочилъ съ ужасомъ. Что-то холодное и скользкое махнуло меня по рукѣ. Мысль о гадюкѣ мелькнула въ головѣ моей и что-же? Огромная гадюка, которую я обезпокоилъ, вылѣзла изъ сѣна и, подымаясь на хвостъ, готова была на меня кинуться. вмѣсто того, чтобы бѣжать, я стою какъ окаменѣлый, будто гадина зачаровала меня своими безвѣковыми, неморгающими глазами. Еще бы минута — и я погибъ; но Бровко, какъ стрѣла, слетѣлъ съ конны, кинулся на змѣю и завязалась между ними смертельная борьба. Собака рвала змѣю зубами, топтала лапами; змѣя кусала собаку и въ морду, и въ грудь, и въ животъ. Но черезъ минуту только клочки гадюки лежали на землѣ, а Бровко кинулся бѣжать и исчезъ.

Тутъ только воротился ко мнѣ голосъ; я сталъ кричать и плакать; прибѣжали косари и косами доби́ли еще трепетавшіе куски змѣи.

Но страннѣе всего, что Бровко съ этого дня пропалъ и скитался неизвѣстно гдѣ. Только черезъ двѣ недѣли воротился онъ домой: худой, тощій, но здоровый. Отецъ говорилъ мнѣ, что собаки знаютъ траву, которую онѣ лечатся отъ укушенія гадюки.

